

Саша Финшер

Где деньги,
Марродер?

Однажды в какой-то реальности российский император выбрал в жены не ту принцессу, и локомотив мировой истории покатился по совершенно другим рельсам...

Я вернулся в Петербург, отслужив три года по контракту. Вот только привыкнуть к прежней жизни у меня не вышло. Так что я сел на поезд и поехал в Сибирь. В поисках новой жизни или нового себя.

По дороге неведомый стрелочник отправил мой вагон по другим рельсам и в совершенно другую реальность.

Нет, поезд привез меня в Сибирь.

Только Сибирь оказалась совсем другая.

— Где деньги, Лебовский?!

Как же я надеялся никогда больше не услышать этой фразы! В прошлой реальности практически каждый новый знакомый, узнав мою фамилию, начинал знакомство именно с этой цитаты из одного сомнительного шедевра мирового кинематографа.

Приколисты, блин! Фильм, кстати, был так себе. Вообще никогда не понимал восторгов по его поводу.

Вот только сейчас надо мной, похоже, никто не прикалывался. Меня выдернули из-под одеяла, подхватив за локти, и выплеснули в лицо ведро ледяной воды. И вряд ли они пытались щегольнуть знанием современной киноклассики

— Где деньги, Лебовский?! — повторил Йован. Здоровенный серб поставил ведро на пол. Одет он был, как всегда, в траченный молью мундир Соловецкой артели. Хрен знает, где он его раздобыл на самом деле, каждый раз он по этому поводу рассказывал очередную драматическую историю, ни одна из которых не была правдой.

— Или ты думаешь, что любимчик ректора может вот так запросто творить все, что ему захочется, а мы будем глотать, как твои шлюшки с медицинского?

— Да о чем ты вообще говоришь? — спросил я, проверяя насколько крепко меня держат. Кстати, я и правда не понимал. Я вернулся в Томск позавчера, и с тех пор первый раз лег спать... Я посмотрел на часы на стене. Шесть двадцать утра. Ага. Чуть больше двух часов назад.

— Вот ты говно на ножках! — Йован без замаха врезал мне под дых. Весь воздух вылетел из легких, меня бы согнуло, но двое его верных миньонов держали крепко. За локти. Так. За локти... Соединить большой и безымянный, потом большой и указательный. Скрестить мизинец и средний.

— Пальцы, дебилы!!! — Йован попытался отскочить в сторону, но было поздно, заклинание сработало. Его ноги разъехались на внезапно ставшим страшно скользком полу. И он грянулся на пол. Ноги его прихлебал тоже разъехались, пальцы соскользнули с моих рук. Я быстро схватил со стула свои вещи, сунул ноги в сапоги и выскочил из комнаты. Действие склизлы длится минуты полторы-две, так что фора у меня так себе.

Я прогрохотал сапогами по металлическим ступеням черной лестницы, дернул задвижку и выскочил на задний двор общежития. Вот что мне мешало уйти спать к своим? Нет, блин, поленился. Ночь, пешком далеко, omnibusы не ходят.

— Лебовский? — сидевший у стены Корчин едва сумел сфокусировать на мне взгляд. — Опять муж вернулся не вовремя?

— Много ты знаешь замужних в общежитии? — огрызнулся я, прыгая на одной ноге, а другой пытаюсь попасть в штанину.

— Да хрен тебя знает, как ты их находишь... — Корчин отхлебнул из бутылки. Вот нормальный же мужик, когда трезвый! Только он теперь все время бухой. Как и все мужики-каратели. Почему-то нормально заниматься медициной получается только у одаренных девчонок. А парни рано или поздно текут крышей.

— Эх, стоит один раз трахнуть овцу... — пробормотал я. История с замужней со мной случилась единственный раз, и больше я к ним на пушечный выстрел не приближаюсь. Но теперь мне фиг забудут.

— Лебовский, стой, скотина! — в окно четвертого этажа высунулся Йован. — Все равно я тебя поймаю!

В этот момент я сумел-таки застегнуть штаны и побежал дальше. Рядом со мной об край клумбы разбилась брошенная мне вслед бутылка. Сверху раздалось очень характерное кляцанье дробовика.

Да, бля... Я принялся слегка раскачиваться и петлять, чтобы прицелиться было трудно, нырнул за живую изгородь, пробежал мимо Мертвого Лося, морга-котельной, перемахнул через забор и свернул в переулок. На шаг я перешел только через три квартала.

Какого хрена вообще произошло?

Опять чудит мой «темный двойник»? В прошлый раз примерно такая же фигня была, но я считал, что у меня получилось избавиться от этой дряни...

Глава 1. Добро пожаловать в Сибирские Афины!

Я вышел из кабинета ректора со смутным ощущением, что совершенно не помню разговора. Да и фиг бы с ним, с самим разговором дословно. Непонятки остались в другом — это тот же самый мужик, с которым я разговаривал на темной стоянке где-то еще в своем мире. И потом еще раз. Во сне. Или мне все это реально приснилось, а ректор Гезехус — это просто совпадение такое. Ну или не совсем, скажем так, совпадение, а...

Я остановился на крыльце. Компания развеселых выпивох куда-то откочевала. Вместо них на ступенях сидел один единственный очкарик, уткнувшийся носом в исписанную мелким почерком тетрадку. Девушка в длинном белом платье клацала здоровенными садовыми ножницами, вырезая из бесформенного куста... что-то. Вообще это была первая девушка, которую я увидел здесь. Или парней среди студентов было сильно больше, или девушек в основном скрывали от глаз. Опять отчаянно захотелось закурить. В ноздрях еще держался запах табачного дыма из ректорского кабинета.

Я присел на ступеньку крыльца, и вдруг обнаружил, что, оказывается, мои руки вовсе не пустые. Видимо, эту тощенькую картонную папку мне вручил ректор, перед тем, как я покинул его кабинет. Или, может, его секретарь?

А там был еще секретарь?

Я изо всех сил напряг мозги, пытаясь восстановить, что же все-таки происходило в кабинете.

Вот его кресло разворачивается... До этого момента я помнил четко, а потом какие-то сплошные обрывки-осколки. Белая собака в углу была, или мне только показалось?

А горбатая одноглазая старушка за книжным шкафом, который на самом деле оказался потайной дверью в подвал?

И такой еще... самовар из которого в чайную чашку лилась тонкая струя голубого света?

А здоровенные жуки в коробке из-под ботинок?

Что-то фигня какая-то. Как будто я сел в кабинете у ректора на стул и уснул. И мне приснилась всякая фигня, которая перепуталась в моей голове с реальным разговором. Лучше посмотрю, что в папке. По крайней мере тут я могу быть полностью уверен, что она настоящая.

Я отогнул сероватый картон, на котором размашистым почерком было написано «Б.Лебовский».

Негусто, прямо скажем.

Пропуск в библиотеку начальный, записка коменданту общежития Пузкову Н.Н., чтобы тот распорядился предоставить мне кровать. Так, а это что? Полотно неокрашенное, два погонных метра. Бумага писчая, 200 листов. Экстракт бородавочника безусого, бутылка аптекарская, большая. Ага, какой-то список. Дальше у нас что? Правила для обучающихся в Первом Сибирском Университете. Что-то я уже запутался с официальным названием этого учебного заведения. Так он императорский? Томский? Или Первый Сибирский? А впрочем, какая разница, если задуматься?

О, а вот эта бумага, как я понимаю, касается Бюрократа, Гиены и Натахи. Записка адресована Вахопулову Гришке, жандармскому вахмистру и кровопийце. Прямо так и было написано. Я настолько удивился, что даже вчитался повнимательнее.

«Это письмо тебе вручит особо ничем не примечательный парень, если он будет выше,

чем тебе по погону, значит по дороге его ограбили, и можешь смело взять дурака, который это сделал. Паренька зовут Богдан Лебовский, и у него в гостишке томятся трое друзей, которых он хочет непременно в Томске поселить.

Значит, троцца такая. Клаус Маркович Витте, мошенник и казнокрад, дальний родственник твоего секретаря. Наталья, точнее, прости-господи, Натаха-Холера из Новониколаевска. Такая она, твоя удача, Гришка! И третий, Степан Кулема. Ничем не примечательный мужик.

Надобно им найти жилье на первое время, а потом посмотрим.

Пошлину и всякое такое оплатят, деньги есть.

На Витте хлебальник не разевай, он мой.

Покедова!

Гезехус.

P.S. Передай, кстати, с парнем квитанции на моих обормотов. Я тут им в карты проигрался, так что оплачу.

P.P.S. Проходку через ворота на имя Лебовского пока не выписывай, пусть сначала заработает».

Хорошо. Значит в процессе разговора я не забыл позаботиться о Бюрократе, Гиене и Натахе. Я снова попытался вспомнить хоть что-нибудь, память тут же подсунула эпизод с распаивающимся глобусом, внутри которого были вовсе не бутылки, как в таких ситуациях полагается, а клетка со змеей. И дудка как у факира в бархатной выемке рядом.

Ладно, хрен с ним, с этим приемом у ректора. Судя по набору бумажек, стартовое собеседование пройдено, теперь надо топать за ворота, забирать свою троицу и всем вместе тащиться к этому Вахопулову. Или сначала к Вахопулову, а потом за ворота? А то еще меня обратно не впустят...

Короче, топай, Лебовский, не тормози. А то уже скоро темнеть начнет.

Никакого забора вокруг университета не было. Кустики и клумбы, ряд пока не окрепших деревьев, вот и вся ограда цитадели сибирской науки.

Я надеялся, что когда я выйду за пределы зеленой универовской лужайки, случится какая-нибудь магия, и я — бумм! — и сразу буду знать, куда мне идти и кого там искать. Но нифига подобного не случилось. Ну что ж, значит придется пользоваться старым проверенным способом поиска всякого нужного. А именно — болтать с аборигенами.

Идти направо показалось мне перспективнее, так что я свернул направо и потопал по улице. Выглядывая попутно подходящие источники информации.

Веселого забулдыгу, оживленно спорящего с телеграфным столбом, и хмурого типа в черном плаще, подпирающего как бы невзначай стену двухэтажного дома с резными ставнями, я отмел сразу. Третьим вариантом оказался бородатый дворник. Я несколько секунд понаблюдал, как он с деланным энтузиазмом возюкает метлой по деревянному тротуару. Явно не хотелось человеку работать, почему бы не предоставить ему уважительную причину просто постоять и почесать языком?

— Прошу прощения, уважаемый! — я похлопал дворника по плечу.

— Что? Что еще? — тот вздрогнул и закрутил головой. — Работаю я! Ра-бо-та-ю!

— Ой, извините, что отвлекаю, — говорю. — Я только спросить хотел. Вы же наверняка город хорошо должны знать...

— Ах это... — он сразу как-то расслабился и приосанился. — Ясен пень, знаю. Что там у тебя?

— Мне нужна жандармерия или что-то подобное, — говорю.

— Чаво? — кустистые брови дворника сошлись на переносице. Вместе с малиновым носом они теперь смотрелись как маска из магазина приколов.

— Хм, ну может я не так выразился, — сказал я и заглянул в бумажку. — Мне нужен Григорий Вахопулов. Его в письме назвали жандармом, вот я и подумал...

— Ах, Гришка нужен! — дворник снова приосанился. И даже заложил два пальца под полу своего рабочего халата. Ну, не называть же пальто это недоразумение из рогожки, которое было на нем надето? — Так это ты не в ту сторону идешь. Вертася в зад, топай по Почтамтской, а потом до Толкучего рынка. И вот там тебе его дом кто угодно покажет. Только жандармом его там не называй, побьют еще.

— А там что? — спрашиваю и показываю в ту сторону, куда я собирался идти.

— Тюрьма и психический госпиталь там, — сказал дворник.

— Хорошо, что я вас встретил, — говорю. — Ты же тут все время работаешь?

— А то, — отвечает. — Уже десять лет как. Или все пятнадцать.

— Я Богдан, — говорю. — В университет учиться приехал. Спасибо за помощь!

Я махнул рукой, быстро развернулся и потопал в противоположном направлении. Вообще я бы и еще поговорил, люблю болтливых дурачков, типа вот этого, но реально было уже некогда. По темноте шарохаться в незнакомом городе — то еще удовольствие.

— Я Прохор! — прокричал мне вслед дворник. — Кузьяев!

— Очень приятно, — пробормотал я.

Протормозил я только рядом на перекрестке с широченной раскатанной улицей, рядом с указателем «К южным воротам». Думал я секунды три, потом свернул. В крайнем случае, дам на воротах почитать письмо от ректора, объясню, что, мол, темнеет, и все такое... Выкручусь, короче. А уже потом мы вернемся все вместе, дотопаем до этого Толкучего рынка, там наверняка есть какой-никакой кабак. Прибытие отметить...

В общем, подгоняемый этими благостными мыслями я дошел до ворот.

Скучающий дежурный сидел рядом с закрытыми створками и лениво гонял в коробочке «пятнашку». Я набрал в грудь воздуха, чтобы обратиться, но он поднял голову и вскочил сам.

— Новый студент? За своими пришел? — говорит. Молодой парень, светлые волосы торчат как попало в стороны, одежда на униформу смахивает разве что отдаленно. — Вовремя ты, а то их этот немец в усмерть может напоить. Давай я тебя через верх проведу, чтобы ворота зря не открывать.

Я проглотил заготовленную фразу, не успев удивиться, откуда он так быстро все знает.

— Вроде того, — говорю. — А что, документов никаких не надо?

— Потом покажешь, — парень махнул рукой, мол, следовать за ним, и открыл маленькую дверцу рядом с большими воротами. Я взобрался следом за ним по узкой темной лестнице до деревянного люка. Через который мы выбрались в квадратную башню над воротами.

— Я тут вас подожду, топай до гостишки, — он ткнул мне пальцем в деревянную платформу подъемника. Без перил или чего-то подобного, никакой техники безопасности! Конструкция выглядела настолько ненадежной, что мне как-то даже не по себе стало. Но виду я не подал, смело встал на скрипнувшие под ногами доски и повернул рычаг.

Уф, блин! Пара минут страха и желания все время схватиться за едва ползущий трос, и я на земле.

Долго искать и выспрашивать мне не пришлось. Брюквера было слышно еще наверху.

Он немелодично горланил песню на немецком, иногда заменяя слова на «айлюлю!» и «цаца».

Я остановился метрах в двадцати и некоторое время с умилением смотрел на идиллическую картину. Компания расположилась за деревянным столом под дощатым навесом. Рыжий Брюквер сидел в обнимку с Гиеной, они раскачивались в такт песенке, изредка пилот отхлебывал из темно-зеленой бутылки. На моментах «айлюлю!» и «цаца!» Гиена даже подпевал. Натаха стояла поодаль, распустив волосы, которые на фоне закатного солнца смотрелись и вовсе уж огненными. Даже Бюрократ утратил немного свою чопорность. Очки слегка перекосились, в руках — жестяная кружка. Кроме этих четверых присутствовали еще два каких-то невразумительных хмыря, и пышногрудая деваха, о роде занятий которой даже особенно задумываться не приходилось. Один из хмырей лапал ее за сиськи, стягивая низкий ворот рубахи еще ниже. Она делала вид, что возмущается, сама же при этом постоянно крутилась так, чтобы ее то и дело выскакивающие на всеобщее обозрение соски были на виду у всех присутствующих мужчин.

— Эй, Бюрократ, — говорю. — Вас как, оставить здесь на ночь, или в город перебазируемся?

— Дали разрешение? — он увидел меня и просиял. Вскочил, поставил на стол кружку и поправил очки. Было заметно, что он слегка нетрезв, но пока еще далеко не в дрова.

— Почти, — отвечаю. — Но у ректора на тебя уже виды, так что готовься. Натаха, Гиена! На выход, с вещами!

— О, Боня! — Гиена перестал петь и раскачиваться. Аккуратно высвободился из цепких объятий Брюквера. Поймал за руку шлюшку и усадил ее на свое место. Брюквер был явно не против такой замены в поле. Во всяком случае, его пение сменилось на одобрителное бормотание, а обе руки немедленно оказались на пышных прелестях девицы. Натаха быстро заплела свои не совсем просохшие волосы в косу.

— Сейчас вещи захвачу, и можем идти, — сказала она.

— Брюквер, ты просто мой герой! — сказал я и хлопнул пилота по плечу. Тот не обратил на меня ровным счетом никакого внимания, впрочем, я его понимал. Что я такое в сравнении с податливым женским телом, которое ему сунули прямо в руки? Какой-то пассажир, делов-то...

Пока скрипучий механизм поднимал нас на стену, я, чтобы отвлечься и не думать о том, что сейчас какой-нибудь трос не выдержит, и мы все четверо вместе с ненадежными даже на вид досками, грянемся под стену, я рассказал в общих чертах, что у меня произошло. Ну, то есть, что я поговорил с ректором и он вручил мне всякие начальные бумаги, Помахал папочкой. А про всякие свои странные воспоминания, жуков и одноглазую старуху умолчал пока что.

Внизу я попытался показать дежурному письмо от ректора Вахопулову, но тот только отмахнулся. Мол, нафиг, он сам видел, как мы из цеппелина все вместе выходили, ватажники и диверсанты на цеппелинах не летают, а если мы, к примеру, имперские шпионы, то документы у нас стопудово будут в порядке.

Мы снова поднялись до перекрестка Почтамтской и Южного тракта, свернули налево и пошли искать Толкучий рынок. А солнце тем временем уже почти закатилось.

Сама по себе площадь Толкучего рынка мало чем отличалась от любой из Базарных в Новониколаевске. Торговые палатки рядами, в вечернее время в основном пустующие. Несколько помостов для всяких увеселительных затей. Глухие стены складов и лабазов по

одной стороне, и развеселые фасады кабаков и рюмочных — с другой. И как раз в той части, где наливали всякое алкогольное и подавали закуски на тарелках, жизнь сейчас как раз только и начиналась.

— Это мы вовремя пришли, — сказал я, окидывая взглядом стекающийся к многообещающим вывескам народ. — Еще чуть-чуть, и хрен мы с вами найдем этого Вахопулова...

Впрочем, сейчас нам найти его тоже не удалось. Из одного кабака, с лаконичным названием «Выпей!» он уже ушел, в другом, вывески над которым не было, его «вот-вот видели, наверное отошел отлить, кстати, может пивка выпьете, пока ждете?» В третий он должен вот-вот прийти, инфа — сто процентов! В общем, когда стемнело, и над каждым кабаком засветились разномастные светильники, мы уже были в некотором подпитии, но все еще в подвешенном состоянии насчет того, где мы сегодня ночуем. Технически, у меня была записка к коменданту общежития, но Гиены, Бюрократа и Натахи она не касалась, а бросать их ночью посреди города мне казалось как-то не по-товарищески...

— Прошу меня извинить, что случайно подслушала ваш разговор, — на скамейку между мной и бюрократам втиснулась сухонькая, если не сказать, тощая старушка. У нее был длинный нос, украшенный бородавкой. Ее лицо, кажется, состояло из одних только морщин, и если бы мне понадобилась модель, чтобы рисовать с нее Бабу-Ягу, я только что нашел идеальную. Голос только был не старческим. Никакой надтреснутости или шепелявости. Нормальный голос склочной базарной тетки. — Вам нужны комнаты, верно?

— Допустим, — говорю. А сам пытаюсь отделаться от образа старухи с лопатой из какого-то детского мультика.

— Один мой старый друг как раз комнаты сдает, — старуха придвинулась ко мне так близко, что почти ткнулась своим жутким носом мне в лицо. — А я ему помочь обещала, подыскать надежных людей. А у вас на лицах написано, что вы надежные, и оплату задерживать не станете.

— Какое, однако, счастливое совпадение! — без особого энтузиазма сказал я.

— Вот и я говорю — удача сама нас с вами тут свела! — бабка начала суетливо расправлять лацканы моего пиджака. — Тут недалеко, всего-то надо переулком пройти, потом на Садовую вывернуть, а там будет на перекрестке большой деревянный особняк, вы его сразу узнаете. Там над входом шатер деревянный, а еще — компас и штурвал. Вы прямо туда постучитесь, и скажите, что вас прислала Луиза Саввична. Запомнили?

— Луиза Саввична, — повторил я. — А это ничего, что темно уже? Может, хозяин спит уже давно и гостям будет вообще не рад?

— Ой, что вы! — бабка всплеснула руками. — Базиль Кузьмич с закатом только просыпается, так что сейчас как раз самое время.

— Самое время... — снова повторил я и посмотрел на свою бравую тройцу. — Ну что? Воспользуемся упавшей на голову удачей, или поищем постоянный двор какой среди кабаков?

— Удача — девка капризная, отказываться не след, — сказал Гиена и встал. — Если мы еще тут задержимся хотя бы на один кабак, я чую что проснусь завтра где-нибудь под лавкой и хорошо, если одетый.

Натаха пожала плечами. Бюрократ промолчал. Но скорее одобрительно. Ну да, утомительный был день, для критического восприятия реальности сил не осталось.

С другой стороны, ну зачем я сразу плохо думаю? Были бы мы заезжими олигархами, опасения были бы понятны. А сейчас — что с нас возьмешь? Звиздюли, разве что...

— Спасибо, бабушка... — сказал я и понял, что никакой бабки рядом с нами нет. Пока мы переглядывались и переговаривались, бойкая старуха ввинтилась куда-то в подвыпившую толпу.

Глава 2. Иностраннный консультант, профессор и шпион

Дом был классный. Даже чересчур, я бы сказал. Настолько замечательный, что всякие там сомнения, которые до этого момента лениво шевелились в моей голове, уже даже почти превратились в громогласный набат. Правда, шестое чувство почему-то молчало. Мое загадочное чутье на опасность этот особняк не считало чем-то достойным его внимания.

Дом был угловой, нежно-кремового цвета, весь покрытый деревянным кружевом. Над углом — высокое крыльцо, над крыльцом — балкон, а над балконом — высокая трехгранная башня-шатер. Пряничный домик украсили сливочным пломбиром.

За домом — сад. Из странного — из множества окон не пробивается ни единого лучика света. Но лампа над крыльцом светится, да и бабка сказала, что вроде бы он дома и с закатом просыпается.

Я поднялся на крыльцо и несколько раз стукнул бронзовым кольцом, зажатым в зубастых челюстях бронзовой же хищной зверюги. Вообще-то у такого изящного дома я бы ожидал увидеть дверное кольцо в виде розы или, там, лилии. Как только я собирался постучать еще раз, дверь распахнулась.

На пороге стоял высокий пожилой мужчина, закутанный в черный шелковый халат. Седые волосы зачесаны назад и собраны на затылке в пышный хвост. Один глаз пронзительно-зеленый, второй — карий. Кажется, такое явление называется «гетерохромия». И еще он опирался на трость. Не вычурную, как можно было бы ожидать. Обычный деревянный крючок, с такими еще пенсионеры по паркам гуляют.

— Чем могу служить? — спросил он.

— Эээ... Нас к вам отправила Луиза Саввична, — блин, вообще я собирался сказать другую фразу, которая не звучала бы так, будто я мямлю у доски перед строгим учителем! — Она сказала, что вы... сдаете комнаты...

— Кто, вы сказали, вас ко мне отправил? — тонкие черные брови мужчины взлетели вверх.

— Луиза... — пробормотал я. Да что вообще со мной такое?!

— Саввична, — подсказала Натаха, тоже поднимаясь на крыльцо. — Вы ведь Базиль Кузьмич?

— Да, Базиль Кузьмич Егоров, все верно, — хозяин дома кивнул и посторонился, пропуская нас внутрь. — Входите!

Что-то было не так с этим мужиком, но я никак не мог понять, что именно. Глаза разные — это ерунда, я уже видел такое раньше. Явление довольно редкое, но ничего странного в нем нет. Тут было что-то другое... Но глазеть на него бесцеремонно тоже было как-то не очень.

— Прямо по коридору и направо, в гостиную, — сказал Егоров. Закрыл за нами дверь и задвинул на засов. — Ваши вещи можете оставить в прихожей.

Гостиная была небольшая и со вкусом обставленная. Диваны и кресла обиты светлой кожей, на полу — ковер с геометрическим рисунком, все три окна закрыты плотными черными шторами. Рядом с окном — небольшой столик-бюро. Рядом с диваном — журнальный стол с черно-белым узором, на столике — хрустальная пепельница, крохотная чашка с недопитым кофе и газета «Сибирский вестник».

— Присаживайтесь, не стесняйтесь, — сказал Егоров. — Ввиду своего недуга, я вынужден вести исключительно ночной образ жизни. Вас это не смущает?

— Так что насчет комнат? — спросил я. Кажется, ко мне вернулась способность говорить, не мямля, отлично. Теперь неплохо бы еще вспомнить, как бывают вежливыми.

— Вы приезжие? — спросил Егоров.

— Это так заметно? — я подавил ухмылку.

— На самом деле, это не мое дело, — придерживая полы халата, Егоров сел в кресло. — Вам на самом деле нужно жилье? И вы готовы за него платить?

— На оба вопроса ответ «да», — сказал я. — Точнее, жилье нужно трем моим друзьям, а я планирую просто заходить в гости и ночевать время от времени.

— Лу сказала вам о правилах? — спросил Егоров.

— Лу — в смысле Луиза Саввична? — спросила Натаха. Егоров кивнул. — О правилах ничего не было. Только о том, что вам нужны жильцы, готовые платить.

— Мне действительно нужны жильцы, — сказал Егоров. — Но в моем доме существует ряд правил, нарушение которых влечет за собой... последствия. Сейчас я вам их озвучу, и если они вам подходят, то мы заключим договор.

Мы промолчали, ожидая продолжения.

— Во-первых, вы никогда не должны спускаться в подвал, даже если его дверь открыта, — сказал Егоров. — Во-вторых, по пятницам вы не должны выходить из своих комнат в общий коридор ни при каких обстоятельствах. Если вам вдруг потребуется войти или выйти — воспользуйтесь окном. В-третьих, если вы слышите музыку... Впрочем, это несущественно. В-третьих, находясь в общей гостиной вы не имеете права трогать шторы, шевелить их, открывать или иным способом менять их расположение. В-четвертых, вам запрещено задавать вопросы прислуге. Раз в неделю в ваших комнатах будет проводиться уборка. Вы можете присутствовать при этом или нет, но не разговаривайте с прислугой, не задавайте вопросы и вообще не вступайте ни в какое общение. В-пятых, в моем доме запрещены животные. Никаких кошек, собак, мышей, ручных змей и прочих зверей. В-шестых, если часы бьют полночь, и вы находитесь дома и бодрствуете, вы должны в этот момент плотно зажмурить глаза. В-седьмых, вы не должны пользоваться серебром. Если у вас есть серебряные предметы, в моем доме вы должны хранить их в полотняных чехлах и использовать по назначению только вне этих стен.

Он замолчал и по очереди посмотрел на наши лица. Лично я ничего не понял. Экцентричный мужик с довольно экзотическим набором закидонов. Дом у него — закачаешься, настоящий стильный особняк, насчет удобств не знаю, пока не проверял, но, скорее всего, тоже все в порядке. Что там в таких случаях надо говорить? «Shut up and take my money?» (Заткнись и возьми мои деньги. — англ)

— И в какую сумму нам обойдется проживание? — спросил Бюрократ.

— Пятьдесят соболей с человека в неделю, — сказал Егоров. — Если на ночь остается кто-то из гостей, то десять соболей за ночь за гостя. Оплата по понедельникам. Если вы не застанете в гостиной меня, просто положите деньги на бюро. Стирка и починка вещей — по соболю за корзину. Корзина стоит в чулане вашей части дома, если вам нужно что-то постирать и починить, просто положите вещи в нее. Неважно, одна там будет вещь или вы набьете корзину доверху, оплата не изменится. Вам подходят условия?

Мне ужасно хотелось пожать плечами и сообщить, что я понятия не имею ни о ценах, ни о местных договорах об аренде. Но я сохранил невозмутимое выражение лица и

посмотрел на Бюрократа. Тот слегка поморщился, по всей видимости, ценник был чуть выше, чем он себе представлял.

— Могу я ознакомиться с договором, прежде чем мы его подпишем? — спросил он, поправив очки.

— Разумеется, — сказал Егоров и легонько хлопнул в ладоши.

В гостиную бесшумно вошел молодой пацан. Очень бледный и болезненный, через тонкую кожу просвечивал узор синих вен. Темные волосы приглажены назад. Положил на столик перед Егоровым несколько листов напечатанного на машинке текста и так же, не издав ни звука, вышел. Когда это хозяин успел отдать ему указание?

— Пожалуйста, — Егоров взял бумаги и протянул их Бюрократу. Тот немедленно уткнулся в текст, водя по строчкам пальцем.

Я посмотрел на Натаху. Она выглядела слегка рассеянной и уставшей, никакого беспокойства на ее лице я не заметил. Гиена был слегка напряженным, сидел на краешке дивана и, кажется, был готов в любой момент вскочить.

— Вы не против если я закурю? — спросил Егоров. Мы все синхронно покачали головами. Он поднялся, неспешно, опираясь на трость, подошел к бюро и извлек из верхнего ящика трубку с длинным черным чубуком и кисет. Вернулся в кресло, неспешно набил ее и подкурил от тяжелой золотой зажигалки. Выпустил несколько колечек дыма.

— Прошу прощения, — заговорил Бюрократ, когда молчание слегка затянулось. — На пунктах два, четыре и шесть стоит пометка «*regiculo suo*», что означает...

— На свой страх и риск, — кивнул Егоров.

— То есть, это не подразумевает каких-либо санкций и наказаний с вашей стороны, но...

— Снимает с меня всякую ответственность, если с вами случится что-то плохое, — Егоров снова выпустил изо рта несколько колечек дыма.

— Тогда как пункты один, три, пять и семь помечены «*aliqua actio*», — проговорил Бюрократ. — Также как и пункт об оплате. Включают ли эти «любые действия» нашу смерть или подразумевается что-то другое?

— Возможно, — Егоров пожал плечами. — Я бы не рекомендовал вам нарушать договор. Впрочем, я не настаиваю, чтобы вы непременно его подписали. Если мои условия вам не подходят, вы можете просто поискать другие варианты.

— Какой печатью будет скреплен договор? — спросил Бюрократ.

— Малой личной, — ответил Егоров. — И подписью каждого из вас.

«Кровью?» — хотелось спросить мне, но я благоразумно промолчал.

— Все вполне логично, — Бюрократ кивнул. — Договор составлен идеально, если не брать во внимание не вполне... гм... традиционный набор требований. Можем мы осмотреть комнаты?

— Да, конечно, — Егоров снова кивнул. — С вашего позволения, я не буду вас сопровождать. Вам нужно вернуться ко входу и пройти в другое крыло. Последняя дверь.

Егоров взял со стола газету и развернул ее. А мы вскочили со своих мест и пошли смотреть свое возможное будущее жилье.

Обставлены комнаты были попроще, чем гостиная, очевидно они изначально были предназначены для бедных родственников или не самых желанных гостей. Всего комнат было три, все они выходили в общую гостиную, часть которой была отделена тонкой стеной. Там были пустые полки и стояла большая плетеная корзина. В гостиной был обеденный

стол, рассчитанный на шестерых человек, в комнатах — простые деревянные кровати, правда, довольно широкие. Шкаф был общий, в гостиной. Еще в гостиной имелось какое-то подобие дивана — большой сундук, крышка которого была обита тканью. За неприметной дверью рядом с чуланом — вход в «санитарный блок», где была баня, помывочная комната и душ. Туалет, судя по всему, во дворе. И наверняка под каждой кроватью, куда я не заглядывал, стоит ночная ваза.

— Не слишком ли все шоколадно? — спросил я, остановив руку в паре сантиметров от черной глухой портьеры, скрывающей окно.

— Вообще-то... — Бюрократ замялся. — Даже по имперским законам, согласно этому договору, хозяин при нарушении имеет право порезать нас на кусочки, зажарить и съесть, и ему не будет ровным счетом ничего. Подписав это, мы даем ему такое право. Кроме того, меня немного беспокоит это вот... *periculo suo*. Но я в Сибири человек новый, так что не знаю, насколько это вообще нормальная практика.

— А что ты на меня смотришь, Бюрократ? — Гиена развел руками. — Я такую штуку тоже впервые слышу. Но у меня все равно есть уточнение. Он может попробовать нас порезать на кусочки. Или эти подпись и печать означают, что в случае нарушения мы превратимся в недвижимых болванов?

— Нет, ничего такого, — быстро ответил Бюрократ.

— А можем мы, например, заключить договор на неделю, а если нам не понравится что-то — разорвать его и съехать? — спросила Натаха.

— Ммм... — Бюрократ еще раз посмотрел в бумаги. — Да, точкой отсчета договора каждый раз считается понедельник. И если мы оповестим в субботу, что с понедельника прекращаем взаимоотношения, то...

— Тогда не вижу никаких препятствий, — легкомысленно сказала Натаха. — Давайте подписывать уже, и спать. Я устала, как не бывает. У нас первый этаж, так что в пятницу как-нибудь потерпим без дверей. А серебра у меня отродясь не было...

Я проснулся, как будто меня кто-то ткнул в бок. Вокруг было темно, только откуда-то с улицы доносился обычный утренний шум — кто-то громко болтал, надсадно фырчал мотор машины, в попытках проехать через раскисшую дорогу. Уже утро? А почему тогда темно?

Ах да, шторы... Я сполз с сундука-дивана, на котором меня вчера сморило, наощупь нашел выключатель настенного светильника. Да, точно. Мы вчера подписали договор, вернулись в комнаты, я присел и подумал, что сейчас, пару минут, а потом пойду обратно в универ, разберусь с общагой, но как-то прикрыл глаза...

Кто-то заботливо укрыл меня шерстяным одеялом. Я по очереди заглянул во все три комнаты, послушал ровное дыхание моих друзей.

Ничего страшного за ночь не произошло. Странноватый хозяин не заковал нас всех в кандалы и даже не запер дверь снаружи. Если что-то с ним и не так, то, возможно, нас это никаким боком не касается. По крайней мере, не сегодня.

Я заскочил в баню, умылся остывшей водой, как-то прополоскал рот, пригладил волосы. Блин, а где вообще хоть одно зеркало?

Или они, как серебряные предметы, в этом доме тоже запрещены?

Ладно, подумаю об этом как-нибудь потом, а сейчас уже действительно пора. Содержание нашего разговора с ректором я так и не вспомнил, но почему-то точно был убежден, что сегодня прямо с утра у меня куча дел, и мне неплохо бы уже приступить к их исполнению.

До крыльца университета я добежал минут за семь. Шел бы пешком, потребовалось бы все пятнадцать. Судя по солнцу, утро было еще вполне ранним, так что если я и проспал, то не особенно сильно. Я вбежал на крыльцо, открыл дверь, заскочил в пустой холл и огляделся.

— И где тебя носит, абитура? — недовольным тоном спросил Леннон, одиноко восседающий на подоконнике. — Мы уже полчаса как должны быть у Соловейки.

— Длинный день был вчера, — я виновато развел руками.

— Да мне плевать, если честно, — лениво сказал Леннон. — Значит так, меня зовут Зубатов Илья, и с этого момента я твой наставник. Ты прочитал памятку по правилам?

— Упс... — сказал я.

— Короче, если вкратце, то ближайшую неделю я твой царь и бог, — Леннон усмехнулся и поправил очки. — И Ее Величество Императрица.

— То есть, раз мы в Сибири, я могу забивать на твои ценные указания? — невинно спросил я.

— Шутник, ага... — Леннон хмыкнул. — Ты будешь прыгать, если я прикажу. Падать, если я прикажу. Петь или плакать, если я прикажу. Забить ты можешь, конечно. Но тут ведь как... тебе знакомо выражение «periculo suo»?

— Как ни странно, да, — ответил я. — Вчера я его еще не знал, а за последние двенадцать часов слышу уже второй раз.

— Значит, ты знаешь, что оно означает? — спросил Леннон и прищурился.

— Ну что-то вроде, ты можешь делать все, что хочешь, но не жалуйся потом, если этот крокодил тобой пообедаст, — ответил я.

— Все так, абитура, все так, — Леннон кивнул. Он был какой-то слегка заторможенный. Будто накурился прямо с утра пораньше. Хотя может это просто я излишне энергичный... — Значит, план действий такой. Мы сейчас идем в лабораторию к Соловейке, там она цепляет на тебя всякие свои приборы и сообщает, что ты собой представляешь. Потом я тебе покажу, где библиотека, технический корпус и прочие нужные места. По ходу дела могу ответить на твои вопросы по поводу того, как здесь все устроено. Ну, если мне будет не лень. Доступно?

— Ага, — я кивнул. — Кто такая Соловейка?

— Оператор заубер-детектора, — сказал Леннон. — На самом деле ее зовут Сольвейг Павловна Снудсон, она инструктор по магическому бою, так что осторожнее с ней. Ты в общаге уже был?

— Нет.

— Значит в общагу тоже помогу устроиться, — Леннон спрыгнул с подоконника. — Тут, в общем, вот такая штука. Если сейчас Соловейка определит тебя к мародерам, то мы подружимся. А если к карателям — то вряд ли.

— Это факультеты такие? — спросил я.

— Ага, — Леннон заржал. — Факультеты, ну-ну. Это судьба твоя, абитура. Понял меня?

— Пока не особенно, но по ходу дела разберусь, — сказал я.

— Вопросы еще какие-нибудь есть?

— Пока нет.

— Тогда потопали?

— Ага...

Леннон неспешно направился к лестнице, но подниматься не стал, прошел мимо,

открыл малозаметную дверцу, которую я бы честно принял за какой-нибудь дворницкий чулан, но там оказалась другая лестница. Вниз.

Глава 3. Подземелье и магия

Лестница оказалась узкой, не очень длинной, и вела в довольно широкий подвальный коридор. Сводчатые кирпичные стены и потолок, освещение... Ну, вроде электрическое. Тусклое, подрагивающее. Такое впечатление, что за молочным стеклом скрыты горящие свечи. Хотя как-то непрактично. Может, это газовые рожки так выглядят?

Интересно, почему я вообще так увлеченно разглядываю кирпичную кладку и светильники, хотя вообще-то должен бы волноваться. Вроде как Леннон ведет меня на самое важное испытание в этой реальности.

Магия... Кажется, я так до сих пор и не принял для себя реальность этой штуки. Вроде уже и видел, как она работает, и на себе ощущал эффекты, но почему-то никак не могу пока что относиться к этой теме всерьез. Дробовик — это серьезно, а вот файер-бол — это что-то из книжек для задротов. Какое-то идиотское противоречие.

Я посмотрел на спину шагавшего впереди меня Леннона. Как он сказал, его зовут, кстати? Илья, а фамилию я пропустил мимо ушей, как информацию несущественную.

— Слушай, Илья, — говорю. — А ты тоже маг и чародей?

— Что значит «тоже»? — не оборачиваясь, ответил Леннон. — Это про тебя как раз пока ничего неизвестно.

— Прости, я как-то не так выразился, — говорю. — Просто для меня это все слегка странно.

— Ты точно из Питера приехал? — вот теперь Леннон повернулся и странно на меня посмотрел.

— У меня семья была... ммм... — начал я на ходу сочинять отмазку. Что-то я опять разболтался. Атмосфера Томска какая-то более располагающая после Новониколаевска, где, кажется, каждый встречный тебя сожрать готов?

— Старонуллы? — неожиданно понимающе спросил Леннон. — Я думал, такие только в дремучей глубинке сохранились.

— Увы, не только, — сокрушенно сказал я. Фиг знает, на что я только что подписался.

— О, всегда хотел спросить! — Леннон оживился. — А правда, что у вас дочерей отцы трахают, а сыновей — матери?

— Слушай, Леннон, а не слишком ли ты любопытный? — спросил я.

Тот остановился и резко повернулся.

— Как ты меня назвал? — угрожающе спросил он, складывая вместе указательные пальцы.

— Извини, случайно вырвалось, — говорю. Да что такое вообще со мной?! Соберись, Лебовский, ты не на прогулку в ЦПКИО вышел! — Илья, конечно же.

— А перед этим какое было слово? — спросил Леннон. Уже с меньшей угрозой в голосе. По ходу, он вообще не любитель наезжать и решать проблемы силовыми методами. Знаю немало таких парней. Они иногда наезжают и даже в драку кидаются, не потому что самим хочется, а потому что ноблесс облич, положение обязывает. Можно, конечно, дальше его позадирать, но пока мне все-таки лучше прижать хвост. Он прав, я всего лишь абитура.

— Леннон, — отвечаю.

— И что это такое? — Леннон нахмурил брови. Похоже, Битлз в этой реальности тоже не существовали. Ну или во всяком случае в Сибири о них не знают.

— Это такой музыкант, — говорю. — Песни поет. Ты на него немного похож, вот я и запомнил тебя под таким прозвищем.

— А... — Леннон, кажется, потерял к разговору интерес. — Опять мы тормозим. Соловейка нас придушит за опоздание.

Он ускорился, даже почти побежал. А я подумал, что, кажется, просто пытаюсь оттянуть важный момент, поэтому следующий вопрос я задавать не стал, хотя он крутился на языке, конечно.

Коридор повернул направо. Вообще мы так долго шли, что кажется, этот подвал уже где-то за пределами университета. Несколько раз мы проходили мимо темных дверных проемов. Несколько раз на стенах попадались не очень понятные надписи из букв и цифр. Какой-то технический туннель, наверное.

Потом мы свернули в один из темных поворотов, но прошли буквально три шага. До металлической двери.

— Сольвейг Павловна? — Леннон приоткрыл дверь. — Я привел Лебовского...

— И почему тогда он до сих пор не в моем кресле? — раздался изнутри капризный женский голос.

— Входи, — Леннон посторонился, пропуская меня вперед. Комната была похожа на средневековую камеру пыток, какой ее показывают во всяких музеях. Кирпичные стены, грубо и как попало сколоченная мебель, в стенах и потолке — крючья и скобы, непонятные металлические штуки, расставленные и разложенные в разных местах.

— Я думала, ты выше, — сказала Соловейка. И теперь я понял, почему ее так называют. Она была лилипуткой. Уменьшенная копия человека. И голос такой, немного кукольный или мультяшный. Но если не считать... эээ... миниатюрности, то во всем остальном она выглядела весьма эффектно. Глаза были необычные. Прозрачные, очень светлые, бледно-голубые. В полумраке казалось, что они светятся. А волосы она небрежно завязала узлом на затылке. Одета Соловейка была в какое-то платье, но рассмотреть его было сложно, потому что большей частью оно было скрыто под кожаным фартуком. Как у палача, да.

— Ну и что ты здесь топчешься, очкарик? — сказала Соловейка, обращаясь к Леннону. — Выметайся. Вернешься через два часа.

— Сольвейг Павловна, — укоризненно протянул Леннон. — Я все-таки его наставник...

— Ты меня будешь учить делать мою работу? — Соловейка ловко забралась на стул перед пультом, похожим на тот, который я видел на станции в Новониколаевске. Но этот был побольше. — Почему ты все еще здесь?

Леннон бросил на меня косой взгляд и вышел за дверь. Соловейка молчала, крутила какие-то рукоятки и щелкала какими-то переключателями. Про меня она, кажется, забыла. Вряд ли, конечно, но вид сделала именно такой.

Я потоптался на месте и кашлянул.

— Ты все еще одет? — спросила она, не глядя в мою сторону. — Одежду долой. Всю. Раздевайся и ложись на стол.

До магических проверок дело дошло далеко не сразу. Сначала Соловейка меня измеряла. Все на свете параметры, начиная от роста и заканчивая длиной мизинцев на ногах. Это бы даже могло восприниматься игриво в какой-то мере, если бы не ее равнодушный и отрешенный вид. Интересно, зачем это делается? Униформа тут вроде как состоит из жилетки и шапочки, и я бы не сказал, что они как-то подогнаны по фигуре. Но спрашивать пока не стал. Не мешать же человеку во время его работы...

— Одевайся и садись на кресло, — бросила Соловейка, что-то сосредоточенно записывая в журнал.

Ага, а вот это уже ближе к магии. Металлический обруч, на подлокотниках — стеклянные шары. Немного другого вида, чем та штука на станции, но все равно узнаваемо.

— Сейчас я буду задавать тебе вопросы, а ты отвечай, не задумываясь, — Соловейка завинтила обруч на моей голове, прыгнула с табуретки на пол и вернулась за пульт.

— Хорошо, — я вздохнул. По моим ощущениям та станция с бородатыми работорговцами была уже как-то головокружительно давно. Целую вечность назад. Столько событий произошло с того момента. А ведь даже месяца не прошло. Сколько? Две недели? Или даже меньше?

— Тебе случалось убивать других людей? — спросила Сольвейг.

— Да.

— Восстанови в памяти лицо первого убитого тобой человека. Вслух можешь ничего не говорить, просто представь как можно отчетливее.

— А если я не видел его лица? — спросил я.

— Тогда просто вспомни как можно больше подробностей, — сказала Соловейка. — И сожми пальцы плотнее.

Я сжал стеклянные шары на подлокотниках.

Лица его я действительно не видел, оно было замотано тряпкой по самые глаза. И еще было темно. Было жарко, несмотря на ночь. Там все время было жарко. Днем от солнца, ночью от высохшей до каменного состояния земли. Это была моя первая командировка. В страну, где нас как бы не было. Тот парень вряд ли был старше меня. На шее болтался автомат, а он такой, повесил на него руки. Он явно чувствовал себя в безопасности на этом посту. И не успел даже понять, что произошло.

Как это было?

Быстро. Он не сообразил, я тоже не сообразил. Просто в какой-то момент понял, что пора, метнулся и всадил нож. Сзади, справа, ниже ребер, лезвие чуть вверх. Провернуть.

Придержать обмякшее тело.

Аккуратно положить на иссохшую до состояния асфальта землю.

— Достаточно, — кукольный голос Соловейки вырвал меня из воспоминаний. — Следующий вопрос. Какое твое самое первое детское воспоминание?

— Про собаку, — не задумываясь ответил я. — У соседа была тупая дворняга, такая мохнатая и черная. Она ко мне бросилась, а я ударил ее в нос. Она завизжала и убежала. Потом извинялся, когда подрос.

Допрос продолжался не меньше часа. Только принципа его я все равно не уловил. Обычно в допросе есть какая-то система, цель. А здесь как будто бы был набор никак не связанных с собой вопросов из самых разных областей жизни. В какой-то момент мне показалось, что она пытается вычислить наиболее эмоциональные области, но к чему тогда были вопросы о том, какой цвет я предпочитаю?

— Испытание закончено, — Соловейка развинтила обруч на моей голове и вернулась к пульта.

— И... что? — спросил я. А как же хоть какое-нибудь резюме? Ну, там, я избранный, чрезвычайно одаренный и потенциально великий волшебник...

— Не очень хорошо, Лебовский, — сказала Соловейка, сложив на пульте свои кукольные ручки. — Все эти процедуры с тобой должны были сделать в детстве. А

сейчас... Ну, потенциально ты очень крутой, да. В трех дисциплинах, что действительно бывает очень редко. Только по двум из них у нас нет ни учебников, ни преподавателей. Империя очень ревностно следит, чтобы техноманты и доминаторы не покидали пределы страны.

— А третья дисциплина? — спросил я. Самое неприятное в этом разговоре было то, что я все еще не мог относиться к теме серьезно. Как будто игру какую-то обсуждал.

— Объектика, — сказала она. — Самая распространенная из одаренностей.

— И что это такое? — спросил я. Поймав на себе очередной странный взгляд, поморщился. — Ну да, так получилось, что я не знаю очевидных вещей. Случается. Дурное воспитание, амнезия и нездоровый образ жизни. Хочу восполнить пробелы, но ума не приложу, как мне это сделать, не задавая тупых вопросов!

— Справедливо, — Соловейка мне подмигнула. — Объектика — это все, что касается внешних воздействий на поверхности. Базовая основа боевой магии, но одной объектики недостаточно.

— А сколько всего дисциплин? — спросил я.

— Семь, — быстро ответила Соловейка. — Объектика, исцеление, игнистика, сенсорика, творчество, техномантия и доминатика. И нет, я не буду тебе сейчас читать лекцию о том, какое направление чем занимается.

— Ладно, — я кивнул. — Но что конкретно меня ждет, я могу спросить?

— У тебя были пробои? — спросила Соловейка. Увидев на моем лице недоумение, добавила. — Спонтанные проявления магии. Что-то такое, что ты никак не можешь объяснить другими методами. Предметы двигались не так, как должны были, например.

— Один раз, — сказал я. — Запертая дверь открылась.

— Техномантия, — Соловейка вздохнула. — Плохо. Лучше бы объектика пробила...

— Как бы это сказать повежливее... — пробормотал я. — Жажду подробностей.

— Обычно пробои провоцируют в детстве, когда это сравнительно безопасно, — Соловейка соскочила со стула и направилась к двери. — Ты уже взрослый, чтобы тебя сломать, придется постараться. Сложно это будет сделать, не причинив тебе вреда.

— Кажется, начинаю понимать... — медленно проговорил я. — Нужно, чтобы со мной произошло что-то такое, чтобы я воспользовался магией, которая у меня есть, но в которую я, как взрослый, вроде как не верю?

— Все верно, садись, пять, — Соловейка хихикнула и открыла дверь. — Вот твои бумаги, иди ищи своего очкарика, пусть он тебя на остальные процедуры тащит. А мне некогда.

Она уперлась своими кукольными ручками мне в бедро и стала невежливо выталкивать меня за дверь.

— А кто такие мародеры и каратели? — спросил я, упираясь в порог.

— Какой-то студенческий жаргон! — Соловейка с силой толкнула меня в коридор и захлопнула дверь.

Я понял, что оказался в полной темноте. Даже те тусклые светильники, которые освещали этот коридор раньше, больше не горели.

— Илья! — негромко сказал я. Никакого эха. Глухо, как будто я заперт в крохотном помещении. Никакого ответа.

Ладно, вроде я помнил дорогу. Там же не было никаких лабиринтов. Я коснулся стены и пошел вдоль нее. Ненавижу подвалы, блин.

Не то, чтобы боюсь или что-то такое. Мне просто не нравится вот это вот ощущение, что со всех сторон земля. Как в могиле.

Было тихо, только где-то далеко впереди как будто падали капли воды. Медленно и ритмично.

А я вообще в ту сторону иду?

Я напряг память. Мы шли по коридору прямо, потом свернули направо. Потом дверь. Я вышел из двери, пошел вдоль стены... налево? Ладно, в любом случае, я не успел отойти далеко, надо просто вернуться и найти снова эту дверь. Перед Соловейкой будет немного стыдно, что я темноты испугался, но ничего, я как-нибудь переживу.

Я перешел к противоположной стене, той самой, на которой должна была быть дверь в лабораторию Соловейки. Медленно пошел обратно. Кирпичная кладка под моими пальцами была холодной, иногда казалась будто бы чуть влажной.

Капли вдалеке продолжали падать.

Ну и где уже дверь? Кажется, я прошел уже вдвое больше. Дверь была в этой стене, не мог же я пропустить железную дверь?

— Илья! — я крикнул громче. — Леннон!

Никакого ответа. Ритмичный стук капель как будто чуть ускорился.

Так все-таки, в какую сторону мне надо было идти изначально?

Зашибись, блин.

Я заблудился в прямом коридоре.

Тут я подумал, что вообще-то он был не таким уж и прямым. Прямой коридор был освещен, но ведь были еще какие-то темные боковые проходы, на которые я как-то не обратил внимания, пока мы шли туда. А теперь было темно, и все коридоры для меня одинаковые. Но я же не сворачивал?

Страшно захотелось закурить.

И запаниковать еще. Чтобы как в кино было, когда герой пучит глаза и куда-то бежит, не знаю куда. И тяжело дышит, чтобы подчеркнуть драматичность момента.

А я что?

А я стою и туплю. И не могу вспомнить, в какую сторону шел до этого. Долбаная полная темнота меня дезориентирует. И почему-то именно в полной темноте мне обычно и приходится таскаться, драться, принимать решения, открывать замки и прочее, прочее.

Я отмахнулся от непрошенного флэшбэка из другой страны, где было не очень жарко, но только потому, что мне все время приходилось ползать под землей. Интересно, почему самые горячие точки всегда связаны с жарким климатом? Жители сурового севера как-то не склонны затевать войнушки по каждому удобному поводу...

Я думаю не о том.

Соловейка со своими вопросами разворошила всякие воспоминания из тех времен, когда все считали, что я продолжаю играть в духовом оркестре глухой пограничной части между Алтаем и Монголией. А на самом деле...

Тихо. Кажется я услышал что-то кроме ритмичной капли. Шаги?

Я напряг слух настолько, что перед глазами поплыли цветные круги. Ватную подвальную тишину тут же наполнил потусторонний шепот, шорохи и прочие несуществующие звуки.

И действительно чьи-то шаркающие шаги. Как будто тот, кто идет, прихрамывает, подволакивает ногу.

То есть, это не Леннон. Тот вроде не хромотал. Да и обут был в кирзачи, а этот, кто бы он ни был, явно в какой-то другой обуви. Да и пофиг.

— Эй! — крикнул я в темноту. — Здесь есть кто-нибудь?

Шаги затихли. Потом раздался звук шуршания бумаги. Потом тихое бормотание, переходящее в чавканье. Этот некто развернул сверток и сожрал содержимое.

— Эй? — повторил я уже менее уверенно. — Кто здесь?

Шаги раздались снова. Загадочный обитатель подземелья явно зашагал быстрее, но все еще продолжал шаркать и приволакивать ногу. Волоски на руках встопорщились, по спине пробежал холодок.

Молчавшее до этого момента чутье внезапно включило все тревожные сигналы.

Шаги приближались. Мерный стук капель стал еще быстрее.

Вот теперь мне реально захотелось бежать, не разбирая дороги.

Глава 4. Посмотри в глаза чудовищ

Самое неприятное было то, что мой преследователь, похоже, видел в темноте. Моего самообладания хватило на то, чтобы не броситься оголтело бежать куда-то по тоннелям. Я прикинул, с какой примерно скоростью движется этот старикан и просто отступал чуть быстрее. Не подпуская его ближе, но и не разрывая дистанцию. Он неразборчиво бормотал, причмокивал, иногда пытался ускориться, но рывков не делал.

Мне срочно нужен был свет. Хоть какой-нибудь, спички, там, или фонарик. У нас же есть фонарики, почему я не захватил с собой один?

Тварь продолжала, не отставая, шаркать за мной. Может быть, я зря убегаю? Может она вовсе даже и не собирается нападать, просто обнюхать хочет? Тут я понял, что в своем тактическом отступлении уже дважды свернул с прямой. А значит я еще меньше теперь представляю, где конкретно я нахожусь.

— Может, поболтаем? — говорю. — Вдруг ты на самом деле дружелюбное создание, которое вообще не собирается делать ничего плохого?

Кажется, шарканье снова ускорилось. Какая шустрая тварь! Что бы это ни было...

Я уже был почти на пределе своего «слепого» движения, и чувствовал, что бормочущий преследователь начал сокращать дистанцию. А у меня из всего «оружия» только бумажки, которые мне всучила Соловейка на выходе. И я все еще держу их в руках, как дурак. Стараясь не растерять концентрации, сложил листики насколько мог аккуратно и сунул во внутренний карман пиджака. Свободные руки все-таки добавляют уверенности.

Хотя ее было бы больше, если бы у меня был хотя бы нож. А еще лучше, если бы я нашел, где тут включается свет!

Стоп. Тут я вспомнил, что говорила Соловейка, перед тем, как выпихнуть меня из своей лаборатории. Сломать. Меня придется ломать, и это будет сложно. А что если все эти темные коридоры и загадочный бормочущий преследователь — это просто спектакль? Чтобы довести меня до какого-то пограничного состояния, в котором магия, сидящая внутри меня, пробьет себе выход и...

Я уперся ладонью в какой-то очередной угол и свернул. Бормотание и шарканье опять приблизилось. Эта тварь медленно, но верно сокращала дистанцию, а вот я уже начинал выдыхаться. Пора было на что-то решаться. Либо нападать уже, невзирая на то, что я понятия не имею, что там за противник, либо впадать в панику и бежать хрен знает куда быстрее.

И если я еще хоть чуть-чуть поторможу с решением, в силу автоматически вступит второй план. Потому что... Да хрен знает, почему в моей голове нарастала паника. Подземелье, блямающие все быстрее капли, шаркающий и бормочущий монстр.

Я сделал шаг в сторону и вперед, убрав пальцы от своего единственного ориентира во мраке — холодной кирпичной стены. Ничего страшного, Лебовский, просто представь, что ты дерешься с завязанными глазами. Не в первый раз, ведь правда?

Рванулся вперед, прямо туда, на ненавистное «шарк-топ, шарк-топ», нанес два быстрых удара в предполагаемый корпус. И даже вроде бы чего-то коснулся. Но или я рассчитал неверно, или тварь оказалась гораздо проворнее, чем я рассчитывал.

Я отскочил назад, почти инстинктивно, почувствовав слабое движение воздуха.

По ушам и нервам ударил мерзкий скрежет. Будто металлом по стеклу. Сноп искр на

мгновение выхватил из мрака заросшее до глаз бородой лицо, длинные, как у обезьяны, руки. Кажется, это все-таки был человек. Когда-то...

Ну что ж, я его увидел. Мне стало легче?

Я снова отступил, скорее почувствовав, чем услышав, что тварь приблизилась. Показалось, или он перестал хромать?

Я крепко зажмурил глаза, все равно никакого от них толку сейчас.

Я только слышу и чувствую...

Справа!

Я прынул корпусом влево, когтистая лапа просвистела мимо щеки. Какая быстрая это все-таки тварь! Недовольное бормотание.

Но что радовало, в кои-то веки преимущество в весе на моей стороне. Это существо было ниже ростом и уже в плечах. По скорости мы примерно совпадали. Во всяком случае, пока. Но вот только оно меня видело, а я его — нет. И руки еще, вот же гадство. Чертовы длинные обезьяньи руки!

Я снова уклонился от удара, но один коготь все-таки зацепил меня за пиджак.

Ткань затрещала.

Ах ты зараза! Я быстро схватил эту обезьяну за тощее жилистое запястье.

Рывок, уклониться от второй лапы!

Сука, больно-то как!

Падай уже, тварь!

Я почувствовал смрадное дыхание совсем рядом с моим лицом. Хищно клацнули зубы.

Да бля...

Верткая сволочь не давала уронить себя на пол. И все время размахивало свободной рукой с когтями, несколько раз даже результативно. Благо, замах на таком расстоянии был невелик, поэтому максимум это были царапины. Кажется...

Хрен с тобой, дрянь такая...

Я шваркнул тварью об стену и попытался ухватить за вторую руку.

Ссука... Вот теперь качественно я получил! Боли я пока не ощутил, зато по спине явно потекло что-то теплое.

Да как же тебя...

Рука вывернулась из захвата, и тварь опять отпрянула куда-то в темноту. Шарк-топ-шарк-топ-шарк-топ... Бормотание раздалось справа. Движение воздуха.

Отскочил назад и влево.

Шарк-топ. Тишина. Только звук долбанных капель стучит уже в каком-то бешеном ритме. Почти как мое сердце... Почти?

Вжууу! Я успел убрать голову только по чистой случайности. Когти снова высекли из стены искры, и я увидел лицо твари совсем рядом. Впалые выцветшие глаза. Рыжие с сединой волосы и борода. Застиранный рабочий комбинезон на голое тело. Тоже покрытое рыже-седой растительностью. Если бы я встретил его на улице, то решил бы, что это просто опустившийся бомж. Или автомеханик в запое.

Тварь ухмыльнулась, и аллюзии на бомжа пропали. В путанице заросшего бородой лица хищно сверкнули клыки.

Постойте, я что, продолжаю его видеть?!

Когтистая лапа метнулась ко мне.

Я уклонился и сделал шаг назад.

Вот только опоры под ногой не оказалось. Я замахал руками, пытаюсь удержать равновесие, но хрен там у меня получилось.

Падение длилось несколько бесконечных секунд. Я почувствовал, как мое тело стукнулось об какой-то выступ, перевернулось, потом удар и темнота...

Мне показалось, что я открыл глаза почти сразу же. Вот только что я сверзился с неизвестно какой высоты, а вот уже слышу, как рядом со мной шепотом ругаются два голоса. Успел удивиться, что мне не больно, потому что даже по самым моим скромным подсчетам, у меня должно быть несколько рваных ран, сломано плечо от удара о выступ и хрен знает что с позвоночником. Но шевелиться я мог, первым делом проверил, еще до того, как глаза открыл.

— ...несправедливое наказание! — возмущенно прошептал кукольный голос Соловейки. — Никакой опасности не было, за ним следил Илья!

— Опасности! — кривляясь, передразнил второй голос. Мужской. Незнакомый. — Ты своим лилипутским мозгом решила, что его может прорвать в боевой ситуации? У тебя же в бумажках записано, что он убивал. И судя по остальным характеристикам, делал это не раз и не случайно.

— Но почти получилось же! — голос Соловейки звучал уже чуть менее уверенно.

— Почти... — незнакомец пробормотал что-то неразборчивое. — Где остальные данные?

— Я все вам отдала, — отчеканила Соловейка. — Ничего особенного в этом вашем Лебовском нет. Техномант — это хорошо, конечно... Как и доминатор...

— То есть, показатель вариативности на шкале деструкции тебя никак не насторожил? — мужской голос зазвучал несколько... иронично.

— Ой... — прошептала Соловейка.

Я приоткрыл один глаз. И тут же чьи-то горячие пальцы до боли сжали мне запястье.

— Продолжай делать вид, что спишь! — раздался шепот у самого уха. — Или тебе неинтересно?!

— Я не обратила внимания, — сокрушенно пробормотала Соловейка. — Ведь в остальном у него все стандартно. Если техномантию мы еще технически можем как-то поддержать, то доминатора у нас ни одного не было за последние лет пятьдесят. А тут еще это... И что теперь делать?

— Тебе — уже ничего, — высокомерная усмешка. — Я его забираю.

— Как это забираешь? — возмутилась Соловейка практически в полный голос. Что при мультяшности ее тембра звучало скорее комично, чем угрожающе. — Распоряжение Гезехуса...

— Все просто, дорогуша, — холодно проговорил незнакомец. — У тебя два варианта. Я оставляю его тебе, а сам иду к Гезехусу и показываю вот это и вот это. А еще рассказываю про замечательное решение пустить по его следу корнипедума. Ничего, что Лизоньке пришлось его буквально по кусочкам собирать?

Пальцы снова сжали мое запястье. Ага, значит Лизонька как раз сидит сейчас рядом со мной. И это ее дыхание я сейчас чувствую на своем ухе. По кусочкам? Я еще раз пошевелился, но ничего особенного, кроме обычной сонной скованности не ощутил. Захотелось открыть глаза, чтобы посмотреть на кудесницу, исцелившую меня после подземного боя, но я сдержался.

— А что ты вообще там делал? — с подозрением проговорила Соловейка. — Да еще и

вместе с Лизонькой...

— А это не твое дело, дорогуша, — отчеканил незнакомец.

— Нет, подожди... — послышался звук, как будто Соловейка соскочила со стула. — Тебя вообще не должно было там быть! Это значит...

— Ничего, дорогуша, ничего это не значит, — незнакомец рассмеялся. — Я правильно понял, что ты не хочешь отдавать мне Лебовского и выбираешь вариант «я иду к Гезехусу»?

— Сссскотина, — прошипела Соловейка.

— Я тебя тоже люблю, дорогуша! — раздался треск, потом что-то упало. — О, нет-нет-нет, Сольвейг Павловна, лучше не надо вот этих глупостей! Вы легко можете продырявить мое брненное тело шестнадцатью разными способами, но что вам это даст?

— Ненавижу тебя, — отчеканила Соловейка. Потом раздались ее торопливые шаги. Хлопнула дверь.

Незнакомец вздохнул. Его неторопливые шаги приблизились.

— Как он, Лизонька? — совсем другим тоном, практически ласково спросил он.

— Утром будет в порядке, — сказала Лизонька и отпустила мою руку.

— Милая, я может быть и никчемный целитель, но отлично определяю вранье, — он беззлобно рассмеялся. — Готов спорить, он уже пришел в себя. Ведь так, Богдан Лебовский?

— Да, — я открыл глаза. Незнакомец оказался на вид совершенно неопасным. Пока я слушал его вкрадчивый голос, мне казалось, что он должен выглядеть таким опереточным злодеем, с тонкими усиками и черными как ночь волосами, щедро залитыми бриолином. Но хрен там я угадал. Рядом с кроватью стоял толстенный и кругленький человечек, едва ли выше меня ростом. Простецкое лицо с носом-картошкой могло принадлежать какому-нибудь продавцу с Толкучего рынка или, там, учителю труда, вбивающему в бестолковых недорослей искусство сколачивать табуретки. Но уж никак не грозному интригану...

— Что скажешь, Лизонька? — ласково спросил он. — Будет жить наш Лебовский?

— Конечно, Ярослав Львович, — сказала Лизонька и поднялась на ноги. — На самом деле, он здоров уже часа три как. Просто...

— Просто у тебя на него были свои планы, понимаю, милая, — толстячок кивнул. Его некрасивые губы, декорированные дурацкими топорщащимися усиками расплылись в доброй улыбке.

А я, тем временем, смотрел на Лизоньку. Хм, а ведь я ее уже видел! Это она сидела на крыльце, уткнувшись в конспект. Только я думал, что она парень. Очкарик-задохлик, типичный такой заучка. Сейчас ее волосы растрепались и вывалились из-под шапочки. И вообще если разглядывать, то было заметно, что она девушка. Но кто второй раз смотрит на ботана, уткнувшегося в тетрадку?

— Увы, милая, прямо сейчас я у тебя его заберу, — сказал Ярослав Львович. — Поиграешь с ним потом. Богдан, ваша одежда пострадала, поэтому я взял на себя труд подобрать вам новый гардероб. Надеюсь, угадал с размером.

Я немного помедлил, ожидая, что как вежливые люди Лизонька и ее патрон отвернутся. Но они оба продолжали смотреть на меня в упор. Что ж... Ладно, фигли теперь-то уже стесняться? Если эта Лизонька собирала меня, как сказал толстячок, по частям, то уж своим голым телом я ее точно не удивлю.

Я отбросил одеяло и сел. Двигался я осторожно, тело все еще помнило те места, на которых должны были быть раны. Я встал на ноги, сделал несколько медленных шагов. Подвигал плечами.

— Отличная работа, Лизонька, — сказал толстячок. Лизонька промолчала. Она смотрела на меня с таким... гм... плотоядным интересом, что мне стало даже немного не по себе.

Одежда была аккуратно сложена на стуле рядом с кроватью. Черные брюки, светлокремовая рубашка, черный пиджак. Узкий черный галстук... Белые трусы и майка. Черные носки. Черные кожаные ботинки весьма щегольского вида. Не кирзачи или берцы, как здесь принято. Похоже, моим кроссовкам настал-таки кирдык... Жаль, удобные были...

Натягивая на себя одежду, я осмотрелся. Это был бокс, поделенный на две половины стеклянной стеной. В той части прямо перед стеклом стоял стол. За ним стул. Второй стул валялся на полу. Рядом с моей кроватью, кроме еще одного стула, стояла каталка, но ее содержимое было тщательно накрыто белой тканью.

— Я готов, — сказал я, одернув полы пиджака. Галстук я покрутил в руках, но надевать не стал. Нафиг надо, удавку еще на шее таскать.

— Прежде чем мы выйдем из палаты, я должен предупредить, что я всегда играю в светлую, — серьезно сказал Ярослав Львович. — У меня не будет от вас никаких секретов, я буду просто рассказывать и показывать все, как есть. Если что-то покажется вам чересчур... то просто скажите мне об этом. И мы остановимся. И продолжим, когда вы будете готовы. Я понятно выразился, Богдан?

— Не очень, если честно, — сказал я. — О чем вообще идет речь?

— Вы подслушали достаточно, чтобы понять, что с вами произошло? — спросил Ярослав Львович.

— Более или менее, — ответил я и пожал плечами.

— Выводами поделитесь? — он склонил голову и стал похож на фарфоровую фигурку толстенького пастушка. — Чтобы нам, так сказать, синхронизировать наше понимание.

— Это было что-то вроде испытания, которое должно было вызвать пробой, — сказал я. — Но что-то пошло не так. Все верно?

— Коротко, но точно, — Ярослав Львович кивнул. — Сольвейг Павловна очень опытный боевой маг, но женщина недалекая и самоуверенная. Но именно эти ее качества позволили этому разговору состояться. Она наделала ошибок, вы чуть не погибли, я ее подловил, и теперь я могу работать с вами, как считаю нужным.

— И как именно это будет? — спросил я. — Ну, раз уж вы пообещали мне откровенность.

— Пока не знаю, — задумчиво проговорил Ярослав Львович, перекатываясь с пяток на носки и оглядывая меня с ног до головы. — Но для начала я хочу показать, что именно вас ждет. Может быть, маг я и плохой, но очень хороший тренер. Идите за мной. Помните, что вопросы задавать можно. Любые, даже если они вам кажутся глупыми.

Ярослав Львович направился к двери. Попутно он поднял стул и поставил его у стены. Я следовал за ним, то и дело проверяя плечо на целостность и шевеля лопатками. Где-то по спине, как я помнил, неслабо так прошлись когти той твари. Но ничего. Никаких неприятных ощущений. Даже не чесалось, как обычно бывает с заживающими ранами. Я оглянулся на Лизоньку. Она уселась на кровать и прижала к себе подушку. Ту самую, на которой я проснулся. И продолжала смотреть на меня во все свои большие глаза за прозрачными стеклами очков.

Мы вышли в длинный узкий коридор с множеством одинаковых дверей. Ярослав Львович уверенно свернул направо, потом мы свернули на лестницу наверх, поднялись на

три этажа, снова оказались в коридоре, только теперь гораздо более широком. Потом толстячок остановился рядом с высокой двустворчатой дверью.

— Итак, Богдан, прежде, чем мы войдем, — он прищурился и снова осмотрел меня с ног до головы. — Как только ты скажешь, что не хочешь больше смотреть, мы выйдем. И еще — вопросы задавать можно. Любые вопросы. Ты готов?

— Эээ... да, — ответил я, хотя пока не очень понимал, к чему именно.

Ярослав Львович кивнул. Достал из кармана массивный ключ и вставил его в замочную скважину. Замок тихонько скрипнул, дверь распахнулась.

Глава 5. Что ты знаешь о боли?

Мы оказались в длинном темном коридоре, в стенах по обеим сторонам которого были небольшие окна. Но вели они, судя по искусственному свету, вовсе не на улицу. Некоторые были темными.

— Полюбопытствуйте, Богдан, полюбопытствуйте, — сказал Ярослав Львович, жестом предлагая мне заглянуть в любое из освещенных окон. Надо было с чего-то начинать, так что я подошел к самому ближайшему.

Окно было под потолком просторной квадратной комнаты. Серые стены, серый пол. Источник света — одинокая лампочка, свисающая с серого потолка на шнурке. И в центре сидит детина, с русыми вихрами первого парня на деревне, косая сажень в плечах, вот это вот все. Только плечи были поникшие. Он сидел сгорбившись в середине комнаты и, не переставая перекидывал по полу перед собой несколько предметов. Ярко-красные бусы, что-то небольшое и металлическое, разноцветная тряпочка, видимо, платок или что-то подобное. Кусочек картона размером с ладонь. Фотография? Иногда его лицо искажалось ненавистью, иногда непереносимой болью. Потом возвращалась тупая глухая тоска.

— Что здесь происходит? — я с недоумением повернулся к толстячку. Тот подошел ко мне и тоже заглянул в окно.

— Это Гаврила, — сказал Ярослав Львович. — Мы его взяли в одном питейном заведении с дрянной репутацией. Он думает, что пока он развлекался, всю его семью убили. Изнасиловали до смерти младшую сестренку, младенцу-брату разбили голову об стену, мать и отца застрелили на глазах у детей. Он уверен, что будь он рядом, этого бы не случилось.

— Это какое-то наказание? — спросил я.

— Нет-нет, что вы, — Ярослав Львович всплеснул руками. — Его родные живы. Просто он, извольте ли видеть, одаренный. Но ужасно твердолобый. И обнаружили его поздно, ему уже почти двадцать три. Что-то мне подсказывает, что здесь мы потерпели фиаско, и скоро придется отступить и признать, что Гаврила так и будет пахарем до конца своих дней...

— Я уже понял, что чтобы произошел пробой, требуется какое-то пограничное состояние, — сказал я, отступая от тяготящегося своей болью и тоской Гаврилы. Подошел к следующему окну. — Но по какому принципу выбираются... эээ... истязания?

В этой комнате находилось четыре человека. Голый парень, привязанный к косому кресту из двух досок, еще один парень, в белой рубашке и черных брюках, и две девушки. Парень стоял рядом с архаичного вида фотокамерой, направленной как раз в сторону голого парня. Девушки смеялись, кривлялись рядом с крестом, строили рожицы и позировали. А второй парень делал фотографии.

— Это Николай, — сказал Ярослав Львович. — Самый нелепый из наших недосмотров. Он приехал из Бийска, учиться на горного инженера. И почему-то не прошел проверку на заубер-детекторе. Обнаружили это несколько дней назад, решили задним числом исправить упущение, а оказалось... В общем, вы видите. Это его приятели, прогноз отличный...

В какой-то момент веревки на запястьях голого парня задымились и вспыхнули. Одна из девушек отлетела в сторону и ударилась об стену, камера лопнула изнутри и разлетелась на куски. Второй парень, участник этой же сцены, начал быстро двигать пальцами, сплетая и расплетая их замысловатым образом. Задрожало оконное стекло, в которое мы как раз смотрели, а потом внезапно все стихло. Голый парень сидел на корточках, скрючившись и

закрыв уши руками. Вторая девушка пыталась привести ту, которая ударилась, в сознание. Особого беспокойства на ее лице было незаметно, значит, все в порядке.

— Я же говорил... — удовлетворенно пробормотал Ярослав Львович.

— Значит здесь обучают не только магов? — спросил я, направляясь к следующему освещенному окну.

— Разумеется, не только, — сказал Ярослав Львович. — Сейчас в университете три факультета — инженерно-технический, бухгалтерско-экономический и медицинский. До недавнего времени был четвертый, историко-филологический. Но его упразднили несколько лет назад.

— Почему? — спросил я.

— Вы знакомы с историей нашего университета? — спросил Ярослав Львович.

— Вы сказали, можно задавать любые вопросы... — сказал я.

— Я уточняю, насколько подробным должен быть ответ, чтобы вы поняли, — на простецком лице Ярослава Львовича заиграла доверительная улыбка.

— Ах, в этом смысле, — я прикусил губу. — Нет, пока не изучил историю...

— Тогда я расскажу вкратце, — Ярослав Львович облокотился на стену рядом с третьим по счету окном. — После баниции Томск оказался в очень уязвимом положении. Имперские жандармы и администрация город покинули, и над университетом попытались установить контроль сразу несколько кланов — барнаульские Демидовы, красноярские Матонины и томские Цыбульские. С последними практически на старте этого противостояния случились... эээ... неприятности, и от клана практически никого не осталось. Все осложнялось тем, что Ее Величество пыталась университет наш вернуть в пределы Российской Империи тоже. Но... В общем, не буду вам сейчас забивать голову этими внутривополитическими подробностями, перейду сразу к результатам. Университету удалось отстоять свою независимость и, в каком-то смысле взять под свое крыло весь город Томск. И вот уже больше семидесяти лет мы существуем в относительно стабильном статусе, снабжая всех сибирских промышленников специалистами. К нам отправляют учиться, платят за это... И почти все эти годы историко-филологический факультет существовал. Правда, скорее как дань традиции. Вот вы можете себе представить, зачем сереброплавильному заводу может быть нужен историк? — Ярослав Львович склонил голову и снова стал похожим на фарфорового пастушка. Ответа он никакого не ждал, вот я и не ответил. — Им нужны инженеры, экономисты, рабочие. А историки не нужны. И означает это прежде всего то, что факультет этот крайне убыточный. Никто не хочет платить за никому не нужных специалистов.

— А как же... — начал я, но понял, что возразить мне, в общем-то, нечего. — А магия? На каких факультетах ей обучают?

— А магия, дорогуша, это не факультет, это факультатив, — Ярослав Львович посмотрел в окно и нахмурился. — На всех факультетах....

Интересно, что это его так напрягло? Я тоже посмотрел в третье окно. Там два парня били третьего. Били зло и довольно жестоко. Так бьют только в одном случае — когда не собираются оставлять в живых. Жертва еще трепыхалась, у него даже хватало сил, чтобы нанести какие-то ответные удары, но обреченность была заметна прямо во всей его фигуре. Он достал ногой одного из нападавших, получил в челюсть с локтя и оказался прижатым к стене за горло. Тот, который его держал, что-то говорил ему в лицо сквозь зубы. А в руке второго блеснуло лезвие ножа.

Тут Ярослав Львович нажал неприметную клавишу рядом с окном и сказал:

— Достаточно, стоп.

Нападавшие немедленно отступили. Окровавленный парень сполз по стене, прикрывая голову руками.

— Еще одна неудача, — сказал Ярослав Львович. — Но это пока не фатально, будем продолжать. Так вот, магия — это не специальность. Это просто один из талантов, который можно использовать во благо людей.

— Или во вред, — задумчиво проговорил я, переходя к следующему окну.

— Или во вред, — согласился Ярослав Львович. — Изначально наш университет не обучал магии. Но, понимаете, веление времени и обстоятельств... В общем, нам пришлось освоить и эту территорию тоже. Хотя изначально классические и магические учебные заведения были четко разделены. Разные ведомства, разная отчетность... Но здесь больше не Империя, поэтому...

— А откуда берутся одаренные? — спросил я.

— Мы ищем их, — Ярослав Львович вздохнул. — Одаренные рождаются в обычных семьях, надо просто их вовремя разглядеть... С некоторых пор магов перестали выпускать за пределы Российской Империи. Настоящих, обученных магов с академическим магическим образованием. Так что поиск стал еще более важен.

Он продолжал говорить, а я залип на происходящее за четвертым окном. Там была девушка и три парня. Они ржали и толкали девушку друг к другу. И каждый сдирал с нее что-то из одежды. Она плакала и пыталась отбиваться. Но у нее не получалось — парни были здоровенными.

— ...а не тотальная проверка в младшей школе, как в Империи, — продолжал тем временем свою речь Ярослав Львович. — Поэтому обычно мы находим одаренных, когда они уже взрослые. Чтобы вывести на пробой ребенка, его не надо мучить. В сущности, каждый человек в юном возрасте готов к тому, что с ним начнет происходить какая-нибудь магия. Но с каждым годом панцирь на магическом даре становится все плотнее...

Один из парней сорвал с девушки остатки одежды и оттолкнул к стене. Она попыталась прикрыться, слезы безостановочно текли у нее из глаз. Она свернулась в клубок, обхватив руками колени. Двое парней схватили ее за руки, трянули и выпрямили. Девушка была очень миленькая, кудрявая и белокурая. А эти двое еще и выставили ее аппетитные прелести напоказ, так что видно мне ее было во всех подробностях. Третий принялся беззастенчиво ее лапать. Ее лицо стало пунцовым до кончиков ушей, она дернулась, попыталась его укусить. Он залепил ей оглушительную пощечину. Из глаз ее снова полились слезы.

— ...таким образом теряя примерно четверть из выявленных, — говорил Ярослав Львович. — Некоторые получали травмы, восстановить после которых нам уже не удавалось, а твердолобую защиту над магией некоторых нам так и не удавалось пробить.

Те двое, что держали девушку, повалили ее на пол. Она пыталась вырваться, было видно, что она кричит, только слышно ничего не было. Третий стоял ко мне спиной. Судя по движениям, он расстегивал штаны. Девушка задергалась особенно яростно, но без особого эффекта. Парни удерживали ее, играючи. Смеялись ей в лицо, то и дело хватая ее за грудь или запуская пальцы между ног. Третий навис над ней и, кажется, начал что-то говорить. Она на некоторое время замерла, потом со всей силы боднула его головой в нос. На ее щеку упали пара капель крови. Он провел по разбитому носу ладонью, посмотрел на кровь и без замаха ударил девушку по лицу. Голова ее стукнулась об пол, из разбитой губы тоже

полилась кровь.

— Это сестра Феодора, — Ярослав Львович кивнул на окно, рядом с которым мы стояли. — Монашка. Обычно их проверяют на заубер-детекторах перед постригом, но она была сиротой, выросла при монастыре, и никому и в голову не приходило, что ее ждет какая-то другая судьба... А потом выяснилось, что она одаренная. А значит, монашкой быть не может.

Ярослав Львович равнодушно смотрел, как двое здоровенных парней удерживают ее бедра, а третий, тем временем, навалился на нее всем телом, зад его начал резко и ритмично двигаться. Лицо ее исказилось до полной неузнаваемости, милостивые черты превратились в маску боли, отвращения и ненависти.

— Увы, похоже, без шансов... — Ярослав Львович отвернулся от окна, за которым три здоровенных парня насильовали невинную девушку.

— И вы... это не остановите? — спросил я каким-то чужим голосом.

— Зачем? — Ярослав Львович пожал плечами. — Жизни ее ничего не угрожает.

— Но ведь тех парней с ножом вы остановили! — я пошарил рядом с окном в поисках той клавиши, на которую Ярослав Львович нажимал, чтобы отдать свою команду.

— Я повторяю, ее жизни ничего не угрожает, — он обезоруживающе улыбнулся. — У них четкая команда не причинять ей непоправимого вреда. Ну, за исключением... Вы же понимаете...

В этот момент что-то перемкнуло в моей голове. Будто между ушами взорвался фейерверк. Стекло разлетелось на мелкие даже не осколки, а брызги и стеклянным дождем посыпалось вниз. Насильник скатился с девушки и схватился за уши, из-под его пальцев начала сочиться кровь. Двое других просто и без спецэффектов отрубались.

Девушка замерла, распластанная на сером полу. На бедрах — красные разводы. Я скрипнул зубами и повернулся к Ярославу Львовичу. Ожидал увидеть испуг, но он широко улыбался и глаза его сияли. Тут планка ярости рухнула совершенно. Я рванулся вперед, собираясь вцепиться ему в глотку, вырвать глаза или вообще пробить грудину и сжать сердце. Ощущение всемогущества нашептывало, что моей силы достаточно, чтобы порвать этого нелепого толстяка в мелкий кровавый фарш...

Что-то противно прожужжало мимо моего уха. Как комар, если бы он был металлическим. Я вильнул вправо и бросился вперед. По моим расчетам пальцы как раз должны были сомкнуться на горле у Ярослава Львовича. Но вместо этого я снова услышал назойливый писк над ухом, а толстяк остался на том же расстоянии, что и был.

Я понял, что что-то меня держит на месте. Зарычал от напряжения, рванулся изо всех сил. Услышал звук, больше всего похожий на звук рвущихся гитарных струн.

Вот тут на лице толстяка появилось беспокойство. Он сделал шаг назад и вытянул перед собой руки, спешно складывая из пальцев какое-то подобие решетки. Я все еще ощущал путы, которые меня удерживали, но с каждым движением все меньше.

Шаг вперед.

Еще шаг. Я уже могу быстрее.

Бросок.

Мне показалось, что я ударился со всего маху об бетонную стену. В голове зазвенело, уши заложило ватой. Изображение в глазах слегка поплыло.

Зато кровавая пелена ярости на моих мозгах тоже, кажется, сломалась. Остатками сознания в явно потрясенном мозге я смог наконец мыслить словами, а не образами

порванных на британский флаг врагов, с выпущенными кишками и отрезанными членами.

Я схватился за стену, чтобы не упасть.

Ярослав Львович наблюдал за мной с безопасного расстояния, но приближаться пока не рисковал. В общем-то, все правильно делал. Кровавая нерассуждающая ярость меня, конечно, оставила. Но взвешенная и продуманная ненависть осталась. Зачем мне на него кидаться? Сейчас я просто сделаю вид, что мне гораздо хуже, чем на самом деле, он подойдет ближе, чтобы оказать мне помощь, и вот тогда я...

— Богдан? — заговорил Ярослав Львович. — Как ваше самочувствие?

— Голова... кружится... — простонал я, изо всех сил изображая слабость и дезориентированность. К слову, голова у меня и правда чувствовала себя не лучшим образом.

— Так и должно быть, молодой человек, — Ярослав Львович сделал шаг ко мне. — И еще слабость. Вы чувствуете слабость?

— Да... — прошептал я, покачиваясь и делая вид, что почти готов упасть.

— Не волнуйтесь, Богдан, — он подошел ко мне и подставил плечо, чтобы я мог опереться. — Давайте вернемся в лазарет...

Договорить я ему не дал. Обеими руками я вцепился в его горло и изо всех сил сжал пальцы. Он захрипел, лицо его покраснело, вены на висках вздулись. Он нелепо дергал руками, кажется пытаюсь как-то по-особенному сложить пальцы. А я смотрел в его выпученные глаза. Зачем мне вспоминать свое первое убийство, Соловейка? Лучше спрашивать о последнем...

Скоро его тело обмякнет, глаза безжизненно закатятся, и тогда...

Чья-то легкая рука коснулась моего плеча. Но я был так увлечен процессом, что не потрудился даже посмотреть, кто именно подкрался ко мне со спины. И зря...

Мое тело пронзила адская боль. Такая, что казалось, что на части рвет каждую клетку тела. Будто одновременно мне пнули по яйцам, разом заболели все зубы и уши, и еще... Кажется, я заорал, но это не точно. Боль затопила меня черной волной, шею ненавистного толстяка я, ясен пень, отпустил, а сам занялся единственным, что мог вообще в этой ситуации — скорчился на полу в позе какашки.

Отпустило точно так же резко, как и началось. Только что я извивался и слушал собственный крик, и вдруг наступила всепоглощающая тишина. В которой прозвучал заботливый девичий голос:

— Ярослав Львович, с вами все в порядке?

Я поднял голову, чтобы посмотреть, кто это пришел на помощь толстому интригану.

Глава 6. О дружбе и недружбе

Она оказалась немного выше ростом, чем я думал. Пока она была там, внизу, где ее как куклу перекидывали друг другу трое здоровенных парней, она смотрелась миниатюрной. А сейчас, когда она стояла надо мной, небрежно запахнув полы халатика, вообще не особенно заботясь, чтобы куцая тряпочка хоть что-то прикрывала, она вовсе не выглядела крохотной.

Как там ее назвал Ярослав Львович? Феодора?

— Спасибо, милая, — прохрипел Ярослав Львович. — Жить буду... Лучше о мальчике нашем позаботься.

О мальчике? Это он меня имеет в виду? Или того парня внизу с кровью из ушей?

Блондинка повернулась ко мне. Склонила голову, в той же манере, что и Ярослав Львович, разве что на пастушку при этом похожей не стала. Волосы ее были растрепаны, разбитая губа все еще кровоточила.

— Так это был спектакль? — спросил я и осторожно сел на полу, опершись спиной на стену. Протянутую руку девушки я пока что проигнорировал.

— Ага, — Феодора потрогала языком разбитую губу. — Даже жалко, что ты не досмотрел, у парней еще так много интересных идей было.

Я прикрыл глаза и сосчитал про себя до десяти. Ну, чисто чтобы не вклеить ей еще одного леща. Надо же, как меня развели... Я ведь из-за этой сучки тут почти апокалипсис устроили. Так. Подождите. Я... Что?

Я открыл глаза. Ярослав Львович уже поднялся и привел свой костюм в порядок. Феодора закусила губу и сосредоточенно касалась каких-то точек на лице толстяка.

— Хватит, хватит, милая, — он оттолкнул ее заботливые руки. Говорил он уже вполне нормальным голосом, никакой хрипоты и сдавленности. — Не так уж сильно он меня поранил, кроме того, я это заслужил. Мог бы и предусмотреть... Богдан? На сколько по шкале от одного до десяти вы сейчас сердиты?

Я опять почувствовал подкатывающую ярость, но уже отлично понимал, что это скорее не благородное бешенство, вывернувшее меня наизнанку несколько минут назад, а злость на то, что меня примитивно развели. Ну ладно, не примитивно. Смотрелось все настолько натурально, что у меня до сих пор скулы сводило. Впрочем, развели — это, наверное, тоже неправильное слово.

— Это и был пробой, верно? — спросил я вместо ответа.

— В яблочко, Мародер! — ответила Феодора. — Здорово зарядил, я думала, что у Карла голова лопнет и мозгами меня забрызгает.

— А он... вообще... как? — я поднялся, придерживаясь за стену, и заглянул в окно. Стекла больше не было, оно превратилось в стеклянную крошку и валялось на полу. Двоих второстепенных героев эротической сцены в комнате уже не было. А вот главный все еще лежал на полу. Заботливо прикрытый простынкой, под головой — валик из полотенца или чего-то подобного. Рядом с ним на коленях сидела Лизонька. Все в том же образе пацана-заучки. Даже волосы обратно под шапочку собрала. Феодора встала рядом со мной. Видимо, почувствовав, что на нее смотрят, Лизонька подняла голову. Очки ее сверкнули в свете неизвестно как уцелевшей лампочки. Она улыбнулась, на щеках ее появились очаровательные ямочки. Она показала Феодоре большой палец вверх.

— Вот видишь, — Феодора повела плечами, халатик как бы невзначай соскользнул до

талии. — Хорошего парня так просто не убьешь.

— Прикройся, Феодора, — скомандовал Ярослав Львович. — Нам сейчас предстоит деловой разговор, а ты отвлекаешь мальчика.

— Извините, Ярослав Львович, — «монашка» бросила на меня обжигающий взгляд, накинула халат обратно на плечи и затянула потуже пояс.

— Так я повторю вопрос, Богдан, — толстячок тоже подошел к окну и с теплотой посмотрел на сидящую рядом с раненым Карлом Лизоньку. — На сколько баллов по шкале от одного до десяти вы сейчас сердиты?

— Примерно на шесть, — сказал я, не особенно задумываясь. — У меня есть пара вопросов к вашему заявлению насчет игры «в светлую».

— И я ничуть не отказываюсь от своих слов, и по прежнему готов дать исчерпывающие ответы на любые ваши вопросы, — Ярослав Львович обезоруживающе улыбнулся. — В том числе и о том, что сейчас произошло. Однако предлагаю переместиться в более подходящее для беседы место. Если вы готовы, конечно.

Был ли я готов? Честно говоря, хрен меня знает. Я чувствовал, что меня втягивают в какие-то корпоративные игры, в которых я пока что нифига не понимаю. Но ведь если я буду от этих игр уворачиваться, то никогда в них и не разберусь.

Так что я кивнул.

— Замечательно, — Ярослав Львович снова широко и простодушно улыбнулся. — Тогда следуйте за мной.

Толстячок бодрым шагом устремился к выходу из коридора с окнами. Я еще раз оглянулся на это странное место. Интересно, предназначенной для меня инсценировкой была только та, в которой участвовала «монашка», или за остальными стеклами тоже были актеры? С другой стороны, а не слишком ли для какого-то там абитуриента, пусть даже с каким-то важным потенциалом?

— Кстати, а что значит... — мне пришлось изо всех сил напрячь мозги, чтобы вспомнить то словосочетание. — «показатель вариативности на шкале деструкции»?

— Не бери в голову, я его подделал, — ответил Ярослав Львович. — Мне нужен был повод, чтобы

— А если бы не подделали, то что это значило бы? — спросил я.

— Шкала деструкции — это основной параметр боевых магов, — ответил Ярослав Львович. — Показатель вариативности по этой шкале означает специализацию. Обычно показатель вариативности находится в пределах двух-трех единиц. Это значит, что маг силен, например, в дистанционных атаках, но в ближнем бою представляет собой пшик. Не сильнее обычного человека. Или наоборот — у него мощный контактный удар, но он совсем не может направлять энергию дальше пары метров от себя. Это если грубо. Когда показатель вариативности больше четырех единиц, то по правилам его полагается прогнать еще через несколько непростых исследований. Твой был три. Я исправил на восемь.

— Но зачем? — я недоуменно нахмурился.

— Иначе бы Сольвейг Павловна осталась сидеть у твоей кровати, — Ярослав Львович пожал плечами. — А потом ты бы снова оказался в какой-нибудь опасной ситуации, только нападал бы на тебя не вонючий корнипедум, а какой-нибудь упырь. Или черт козлоголовый... Вы поймите, Богдан, я уважаю Сольвейг Павловну за ее таланты, но в душах человеческих она разбирается, прости господи, как свинья в апельсинах. Я только мельком смог просмотреть ваши бумаги, но даже одного этого было достаточно, чтобы понять, что вы

были солдатом, и убивать вам приходилось по меньшей мере неоднократно. И кто бы на вас не напал, вы воспримите это как ситуацию, конечно, опасную, но обычную. Я бы даже сказал, заурядную. Ведь так? Вам ясна логика моих рассуждений?

— Пожалуй, — я кивнул. Даже особо кривить душой не понадобилось, Ярослав Львович и правда зрил в корень. Как бы там я ни морщился от подземелий, и что бы там ни думал о драках в темноте, но он прав. Ужас, но не ужас-ужас. Случалось, проходили, нейронные связи настроены и отработаны. Я открыл рот, чтобы задать следующий вопрос, но в этот момент сильная рука Феодоры вдруг обняла меня за талию. Она резко притянула меня к себе и зашептала:

— Быстро закрой глаза и обопрись на меня! — ее пальцы больно воткнулись мне под ребра. — Не спрашивай, просто делай! Или мне придется тебя вырубить!

Я обмяк, повис на ее плече и прикрыл глаза. Продолжая, впрочем, смотреть сквозь закрытые веки.

Ах вот оно что!

Мы свернули в коридор к лазарету, а там у дверей дежурила тройка моих давних знакомых — Леннон, Кортес и третий. Леннон от нетерпения аж приплясывал на месте. Кортес сидел на полу, привалившись к стене, а третий просто стоял рядом.

— Вот он! — Леннон рванул к нам. — Ну наконец-то!

— Ну-ка ша, мародеры! — Феодора выставила вперед открытую ладонь. — Утром приходите. Или вам не терпится на поминках вашей абитуры нажраться?

— Да он вроде нормально выглядит... — Леннон нерешительно остановился.

— Это ты что ли его наставник, очкарик? — Феодора приобняла меня крепче. — Давай-ка дальше ты потащишь. У меня уже руки отсохли.

Она разжала объятия и легонько толкнула меня вниз. Я послушно ссыпался мешком к ее ногам. Упав так, чтобы обзор себе оставить. Пока она меня роняла, ее халатик разъехался в стороны открыв трем заинтересованным зрителям полное отсутствие под ним белья. Для эффекта она еще резко свела лопатки, и ее внушительные сиськи упруго подскочили сосками вверх.

— Упс... — сказала она, не делая никаких попыток прикрыться. Кортес и третий предсказуемо остолбенели. Взгляды их были направлены понятно куда. На меня посмотрел только Леннон.

— Где ты его нашла? — спросил он.

— Там, где ты его бросил, очевидно же, — ответила Феодора и медленно свела полы халатика вместе. Неплотно. — Его нужно отнести в третью палату. Я его залатаю, утром будет как новенький.

Интересно, а куда делся Ярослав Львович? Все ведут себя так, словно его нет рядом. Он точно сворачивал вместе с нами, но сейчас куда-то делся...

— Закрыто, — Кортес, не сводя взгляда с Феодоры подергал дверь лазарета.

— Ах да, сейчас... — она сунула руку в карман, и что-то металлически звякнуло об пол. Ну да, еще не все продемонстрировала, конечно. — Вот блин...

Она повернулась ко всем задом и наклонилась. Как бы невзначай зацепив подол и так короткого халатика. Вот теперь и Леннон тоже слегка согнулся. Честно говоря, у меня самого возникла недвусмысленная тяжесть где-то в районе ширинки. Коварные ключи, конечно же, закатились под стул для посетителей, и Феодоре пришлось нагнуться еще ниже. Полы халата снова разъехались. Поза была ну настолько откровенной, что даже дебил бы

догадался, что она все это делает специально. Только вот что это меняло?

И не отвернешься, я же по легенде бесчувственное тело. Разве что глаза плотнее зажмурить... Ага, вот еще! Но хороша ведь, сучка! Просто огонь огненный!

Она встала, поправила халат, запахнула его до самой шеи и завязала пояс. Правда теперь уже это ничего не меняло. Перед глазами все равно маячили ее торчащие соски, сочные ягодицы и розовые лепестки между гладких бедер. Оххх...

— Несите его за мной, — сказала она и пошла по коридору. К той самой палате, где я и пришел в себя некоторое время назад.

Кортес и третий, подхватили меня за плечи и ноги и потащили. Дышали они тяжело, и им явно сейчас не было дело до моего самочувствия. Леннон шел рядом. Лица его мне было не видно. Но на меня он тоже не смотрел.

— Так что с ним такое? — спросил Леннон, стоя в дверях и глядя, как двое его приятелей укладывают меня на кровать.

— Не твое дело, мародер, — сказала Феодора. — Ты должен был следить, значит твой просос.

— Так я у дверей ждал! — заорал Леннон.

— А меня вытащили из постели с тремя офигенными мужиками, — отчеканила Феодора. — И потом мне пришлось тащить его на себе с третьего подвального яруса. И сейчас мне всю ночь еще возиться, чтобы он не превратился в останки.

— А пробой-то был? — спросил Кортес.

— А вот у Соловейки и спросишь! — Феодора ослепительно улыбнулась. — Что встали, выметайтесь! Вы мне здесь больше не нужны. Хотя нет... Подежурьте пока, мне надо за Ярославом Львовичем сбегать.

Она быстрым шагом покинула палату, оставив троицу рядом с моей кроватью.

— Ебанный ты покос... — простонал Кортес. — Я думал у меня штаны лопнут.

— Ссссука... — третий опустил на стул. — Трое мужиков, ну охренеть теперь...

— А что, думал дотрахать предложит? — язвительно спросил Леннон. — Давайте ходу отсюда, пока она Кашеева не притащила.

— А этот? — третий мотнул головой в мою сторону.

— Утром заберем, — помолчав, сказал Леннон. — Вдруг он правда только снаружи нормально выглядит, а внутри — фарш из мяса и говна.

Все трое быстро выскочили из палаты, и я остался один. Расслабился, развалился на кровати поудобнее.

Да уж, грубо, но эффективно. Такое откровенное актерство, что и дурак бы догадался, что его разводят. Наверное, если бы на кону стояла их жизнь или хотя бы здоровье, они вряд ли бы пялились на внезапные голые сиськи. Хотя ладно, кого я обманываю? Конечно, пялились бы...

— Я бы предложил вам прогуляться вместе до какого-нибудь уютного кабака и вместе что-нибудь выпить, — как ни в чем не бывало продолжил разговор появившийся на пороге Ярослав Львович. — Но вы чуть позже поймете, что в ваших интересах, чтобы нас с вами пореже видели вместе.

— Потому что я мародер, а вы — каратель? — спросил я.

— Фу, как же я не люблю этот жаргон, — поморщился Ярослав Львович. — Но по существу — все верно. Моих подопечных называют каратели, а птенцов Сольвейг Павловны — мародерами.

— А почему? — спросил я.

— Это довольно просто, — Ярослав Львович подвинул ближе к кровати один из стульев. — Вне зависимости от одаренности в дисциплинах, люди условно делятся на два типа. Одни склонны воздействовать на неодушевленные предметы и объекты, а другим легче дается контакт с физическими телами.

— Одни калечат, другие лечат? — я усмехнулся.

— Все немного сложнее, но пока сгодится и такой вариант, — Ярослав Львович ответил на улыбку, но глаза его были серьезными. — Лизонька и Феодора учатся на медицинском факультете.

— Но почему мародеры? — я задумчиво почесал затылок.

— Так сложилось, — он снова поморщился. — Видите ли, само существование университета требует от его сотрудников и студентов немалых вложений. Да, кланы промышленников были бы рады нас поддерживать и содержать, но тогда пришлось бы обязательно принимать чью-то сторону. Кому-то при-над-ле-жать. Понимаете?

Я кивнул.

— Где-то в середине пятидесятых прошлого века университет был на грани исчезновения, — сказал Ярослав Львович. — Не было денег, не было ресурсов. И тогда появилась группа инициативных студентов, не отягощенных моралью в финансовых вопросах. Они все родились и выросли уже после баниции, так что имперские законы для них были практически пустым звуком. Они начали реквизируют некоторые лишние богатства окрестных промышленников, золотодобытчиков, ватажников и просто неосторожных людей. И все эти сокровища полились в казну университета.

— Так вот откуда мародеры, — сказал я.

— Разумеется, такой ход событий понравился не всем, — продолжил Ярослав Львович. — Кое-кто начал возмущаться, кое-кто угрожать. Тогда появилась другая группа инициативных студентов. Они тоже не афишировали своих имен, как и первые. И тоже вольно обращались с моралью. Но благодаря их действиям, особенно рьяные противники независимого сибирского университета начали... умирать. От загадочной болезни, от отравления грибами, от глупого несчастного случая.

— Каратели, — усмехнулся я.

— Официально никого из них не существовало, разумеется, — продолжил Ярослав Львович. — Собственно, университет всячески старается эти страницы извлечь из своей истории.

— Простите, а сейчас казна университета продолжает пополняться из не вполне официальных источников? — спросил я.

— О, не сомневайтесь, вопроса пополнения казны университета вы еще неоднократно коснетесь, будьте уверены, Богдан, — Ярослав Львович неожиданно мне подмигнул. — Но, смею вас уверить, разнузданным разбоем, как семьдесят лет назад, мы больше не занимаемся.

— Даже жаль, — сказал я. — Есть в этом что-то... романтическое.

— О да, в каком-то смысле времена были выдающиеся, — Ярослав Львович снова слегка улыбнулся. — Но про такие времена лучше читать в книгах, согласны?

— Пожалуй, — я кивнул. — Не очень, правда, понятно, как получилось, что мародеры и каратели друг друга не любят. Они вроде бы союзниками должны быть, за одно ведь дело воевали... Кстати, а куда делась Феодора?

— Я отправил ее заниматься другими делами, — проговорил Ярослав Львович. — Она хорошая девочка, но слишком уж склонна перетягивать на себя внимание. А у меня к вам, как я уже говорил, серьезный разговор.

Глава 7. Искусство разговорного жанра

Меня вербуют. Но за кого? За карателей против мародеров? Очень вряд ли, какой смысл? Он ведь прямым текстом у Соловейки меня отжал. А если она и есть глава мародеров, значит у него на меня виды не как на засланного казачка в тылу неофициальных соперников.

Что-то другое.

Я поерзал на кровати, устраиваясь поудобнее. Расслабься, Лебовский. Ты не знаешь никаких военных тайн, тактических и стратегических планов и расположения огневых точек. Тебя не принимают в спальне Ее Величества, и не зовут на важные совещания по вопросам международной политики. Ты вообще пока никто, Лебовский. Так что это не вербовка, это заначка. Не дорос ты пока до настоящих серьезных разговоров.

Все эти мысли промелькнули в моей голове буквально за несколько секунд. И все это время Ярослав Львович внимательно внимательно и серьезно смотрел на мое лицо.

— Знаете, Богдан, мне бы чертовски хотелось как-нибудь за рюмкой чая послушать рассказ о ваших приключениях... — сказал Ярослав Львович задумчиво. — Что-то мне подсказывает, что это крайне захватывающая история.

— Кто знает, может это и не такое уж несбыточное желание, — с самым легкомысленным видом ответил я.

— Я не буду ходить вокруг да около, — Ярослав Львович сцепил пальцы на животе. — Я хочу, чтобы мы с вами подружились. Я готов оказывать вам всяческую поддержку. Неофициальную, заметим. Официальная поставила бы вас в неловкое положение.

— Очень лестно, Ярослав Львович, — сказал я. — Но пока выглядит как бесплатный сыр. И это при том, что я не уверен пока, съедобен ли я.

— Что вы имеете в виду? — Ярослав Львович нахмурился.

— Наверное, я не так выразился, — я сел на кровати. Продолжать лежать и дальше показалось мне невежливым. Все-таки, я уже даже ранен не был. — Просто когда о дружбе мне говорит человек, сильно превосходящий меня по опыту и положению в обществе, я начинаю ощущать какой-то подвох.

— Ну-ну, продолжайте! — на губах Ярослава Львовича заиграла странная улыбка. — В чем именно подвох?

— Видимо в том, что меня хотят использовать, — сказал я, но эта фраза сразу же показалась мне дурацкой.

— И это кажется вам несправедливым? — Ярослав Львович склонил голову и прищурился.

— Как-то глупо прозвучало, да? — сказал я и опустил взгляд. Блин, какой же он крутой все-таки! За все время службы мне не случалось попадать в плен, так что инструкции о том, как вести себя при вербовке, я знаю только в теории. Кроме того, здесь все-таки была совсем другая ситуация... Не такая однозначная, как в зоне боевых действий, где никаких двойных толкований нет, есть только черное и белое. Свои и чужие. А здесь у меня кто свой? А кто чужой?

— Кажется, я вас смутил фразой про серьезный разговор, — сказал Ярослав Львович и вздохнул. — Моя ошибка. Теперь я чувствую что вы напряжены и подозрительны. И в каждом моем слове ждете подвоха. Ну что ж... mea culpa. Придется вести дальнейший

разговор именно в этом ключе. А к разговору о дружбе вернемся чуть позже. Итак, вы правы. Я хочу вас использовать. Или, если быть точнее, изу в вас потенциальный инструмент для своих дальнейших политических внутриуниверситетских игр. Понятно, почему потенциальный?

— Я же новичок, — сказал я. — Моих способностей и возможностей вы пока не знаете.

— Все верно, — Ярослав Львович кивнул. — Ценность же ваша, Богдан, в том, что магические способности у вас в принципе есть. Да, неразвитые, вы пока ничего не умеете, и, возможно, ждать, пока вы разовьете, придется не один год. Но они есть. И это уже отличает вас от абсолютного большинства других людей. Однако сложившееся положение дел таково, что студенты с вашими данными оказываются вне моего влияния. И большинство уже через несколько месяцев нахождения здесь превращаются в бесполезных оболтусов и лоботрясов, с которыми просто невозможно вести дела.

Я вспомнил троицу мародеров. В целом, если быть честным, они, скорее всего, отличные ребята. Во всяком случае, с ними нескучно.

— Поэтому, узнав о вашем прибытии, — Ярослав Львович нахмурился и потер лоб, я вынужден был принять некоторые меры, чтобы перехватить вас до того, как вас закрутит задорная студенческая жизнь мародеров.

— А откуда... — начал я, но замолчал.

— У меня свои источники информации, дорогуша, — Ярослав Львович подмигнул. — В свое время я обязательно поделюсь ими с вами, Богдан. Если мы подружимся. Но я продолжу. Итак, я перехватил вас у Сольвейг Павловны и оказал вам услугу. Правда, пока вы этого не понимаете, но потом поймете.

— О чем это вы? — спросил я.

— О пробое, конечно, — сказал Ярослав Львович. — Я уверен, что вы все еще сердитесь на меня и Феодору за тот спектакль, что мы устроили, чтобы спровоцировать вас. Но, уверяю вас, это временно. Ровно до тех пор, пока ваши коллеги в пьяных откровениях не расскажут, что пришлось пережить каждому из них, прежде чем их многострадальная одаренность сумела выйти наружу.

— И что же? — с любопытством спросил я.

— Нет-нет, это будет более эффективным, если они сами вам расскажут, — сказал Ярослав Львович. — Конечно же, я в курсе подробностей, ведь это мои девочки их лечили. Но мое изложение событий, я уверен, покажется вам предвзятым.

Я усмехнулся. Волей неволей, я опять почувствовал к этому забавному толстяку симпатию. Его манера разговаривать, жестикулировать, улыбаться к месту и не к месту прямо-таки кричала о том, что он отличный мужик, и у меня совершенно нет никаких поводов для недоверия и подозрений.

— Итак, я продолжу, — Ярослав Львович выпрямил спину. — Я оказал вам услугу, но никакой оплаты за нее требовать не намерен. Более того, я предлагаю вам свое негласное покровительство. Безвозмездно. По крайней мере на первых порах, пока вы не можете мне предложить достойной отдачи.

— И это снова звучит как бесплатный сыр, — пробормотал я.

— Все верно, — кивнул Ярослав Львович. — Вы в полном праве мне не верить. Вы пока не знаете ничего ни обо мне, ни о ком другом в этом заведении. А я не очень много знаю о вас. Но, я повторюсь, мне бы хотелось, чтобы в дальнейшем мы стали добрыми друзьями и смогли оказывать друг другу уже вполне адекватные услуги.

— Вы каждому предлагаете это каждому одаренному? — спросил я иронично.

— Да, — просто ответил Ярослав Львович и открыто посмотрел мне в глаза. — Разочарованы?

— Нет, — сказал я. «Немного», — подумал про себя. Все-таки, чувствовать себя исключительным хотелось. Тем более, что я в каком-то смысле и был исключительным. Гаврила, перебиравший памятные предметы за одним из окон, явно был простым жителем какой-нибудь деревни из предместий Томска, а я все-таки пришелец из другой реальности... Впрочем, торопиться доказывать Ярославу Львовичу, что я особенный, я не стал.

— Хорошо, — Ярослав Львович поднялся и прошелся мимо моей кровати взад-вперед. — После нашего разговора некоторое время мы с вами не будем встречаться по моей инициативе. У вас будет множество дел, которые захватят вас с головой, и моей помощи и поддержки вам требоваться не будет. Но если в таковой возникнет необходимость, у вас есть два пути. Первый — попасть в лазарет и шепнуть Лизоньке, что вы бы хотели со мной поговорить. Второй — черкнуть на листке бумаги два слова. Скажем, «Птичий щebet». Запомнили?

— Птичий щebet, — повторил я. — Несложный код. Запомнил. И что дальше?

— И опустить записку в почтовый ящик рядом с дверью библиотеки. Вы пока не были в библиотеке, но не ошибетесь, ящик там один. В обоих этих случаях я найду способ с вами связаться. Сам. Подходить к моему кабинету, а уж тем более — заходить к нему, я вам пока не рекомендую. Понятно, почему?

— Мародерам не понравится, и мне устроят темную? — спросил я, криво усмехнувшись.

— Умный мальчик, — Ярослав Львович подмигнул и снова сел на стул.

— У меня вопрос, — я спустил ноги с кровати. — Что мне сказать Сольвейг Павловне, когда она устроит мне допрос с пристрастием?

— Умный мальчик, — улыбка Ярослава Львовича стала широкой и прямо-таки ослепительной. — Все равно, что. Можете передать ей дословно содержимое нашего разговора, можете наговорить любой отсебятины и сочинить любую фантазмагорию. Можете сказать то, что она захочет услышать. Я же правильно понял, что вы в состоянии определить, что именно от вас хочет слышать допрашивающий при допросе?

— Эээ... — я замялся. Вот ведь жук! С каждым его словом я все больше проникался к нему симпатией. Он настолько умело дирижировал моими эмоциями, что у меня даже зашевелились подозрения, а не читает ли он мои мысли? — Надеюсь, что могу.

— Вот и ладненько, — Ярослав Львович хлопнул руками по коленям. — Вы пока не можете выдать никаких моих тайн, потому что попросту их не знаете. А я не буду отягощать вас этим знанием до тех пор, пока вы не в состоянии будете их защитить. Ну и пока я не буду хотя бы частично уверен в том, что мы с вами стали друзьями.

— А что за дела мне предстоят в ближайшие дни? — спросил я.

— Я думал, что это очевидно, — Ярослав Львович удивленно приподнял брови. — Вам предстоят вступительные тесты на один из факультетов, потом нужно будет составить свое расписание учебных и практических занятий, познакомиться с однокурсниками и преподавательским составом, поселиться в общежитие... Кроме того, я правильно понял, что вы прибыли в Томск со своими людьми?

— Да, — я кивнул. Вот блин! Я же так и не добрался до этого Пузотева... Пухнотелова... Или как там фамилия у того жандарма, письмо которому мне выдал ректор

после собеседования?

— Вот видите... — Ярослав Львович покачал головой. — Кстати, а на какой факультет вы нацелились, если не секрет? Ведь вы целенаправленно прибыли в Томск, чтобы попасть в университет. У вас же явно были какие-то планы...

— На исторический, — сказал я и вздохнул.

— Вот незадача, — Ярослав Львович понимающе покивал. — Придется вам пересмотреть свои планы.

— Придется... — я хмыкнул. — Но к медицине у меня никаких склонностей нет, в бумагах я разбираюсь так себе, как и в законах... Инженерно-технический? Сольвейг Павловна говорила, что у меня есть дар в техномантии, это же где-то близко...

— Не переживайте заранее, — Ярослав Львович поднялся. — Первое время вам необязательно делать окончательный выбор. Стартовая учебная программа у всех общая, познакомьтесь с деканами, посмотрите на возможных однокурсников... В общем, я желаю вам удачи.

Он сделал шаг к двери, потом обернулся.

— До утра можете оставаться здесь, вас никто не побеспокоит, — сказал он. — Удобства — в конце коридора. В шкафу — удобная пижама, можете переодеться, чтобы с поспать с комфортом. И еще. Будьте осторожны с Феодорой. Она немного... себе на уме и склонна к опасным авантюрам.

— Да уж, я понял... — я закатил глаза. Перед внутренним взором моментально появились голые сиськи «монашки» с дерзко вздернутыми вверх сосками.

— В таком случае, откланиваюсь, — Ярослав Львович несколько театрально поклонился и приподнял шляпу.

— До встречи, — сказал я, кивнул и почесал затылок. Кажется, я хотел спросить его о чем-то еще... — Подождите, а...

И тут я понял, что в палате его нет. Как он опять это сделал? Вроде бы дверь не скрипела, я никуда не отвлекался. Как будто бы просто моргнул на секунду, а когда открыл глаза, комната была пуста.

Магия...

Впрочем, пора привыкать. Если сам я, крепко разозлившись, смог разнести окно в стеклянную пыль и вырубить троих дуболомов, даже не подходя к ним близко, то наверняка уж у опытного чародея есть масса каких-то своих секретов.

Я устроился поудобнее на кровати и задумался. По всему выходит, что я верю этому Кашееву? Хм, смешно. Кашеева, Соловейка. Прямо как в русские народные сказки попал. Все по канону, чем дальше — тем страшнее. Интересно, а как там Натаха, Гиена и Бюрократ? Надо будет днем обязательно выбрать время и проверить... кстати, а который вообще сейчас час? Вроде бы, по контексту было понятно, что ночь, раз несколько раз зашла речь о том, что я здесь остаюсь до утра. Окон нет, выглянуть на улицу, чтобы сориентироваться по времени суток, я не могу.

Спать не хотелось. Фиг знает, почему. Долго был в отключке, пока Лизонька меня собирала по кусочкам, много волнений, адреналин плещется до самых ушей, какой уж тут сон? Может, если переодеться в пижаму, заснуть будет проще?

Я встал и подошел к узкому шкафу. Взялся за дверцу и услышал чей-то протяжный стон.

Ах да, это же лазарет. Значит, кроме меня, здесь есть и другие больные. Никаких указаний на то, что я не должен выходить из палаты у меня не было, значит...

Я подошел к двери и попробовал ее открыть. Не заперто.

Выглянул в коридор. Тусклые ночные светильники делали его загадочным и мрачным, как в фильме ужасов. Стон прозвучал снова. Теперь уже отчетливее. Похоже, издавал этот звук обитатель палаты через две двери от меня.

Дежурный? Я покрутил головой. Это же лазарет, должна же здесь дежурить какая-нибудь медсестра? Рядом с входной дверью, перекрывающей коридор, даже была стойка, за которой она должна сидеть... Я вышел наружу. Заглянул за стойку. Там стоял простой рабочий стол, настольная лампа не горела.

— Что я знаю об их шпатном расписании? — пробормотал я и пошел в ту сторону, откуда доносились звуки.

— Воды... Помогите... — отчетливо простонал голос из-за двери. Я дернул ручку. Заперто.

— Здесь закрыто, — говорю.

— Позовите санитаров... — простонали из-за двери.

— Там никого нет за столом, — сказал я.

— Ключи должны быть где-то там, на столе... — за дверью громко и надсадно закашляли, потом снова раздался стон.

— Сейчас посмотрю, — сказал я и вернулся к столу. Сел на стул дежурного, включил лампу. Под стеклом на столе — несколько записок не очень разборчивым почерком. Еще парочка обрывков бумаги прищиплено на стойку. Имена, названия каких-то незнакомых лекарств...

Я выдвинул верхний ящик стола. Ну да, связка ключей. Пересчитал. Десять штук. Дверей палат — девять. Значит, один от самого лазарета. Взял ключи, вернулся к палате стонущего бедолаги. Интересно, почему его закрыли? Мою дверь оставили открытой...

Нужный ключ нашелся с третьего раза. Замок щелкнул, дверь распахнулась. Устройство палаты было таким же, как и у меня — половина была отделена стеклянной стеной, в дальней части — кровать и узкий шкаф. Вот только кровать другая. С металлической рамой, к которой были пригнуты тощие руки и ноги пациента. Широкими кожаными ремнями. Я замер.

— Воды, мальчик, — сказал привязанный к кровати старик. — Принести мне воды...

Он приподнял голову и плечи, насколько позволяли путы. Хм. Это был тощий старик с длинной неопрятной седой бородой. Кожа покрыта коричневыми пятнами, зубы похожи на старые клавиши от рояля, одного из передних не хватает. И он настолько опасен, что его не только пристегнули ремнями, но еще и закрыли снаружи?

— А что с вами случилось? — спросил я. — Почему вас держат привязанным?

— Ах это... — старик пошевелил длинными пальцами с почерневшими ногтями. Тяжело закашлялся. — Ты принесешь мне попить или будешь и дальше смотреть на мои мучения?

— Ой, извините, — я виновато улыбнулся. — Сейчас принесу, конечно. стакан только найду.

Я вышел из палаты и пошел в конец коридора. Раз там удобства, то и вода должна быть где-то рядом. Ага. Похоже, питьевая вода вот в этой фляге... Я взял с полки одну из пронумерованных жестяных кружек и зачерпнул воды. Понюхал на всякий случай. Слегка пахло железом и немного болотной тиной. Пожал плечами. Вернулся в палату к старику.

— Дай мне попить, — просипел он. — Мочи уже нет терпеть...

Он дернулся вверх так сильно, что лязгнули цепи на его браслетах. Я сделал шаг к его кровати и примерился, как бы ловчее поднести кружку ко рту лежащего человека и не облить при этом его больничную робу.

Стоп. А может я фигню сейчас делаю? Я вспомнил мутные глаза обезьяноподобного чудища из подземелья. Вдруг где-то тут рядом на стене висит инструкция, что этого старикана после полуночи нельзя поить?

Глава 8. Черная метка

— Да не дергайся ты, — пробормотал я, поддерживая голову старика за затылок. Он вцепился своими крупными желтыми зубами в жестяной край кружки и принялся жадно хлебать воду. Проливая на застиранную ткань робы, конечно же.

Я смотрел на него и думал, что не люблю стариков. Почему-то старушки, даже самые ветхие и топчущиеся на краю могилы не вызывают у меня особых отрицательных эмоций. А вот старики... Брр... Они всегда в тысячу раз противнее любых, даже самых вредных бабок.

Но убедить себя в том, что не надо давать пристегнутому к кровати деду воды, мне не удалось. Я и гремлинов вспомнил, и какой-то мультик про кашея, закованного в подвале, который тоже воды просил. Или не мультик это был? И даже инструкцию про «если вы снимаетесь в фильме ужасов» вспомнил. Но вот передо мной беспомощный дед. Просит пить. И что вы прикажете делать? Говорить: «Пошел на хер, дедуля, вдруг я тебе воды дам, а ты цепи порвешь и меня сожрешь?» Ну-ну. И кто потом будет чувствовать себя как идиот?

Старик допил всю воду из кружки и блаженно откинул голову на подушку. Зажмурился, отдышался, потом открыл глаза и посмотрел на меня.

— Вот уж спасибо тебе, кто бы ты ни был, — сказал он.

— Да ладно, не мог же я мимо пройти, — я пожал плечами и повернулся, чтобы уйти. Надо поставить кружку на место. Да и вообще как-то не хотелось продолжать разговор с этим стариканом. А то сначала он воды попросил, потом скажет, что ручки затекли, отстегни браслетки. А потом...

— Пстой-ка... — цепи снова звякнули. — А ведь я тебя знаю! Подойти-ка поближе, мальчик!

— Это вряд ли... — пробормотал я, но обреченно вздохнул и вернулся к кровати деда. Мне сразу вспомнилась моя маман, которая как-то, когда мне было лет семнадцать, в момент доверительной откровенности пожаловалась, что бабки и деды — это ее ночной кошмар. «Заходишь, — говорит. — В метро. Садись спокойно на сидячее место. А на какой-нибудь Петроградской обязательно рядом встанет бабка и начнет сверлить осуждающим взглядом. И я, как дура, вскакиваю. Ну а что скажешь? Бабушка, мне сорок лет, я паспорт могу показать! Может вы пойдете над душой стоять вон у того переростка с айфоном?!» Так и я. Ну вот что мне мешает сейчас сказать: «Пошел ты на хер, дед!» Уйти, закрыть дверь и вернуть ключи на сестринский пост. И кружку еще на место поставить. Так нет же. Дед командует идти к нему, и я иду. Потому что, ну, он же беспомощный, надо помогать слабым...

— Наклонись поближе... — дед прищурил свои выцветшие старческие глаза.

— Думаю, вы ошибаетесь, — сказал я. — Вряд ли мы виделись.

Наклоняться, ясное дело, не стал. Ни жизнь, ни здоровье, ни удобство этого конкретного старика от возможности рассмотреть меня получше не зависели, так что совесть моя благополучно промолчала. Дед некоторое время щурился, потом дернулся вверх, опять звякнув цепями. Прищурился еще сильнее, от чего пергаментная кожа на его лице собралась в сплошной узор из сплошных морщин.

— Нет... — прошептал он и побледнел. Первый раз я видел, как лицо буквально за долю секунды до этого имевшее нормальный цвет становится белым, как полотно. Даже синеватым. — НЕТ... Изыди. Прочь... Не мучь меня, не морочь меня... По одну сторону

дороги — рожь, по другую — серебряна река. Ты пройди, пройди, меня обойди. Звон бубенцов мимо проведи. Твоему серпу здесь работы нет. Ты пройди, пройди, мимо ивового куста, мимо желтого листа, мимо сторожки стылой, берегом озера, пруда, моря и океана. Проведи твоим серпом по воде студеной... Кррррххх...

Старик вжался в свою постель так, будто хотел оказаться за ней. Ужас в его глазах был прямо-таки запредельным. Не понял. Это он меня испугался?

— Дедуля? — спросил я. — Может еще воды принести?

— Прочь! — закричал он. — Прочь! И кровь твоя проклята, и дыхание твое проклято, чудовище, тварь... А я еще воду пил из твоих рук, вот я дурак старый, слепец, поднырок болиголовый...

— Вы обознались, — сказал я, когда он сделал паузу на то, чтобы перевести дыхание. Но какое там. Он даже не услышал. Продолжал сучить ногами и руками в попытках отползти от меня подальше. Может у меня за спиной кто-то еще стоит? Я даже оглянулся. Ну не может же этот дед меня так бояться?

— Тварный знак, тварная печать, — снова забормотал дед. — Отпусти-пусти свет в окно, во двор, за околицу. Отдай ветру пепел, ручью щепки, огню ветки сухие. Ни черни в глазах, ни красноты на руках, ни хулы в помыслах. Сотрись, пропади пропадом, пусть съест поедом муха срамная, утка клеклая...

Я тряхнул головой. Все ясно, дед просто в маразме. И пытаться разговаривать с ним сейчас — это вообще бессмысленно. Что совой об пень, что пнем об сову... Тьфу, блин, он со своими заклинательными текстами даже мысли мои развернул на какой-то сказочный лад.

— Ладно, дедуля, — я поднял с пола сползшее покрывало. — Что-то не получается у нас с тобой разговора. Пойду я. Нужна будет водичка еще — кричи.

Я накинул покрывало на старика, он в этот момент выпучил глаза и снова предпринял попытку отползти под кровать. Даже кожу себе содрал браслетами, бедолага. Надо и правда пойти поискать кого-нибудь из персонала. Как бы он тут кони не двинул от переизбытка чувств.

— Трава не расти, ворон не клюй, вода не беги, ветер не дуй... — пробормотал старик и дернулся еще раз. Как раз когда я поправлял покрывало, чтобы оно снова не сползло. Я отдернул руку, но одним пальцем он коснуться моей ладони успел. Я чуть не заорал. Обожгло так, будто палец был из раскаленного докрасна металла. Правда боль сразу стихла.

— Ага!!! — глаза деда торжествующе загорелись. И кажется даже засветились, но больше похоже, что в них просто лампочка отразилась. Я посмотрел на свою ладонь. В том месте, где меня обожгло, на мякоти под большим пальцем, теперь красовалось пятно очень странной формы. Как цветок, только лепестки незамкнутые. Восемь крючков от центра. Черные линии, будто татуировка.

— Что это еще за фигня, дед? — спросил я. — Я, значит, воды тебе принес, а ты на меня какую-то магию насылаешь?

— Это сущность твоя, злище злодейское, тварь без роду, без крови, без племени, в короне неправедной... — снова забормотал дед. Его колотило крупной дрожью, губы тряслись, победное торжество из тусклых глаз исчезло. Он меня боялся. Боялся настолько, что казалось, что его сейчас удар хватит.

Я прислушался к себе. Вроде никакого темного зла внутри не шевелилось, все как раньше... А может он просто людей с магическими способностями вот так принимает?

Короче, сбегать, вот что. Еще пара минут у кровати этого деда, и я сам начну говорить народными заговорами, побасенками и прочими «ой вы гой-еси...»

— Паки-паки, иже херувимы, — пробормотал я и направился к выходу. Старикан продолжал нести мне вслед еще какие-то слова, но чем дальше, тем меньше они походили на связную речь. «А ты точно Кащей? А скажи что-нибудь на кашеевом...» — подумал я, поворачивая ключ в замке.

В коридоре было все так же пусто. Я подошел к столу дежурного, вернул ключи на место, закрыл ящик. Прислушался к скулежу деда из-за двери. Может и правда поискать кого? Сдохнет ведь дедуля, а я потом буду виноват...

Я подошел к двери лазарета и подергал ее. Ну да, логично. Заперто. Если бы я был дежурным, которому не хотелось бы сидеть на своем посту, что бы я сделал? Правильно, запер бы дверь, а сам завалился спать в одной из палат. Я вздохнул. Повернулся к темному коридору. Потом посмотрел на ящик стола, в который только что вернул связку ключей. Еще раз посмотрел на коридор.

— Послушай, дорогая совесть, — пробормотал я себе под нос. — Когда тебе в следующий раз захочется втравить меня в идиотское приключение, то пусть это будет как-нибудь связано с кем-то более симпатичным... И желательно с сиськами...

Пошел он, короче, этот дед. Вот что. И дежурный, забивший на свои обязанности, пусть бежит впереди него. И вообще мне необязательно здесь оставаться до утра.

Скажу, пришел в себя, вокруг никого, натянул ботинки, вышел, и все такое...

Стоп. А зачем мне вообще ключи? С собой их потом что ли таскать?

Я бросил связку ключей обратно в ящик, задвинул его и сунул руку в карман. Заботливый Ярослав Львович мои вещи из карманов выбрасывать не стал, так что все мои сомнительные сокровища все еще были при мне. Включая удобные железячки, позволяющие мне открыть замок почти любой сложности.

Замок на лазарете тоже не разочаровал. Как говорится, такой может остановить только честного человека. Пара щелчков, и вот я уже в пустом, темном и гулком университетском коридоре. Теперь надо искать, где тут выход. И сходить навестить своих, не обидятся, надеюсь, что я их посреди ночи разбужу...

Лазарет оказался на втором этаже. Через пару поворотов я вышел, наконец-то в коридор, на одной стороне которого были окна, выходящие на темный парк, освещенный только полной луной. Я не старался красться или идти как-то незаметно. Во-первых, у этих ботинок, в отличие от моих почивших безвременно кроссовок, была твердая подошва, а во-вторых — у меня как-то не было такой цели. На случай непредвиденной встречи с каким-нибудь грозным сторожем у меня была заготовлена целая слезная речь на тему «дяденька, не ругайтесь, я здесь первый день, пришел в себя в лазарете, проводите к выходу...»

Но никто не встречался. Университет был пустым, как ему в этот час, впрочем и полагалось. Во все времена и в любых реальностях.

Через минут пятнадцать блужданий по лестницам и коридорам мне удалось найти главный холл и вожделенную входную дверь. Уф. Теперь еще пятнадцать минут неспешной прогулки, и я дома. Ну, в смысле, дома у Натахи, Гиены и Бюрократа. Искать сейчас полагающуюся мне по статусу общагу как-то не очень своевременно. На месте коменданта я бы послал себя на хер в такой ситуации.

Я немного постоял перед центральной лестницей, прислушиваясь в ночному университету. Просто так, мне всегда нравились пустые здания, без людей. Сунул руку в

карман за отмычкой и направился к двери.

Замер, когда заметил справа какое-то движение. Движение тоже замерло. Я посмотрел в ту сторону.

Холл был чуть ли ни единственным местом во всем университете, которое хоть как-то освещалось. Правда светильников было всего два — по обеим сторонам лестницы, и они были далеко не самые яркие, но все же лучше, чем вообще ничего. Я сделал шаг в ту сторону, где заметил движение. Движение повторилось. Ах вот оно что! Это зеркало!

Здоровенное, в потертой деревянной раме, высотой в два моих роста. С немного волнистым и слегка потемневшим стеклом. Какие обычно бывают в старых деревенских домах. Я подошел ближе. Отражение мое тоже приблизилось.

«Интересно, почему в доме у Егорова зеркал нет? — подумал я, подходя вплотную и осматривая свое отражение. — А неплохо, кстати, сидит костюмчик... Ярослав Львович с размером угадал...»

В этот момент мое отражение как будто немного затуманилось, будто на него набежала тень. Что за черт?

В одну секунду стало как будто темнее и холоднее. Мое отражение за волнистым стеклом заколыхалось, шевелясь совершенно не в такт моим движениям. И лицо мое как будто тоже стало не совсем моим. И оно... улыбалось?

Снова обожгло руку. В том самом месте, на котором мне оставил метку вредный старик из соседней палаты. Да еще и так сильно, что я вскрикнул от неожиданности. Мой голос отразился от стен и потолка эхом. Я бросил быстрый взгляд на свою ладонь. Темная метка начала светлеть. Исчезать. Таять.

Я тряхнул головой. Может это я сплю?

Я посмотрел в зеркало. С отражением моим снова было будто бы все в порядке. Во всяком случае, у моего зазеркального двойника было такое же обалделое выражение лица, которое, как я считал, и должно быть у меня в этот момент. Зато по полу протянулось сразу две тени. Одна, которая должна быть, от того светильника, который светил мне в бок. А вторая — в другую сторону. Я крепко зажмурился и снова открыл глаза. Вторая тень зашевелилась. Задергалась. Замахала руками. Вытянулась.

Я посмотрел на пол. Никакой тени в реальности на полу не было. Только в зеркале.

Да уж...

По спине пробежал мерзкий холодок. Я сделал шаг назад от этого дурацкого зеркала. Никогда не любил такие. Тем временем тень как будто подернулась рябью, как раньше мое собственное отражение. Потом распалась на темные клочья. Потом на более мелкие кусочки. Потом на мелкую пыль...

Где-то с грохотом хлопнуло окно, на меня налетел порыв холодного ветра и разлохматил волосы. Моему отражению — тоже. А мелкая пыль, в которую превратилась несуществующая тень, подняло в небольшой вихрь воронкой и сдуло куда-то в бок.

И снова все стало как было. Никакого холода, мрака, фальшивых теней и могильного сквозняка. Мое отражение послушно повторяло движение и корчило гримасы. Искажаясь изредка, но точно в тех местах, где на стекле были волны.

«Фубля... — подумал я и спиной вперед отступил от дурацкого стекла. — Какая-то хренотня...»

Посмотрел на ладонь. Никакой метки там больше не было. Провел ладонью по взмокнутому лбу. Сердце мое колотилось, как бешеное.

Открыл замок на входной двери. Благо, изнутри ключ не требовался. Выглянул наружу. Полная луна заливала лужайку ярким призрачным светом. Никого?

Вышел на крыльцо. Прикрыл дверь. Сел на ступеньку. Вот теперь захотелось закурить так, что я даже был готов забить на то, что я бросил. Помнится, я видел тут где-то сторожку, должен же там быть кто-то? Вдруг у него есть? Хрен с ним, махорка, самосад, да хоть лебеда сушеная...

Фубля. Кажется, я начал понимать господина Егорова, как его там по имени отчеству... если тут все зеркала так себя ведут, то я тоже готов отказаться от отражающих поверхностей. Ну нафиг...

В кустах справа раздался какой-то шепот. Я снова напрягся. Но похоже, что там ничего потустороннего. Вполне человеческие голоса. И смешок такой характерный, не вполне трезвый. Шиканье. Я не пошевелился, сделал вид, что никого не заметил. Кто бы там ни был, если они намерены вступить со мной в контакт, то появятся сами, а если нет, то и фиг с ними. Сейчас еще минут пять посижу и потопаю домой.

Раздался треск кустов, потом чей-то полусдавленный матерный выкрик. Я повернул голову и вскочил.

— Кто здесь?

— Ууууу! — из куста появилась человеческая фигура, закутанная с ног до головы в простыню. — Кто посмел потревожить покой духа Тояна?!

— Духа кого? — спросил я. Как же мне сразу стало легко! Никакой мистики, никакой черной и белой магии. Явно обычные пьяные выходки студентов.

— Ууууууу! — снова завыл лже-призрак и задрал вверх руки. Под простыней обнаружили кирзовые сапоги и черные штаны. — Пади ниц перед повелителем этих мест, или ты будешь проклят... ик... И род твой будет проклят! И вино любое станет для тебя ядом смертельным!

Из куста кто-то зашипел, потом раздался сдавленный смех.

— Какое ужасное проклятье, — я усмехнулся. — А чей ты там дух, я не расслышал?

— У тебя морква в ушах что ли? — заявил призрак обычным и даже вроде бы знакомым голосом. — Тояна. Царя Тояна.

— А, ну да, — я кивнул. — У вас шнурок развязался, ваше величество. В кустах снова раздался сдавленный смех, который довольно быстро перестал быть сдавленным и превратился в хохот.

— Эээ... Богдан? — привидение стянуло с головы простыню и превратилось в Леннона, только без очков. — Ты же в лазарете должен быть до утра...

— Я очнулся, никого нет, — я пожал плечами. — Окон тоже нет. Пошел искать выход, Ну и нашел вот.

— Молчи, молчи, дурак, и иди сюда! — громким шепотом зашикали из куста. — Илюха, она идет!

Глава 9. Толкование сновидений

Леннон толкнул меня к кусту, но я уже и сам все понял, нырнул в зеленое нутро акации, получил кулаком в бок от еще одного мародера. Кортеса, разумеется. А вот третий был какой-то другой. Не тот третий, который с ними раньше ходил.

Леннон спешно натянул на голову простыню обратно, взмахнул руками и грозно завыл. Я вытянул шею, чтобы рассмотреть, кого он там пытается напугать. Решили отомстить Феодоре? А, нет. По дорожке вдоль здания университета медленно шла совсем незнакомая девушка. Свет луны четко обрисовывал ее профиль с вздернутым носом и немного растрепанными волосами, заплетеными в косу. Почему она шла так медленно, я сообразил чуть позже — она просто была босиком. В простом платье до колен и без обуви. Бедная, как ей не холодно...

Когда Леннон завыл, она сдавленно пискнула и присела. Потом развернулась и бросилась бежать. Кортес толкнул меня в бок, они со вторым третьим выскочили из куста. Куст с другой стороны лужайки тоже зашевелился, выпуская на лунный свет еще парочку мародеров. Стоп, а почему я решил, что это именно мародеры? Может это, например, инженеры или юристы...

— Богдан, давай не тормози! — заорал Кортес.

Девушка споткнулась и упала на траву. Леннон подкакал к ней, продолжая завывать. Другие темные тени стягивались к тому же месту. Девушку окружили со всех сторон хороводом. Она перевернулась на спину, села, попыталась одернуть задравшееся платье.

— Давай к нам, чего ты там топчешься?! — Леннон опять сдернул с головы простыню и помахал мне рукой. У меня перед глазами живо встала история за стеклом, я почувствовал, как снова начинает накатывать уже знакомая ярость. Сжал кулаки, сделал шаг вперед. Но в этот момент девушка запрокинула голову и звонко захохотала. Несколько пар рук подхватили ее и подняли в воздух.

— Вечеринка? — спросил я у направившегося мне навстречу Леннона.

— Стесняешься? — он хлопнул меня по плечу и подтолкнул вслед за всеми. — Не ссы, мародер, будет весело!

Процессия из парней потащила хохочущую девицу куда-то за университет. Я и Леннон пристроились в хвосте. Кто-то сунул мне в руку бутылку. Честно говоря, мне не очень хотелось сейчас участвовать в разудалой студенческой пирушке, но с первого же дня прослыть занудой — такая себе идея. Так что я отхлебнул кисловатого пойла и передал бутылку дальше.

Пока мы шли по дорожке университетского парка куда-то вглубь, к реке, я успел узнать, что девушку зовут Влада, и что она учится на бухгалтерско-экономическом, и буквально пару дней назад Соловейке удалось разбудить ее спящие магические способности. Каковое событие все и собирались сейчас торжественно отметить в заброшенном домике, с которого, по легенде, когда-то началась история томского университета.

На подходе к домику тропинка сузилась, со всех сторон ее окружили нестриженные кусты и старые деревья. Я начал машинально высматривать пути к отступлению, но топавший сзади Леннон то и дело подталкивал меня в спину. Ладно, насколько я в принципе знаком с такими вот мероприятиями, возможность незаметно слинять с него появится чуть позже...

Кто-то впереди загремел ключами, скрипнула дверь, и процессия начала втягиваться внутрь небольшой темной постройке. Девушку опустили на землю перед входом.

Заброшенный снаружи дом изнутри оказался весьма даже обжитым. Вслед за небольшой прихожей шла просторная центральная комната с четырьмя окнами, в дальней стене — две закрытых двери. Два длинных стола по бокам, в углу — стопка сложенных одеял. Несколько разномастных стульев и табуреток. На стенах — грубо сколоченные полки, на одной даже стояло несколько книг.

Двое мародеров деловито поджигали расставленные по столам и полкам масляные светильники, виновница торжества забралась на стол и закинула ногу на ногу, демонстрируя каждому желающему, что под ее платьем-рубашкой ничего нет. Кто-то снова сунул мне в руки бутылку. Чтобы не мешаться под ногами, а заодно и не привлекать к себе излишнего внимания, я отступил в темный угол.

Не нужно быть провидцем, чтобы понять, как именно мародеры собрались отпраздновать принятие в семью миловидной Влады. На одном столе расставили бутылки-стаканы и разложили нехитрые закуски, а на другом восседала игриво изгибающаяся Влада. Которую каждый проходящий мимо норовил как бы случайно задеть, зацепить подол, чтобы он задрался еще повыше или без всякого там ложного стеснения схватить за сиську или хлопнуть по заднице.

Когда подготовительная суэта практически закончилась, в центр комнаты вышел один из мародеров. Невысокого роста, явно чуть старше, чем остальные, которые, насколько я смог оценить, более или менее были моими ровесниками и младше. Он несколько раз хлопнул в ладоши, привлекая внимание. Смехуечки в комнате немедленно стихли.

— Доброй ночи, братие! — произнес он и торжественно воздел руки. — Сегодня знаменательный день...

Смешки задвучали снова. Влада, некоторое время сохранявшая торжественное и серьезное лицо, тоже прыснула.

— Ша всем, я сказал! — старший снова хлопнул в ладоши. Воцарилась тишина. — Итак, день сегодня знаменательный... Очень важный! Сегодня мы принимаем в нашу дружную семью очаровательную Владу!

Раздалось несколько неуверенных хлопков, потом опять все стихло. Я сделал осторожный шаг в сторону приоткрытого окна. На меня все равно никто уже не смотрел, даже Леннон отвлекся и придвинулся ближе к центру, так сказать, событий.

— Многие из вас уже знают ее как весьма одаренную и талантливую девушку, — сказал старший серьезным тоном, потом не удержался и хихикнул сам. Остальные мародеры тут же подхватили смех, но главный уже вернул себе величавое выражение лица и снова поднял вверх ладони. — Ша! Я не закончил! Теперь же она одаренная в самом важном значении этого слова! Более того, она не просто одаренная! Она стала одной из нас. Нашей сестрой по силе!

Все захлопали и придвинулись еще ближе. Влада гордо выпрямила спину, сквозь тонкую ткань ее платья-рубашки проступили напрягшиеся соски.

— Сегодня полнолуние, братие! — голос главного зазвучал еще громче. — Время зверя, ночь зверя, час зверя!

Мародеры дружно зарычали и потянули руки в Владе, но пока ее никто не трогал.

— Где-то там во мраке сейчас разгулялась нечисть! — торжественно провозгласил старший сквозь всеобщее рычание. — Но под сводами этого дома... это время... всегда будет

временем любви! Вы готовы принять эту прекрасную девушку в нашу семью?!

— Готовы! — хором грянули мародеры.

— Готовы дать ей столько любви, чтобы небесам стало жарко?!

— Дааа! — еще громче заорали все. А я сделал еще шаг к окну и положил ладонь на подоконник.

— Тогда долой все покровы! — сказал главный и положил руку на плечо Влады. — Настоящая любовь не терпит никаких преград!

Он рванул рубаху на девушке, и тонкая ткань с треском лопнула. Мародеры разом заголосили и заулюлюкали и принялись срывать с себя одежду. «Самое время, Лебовский, — сказал я себе. — До тебя как раз никому нет дела, и вряд ли кто-то скоро о тебе вспомнит!»

Я распахнул окно пошире и быстро перемахнул через подоконник. Несколько секунд выждал, прислушиваясь и мысленно порепетировав отмазку на тот случай, если кто-то вдруг заметил мое бегство. «Сорян, братая, я отлить по-быстрому...» Но внутри раздавались только шлепки по голой коже, взвизгивания Влады и прочая развеселая возня. Я осторожно пробрался через кусты, вышел на тропинку и припустил прочь от домика.

Вливаться в коллектив — это хорошо, конечно. Но групповухи меня как-то никогда не прельщали. Да и настроение, прямо скажем, было не совсем то, чтобы прикидываться, что мне такое нравится. В другой ситуации — возможно. Но не сегодня.

Уличные фонари на улицах Томска вообще-то присутствовали. Но сейчас уже ни один не горал. То ли из-за того, что освещения полной луны было достаточно, то ли просто час уже поздний, и даже самые заядлые гуляки уже разбрелись по домам. Я пробежал по деревянному тротуару вдоль Садовой, потом свернул под сень густых деревьев, на пару секунд замешкался на перекрестке, освежая в памяти дорогу до дома Егорова. Свернул в переулок, и уже через минуту оказался рядом с крыльцом. Остановился у крыльца, и только собрался постучать, как вдруг понял, что понятия не имею, какой сегодня день недели. А в условиях договора что-то точно было насчет пятницы, причем с какими-то туманными угрозами...

Я спустился по ступенькам, обошел дом, почсчитал окна. Ага. Вот эти точно. Осторожно постучал в стекло.

Глухая штора дрогнула, за стеклом появилось слегка заспанное лицо Натахи. Она прищурилась, фокусируя на мне взгляд. Потом потянулась к задвижке. Скрипнула рама.

— Прости, что разбудил, я забыл, какой сегодня день недели, — сказал я, забираясь на подоконник. Натаха посторонилась и отбросила за спину свою роскошную косу.

— Что-то случилось? — спросила она. — Ты бледный. И какой-то... на себя будто не похожий.

— Уф.... — я шумно выдохнул и запустил пальцы в волосы. — Устал ужасно. День какой-то жуткий был. Кстати, один день, надеюсь? А то я счет времени потерял совсем.

— Да, мы утром проснулись, тебя нет, — Натаха закрыла окно, вернула шторы в прежнее положение. — Бюрократ на рынок ходил за продуктами. Еще всяких мелочей прикупили. Думали завтра утром в университет идти, узнавать, все ли у тебя в порядке.

— Документы вам надо сделать, — сказал я. — А потом мне еще надо...

— Давай я тебе постелю, — Натаха тронула меня за плечо. Она была одета только в короткую белую рубаху. Ее мускулистые ноги в тусклом свете ночника смотрелись как изваянные из серебра. Тонкая ткань не скрывала, а скорее подчеркивала все крутые изгибы ее сильной фигуры. В голове почему-то возник непрошенный образ Феодоры. Как она

манерно изогнувшись наклоняется за ключами... Я смутился и опустил глаза. Кивнул. Натаха быстро провела ладонью по моей руке и выскочила из комнаты. Скрипнула крышка сундука, раздалось шуршание ткани. Раздались легкие шаги Натахи. Я снова засмотрелся на ее силуэт в дверях. Какая же она все-таки офигенная...

Какой же я все-таки... Сознание как будто раздвоилось. Мне и хотелось бы сейчас ощутить как мои пальцы сминают тонкую ткань на ее гладкой коже. А другой части меня хотелось запереться в бане и тереть себя мочалкой до тех пор, пока я не сдеру с себя кожу до самого мяса. Я выдохнул и шагнул к двери. Протиснулся мимо Натахи, на несколько секунд замер. Она меня легонько обняла, ткнулась носом в мои волосы.

— Сладких снов, — прошептала она и проскользнула в свою комнату.

Я рухнул на сундук и тут же провалился в сон.

В ушах снова зазвучали азартные вскрики и всхлывания мародеров. Я снова был в том домике в глубине университетского парка. Голые парни передавали друг другу бутылки, их жадные глаза пожирали лоснящееся от пота женское тело, распластанное на столе.

Хлоп. Хлоп. Хлоп. Вот все хлопают в ладоши в ритм движений одного из них нависшим над извивающейся Владой.

Я все ближе к столу. Беру из чьих-то рук бутылку, делаю глоток. На языке — кислый тошнотворный вкус дешевой бормотухи.

Еще ближе. Вот она уже передо мной. Упирается ступнями в стол, поднимается на локтях.

Хлоп. Хлоп. Хлоп.

Жадные руки шарят по ее телу. Она запрокидывает голову и громко хохочет. Тянет ко мне руки. Притягивает еще ближе. Ее лицо, залитое белесыми каплями, уже совсем рядом. Ее язык скользит по губам. Она что-то шепчет мне в ухо, потом снова громко хохочет.

Хлоп. Хлоп. Хлоп...

— О, Боня! — гулкий голос Гиены выдернул меня из кошмарного сна. Меня даже подбросило на сундуке. Я сел, тяжело дыша. — А я не слышал, когда ты пришел. Тебе Натаха впустила?

— И тебе доброе утро, Гиена, — сказал я, вытирая пот со лба и пытаюсь унять стремительно стучащее сердце. Сон! Твою мать, как же хорошо, что это сон! Все казалось таким реальным, что я был почти уверен, что мне только показалось, что я сбежал. А на самом же деле остался в том домике, на той дурацкой вечеринке, с которой мне хотелось сбежать до ее начала. И выкинуть из памяти то, что она вообще была.

А может и не было ничего? Может мне вообще приснился этот домик, Влада, наряженный привидением Леннон? Зеркало и вторая тень?

Длинный был все-таки день, в голове все спуталось, бывает...

В этот раз Григория Вахопулова мы нашли с первого раза. С утра на Толкучем рынке царила вполне невинная деловитая суэта, кабаки были еще закрыты, прилавки ломились от товаров. И первый же торговец, у которого мы спросили, где можно найти господина Вахопулова ткнул нам пальцем в сидящего рыжего великана в длиннополом бордовом кафтане и такой же кепке, громогласно распекавшего сухонькую старушку, раскладывающую на прилавке пучки зелени.

— Марфа Арсеньевна, ты опять свои товары сама тащила?! — голос его звучал как иерихонская труба. — У тебя пятеро сыновей и я уже сбился со счета сколько внуков, а ты все сама да сама?! Да где ж это видано, такое непотребство?!

— Так спали мальчишки-то... — пролепетала бабушка. — Пошто их будит-то в такую рань? Работали допоздна видать, притомились...

— Притомились они! — великан хлопнул себя по массивным ляжкам. — Я твоих Ваньку и Гришаню вчера в трех кабаках видел! Вот пойду сейчас к тебе домой, да кааак...

— Эээ... Господин Вахопулов? — осторожно сказал я в тот момент, когда он набрал в грудь воздуха, чтобы рассказать, что именно он собирается сделать с нерадивыми Ванькой и Гришкой.

— Чего тебе, пацан? — великан повернулся ко мне, его кустистые брови сошлись на переносице.

— Я Богдан Лебовский, — быстро сказал я и сунул ему в руки письмо от ректора. Тот схватил бумажку и пробежал по ней глазами. Потом снова посмотрел на меня. Потом на Гиену. Потом на Бюрократа. Брови его снова зашевелились. Потом он перевел задумчивый взгляд на Натаху.

— Эти что ли твои? — спросил он. — Ну пойдём тогда что ли ко мне, раз Гезехус просит, значит надо оформить, — потом он снова обратился к бабушке. — Смотри у меня, Марфа Арсеньевна! Еще раз увижу, что ты сама сумки таскаешь, я твоих мандюков выпороть на площади прикажу. По всему Томску у меня будут с голой жопой бегать, ленивые козлины!

Он привычно ввинтился в бурлящую рыночную толпу, а мы торопливо устремились за ним. Если перед грозной фигурой в бордовом люди прилежно расступались, то нам приходилось пробивать себе дорогу локтями.

Контора Вахопулова со стороны вовсе даже не смотрелась полицейским участком. Обычный аккуратный домик с открытой верандой, выходящей прямо на улицу. Он ногой придвинул стул к покрытому зеленой клеенкой столу и шмякнул на стол толстый журнал в картонной обложке, облизнул палец и перелистнул страницы, исписанные гладким круглым почерком.

— Жилье вам, стало быть, надо отыскать... — пробормотал он. — Сейчас я гляну, где-то тут у меня записано было...

— Мы уже нашли жилье, — быстро сказал Бюрократ. — Нам бы все остальное...

— Нашли? — Вахопулов поднял голову и пошевелил бровями. — Шустрые вы... Ну давай тогда ты первый и садись, очкарик.

Бюрократ уселся на стул напротив великана, а я спустился с крыльца и прислонился к деревянному столбу.

— О, Богдан! — раздался над самым ухом веселый голос Кортеса. Он стоял у соседней калитки, и вид имел изрядно помятый. — А выглядишь так, будто всю ночь дрых, завидую!

Калитка скрипнула, на улицу вышел зевающий Леннон. Он сфокусировал на мне мутный взгляд, и на его губах зазмеилась похабная улыбочка.

— Ну ты отжег, Боня! — он подошел ближе и хлопнул меня по плечу. — Здоров, мужик! А я уж боялся, что ты сбежишь! Как она верещала под тобой, аж до сих пор в ушах звенит!

Я открыл рот, но сказать ничего не смог. Беспомощно оглянулся и встретился взглядом с потемневшими глазами Натахи.

Глава 10. Первое блюдо из гранита науки

Леннон проследил за моим взглядом, понимающе хмыкнул и ткнул Кортеса в бок. Я молчал, мучительно придумывая, что бы такое сейчас сказать, чтобы не выглядеть идиотом. К щекам прилила кровь. Вот так подстава... Я еще раз посмотрел на Натаху, выражение лица которой быстро менялось. Непонимание-негодование-стыд-разочарование.

— Наталья! — зычным голосом позвал Вахопулов. — Пройдите сюда, барышня, будем вам рекомендательное письмо оформлять.

Натаха отвернулась и поднялась на веранду.

— Кстати, красавица моя, до меня докатывались слухи из Новониколаевска о ваших подвигах, — великан наклонился к Натахе и отечески потрепал ее по щеке. — Рад лицезреть вас в натуре, так сказать...

А меня просто размазало сразу десятком всяких противоречивых эмоций. Вот это подстава! Они что вчера, так нажрались, что у них случился коллективный глюк? Или решили разыграть простачка-новичка? А что сказать Натахе теперь? От ее взгляда мне просто физически больно стало... С одной стороны я ей ничего не обещал, так что вообще непонятно, почему я сейчас ощущаю такое жгучее чувство вины, с другой... Эй, стоп! Какое чувство вины вообще может быть? Меня к этой Владе даже если насильно подтащить, я бы отбивался! Там же по всей ситуации было понятно, что все мародеры в ней побывали не по одному разу. Героиня-многостаночница, бррр. Нет, я не то, чтобы ханжа, каждый как хочет развлекается, но приобщаться к тренду не хотелось. Я и не стал. Вспомнил сон. Меня опять прошиб холодный пот и затошнило от отвращения.

Все это пронеслось в моей голове за какие-то считанные секунды. Леннон держался за голову и прикрывал глаза от ярких солнечных лучей. Кортес набивал короткую трубочку. Блин, хорошо бы и эта утренняя встреча мне приснилась тоже...

Так и не придумав, как поступить, я сделал то единственное, что показалось мне наименее идиотским — пробормотал что-то о срочных делах и быстро скрылся между торговыми рядами Толкучего рынка.

— Эй, Лебовский! — донесся мне вслед голос Вахопулова. — Передавай Гезехусу, что Витте пусть сам решает, где ему работать!

Я остановился уже почти у самого университета. Прислонился спиной к морщинистой коре толстеного тополя. В висках болезненно колотился пульс. И это явно не от быстрого бега. Что я тут пробежал-то? Даже запыхаться бы не успел... В груди клокотала ярость. Бессмысленная и беспощадная. На Леннона с Кортесом, зачем-то решивших меня развести при Натахе. На себя, что позорно сбежал вместо того, чтобы разрулить ситуацию. На шлюшку Владу. Вообще непонятно почему. Ну нравится ей раздвигать ноги перед всеми подряд, кто я вообще такой, чтобы ее судить? Ангел безупречный нашелся, тоже мне...

Я сжал кулаки, развернулся и треснул правой рукой по дереву.

— Херню какую-то ты творишь, Лебовский, — пробормотал я.

Ладно. Я разжал кулак и посмотрел на свои разбитые до крови костяшки. Фигли теперь-то уже переживать? Все равно не представляю, что такого я могу сделать или сказать, чтобы не увидеть на лице Натахи то выражение. Это не я? Они меня с кем-то перепутали, дебилы бухие? Ну да, ну да, очень правдоподобно звучит...

Я медленно направился к кремовому зданию университета. Лучше порешаю проблемы,

на которые могу хоть как-то повлиять.

На лужайке перед университетом сегодня было многолюдно. Несколько компании, расстелив на траве покрывала, сидели и лежали, листали книжки и тетради. Парней на первый взгляд было сильно больше, чем девчонок.

Я поднялся на крыльцо мимо сидящей на ступеньках еще одной компании. У этой был явный лидер — он вещал, остальные слушали. Интересно, почему вчера здесь почти никого не было?

А вот в холле было пусто. Учебные занятия? Хорошая погода всех на улицу выгнала? Я пожал плечами и направился к лестнице. Так, что мне надо? Выяснить, как тут устроено обучение, понять, на какой курс я зачислен, или что мне нужно сделать, чтобы меня на этот самый курс зачислили. Разобраться с общагой, библиотекой, учебниками и расписанием.

А поскольку мой наставник болеет с похмелья где-то рядом с Толкучим рынком, то выяснять все придется самостоятельно.

Ну что ж...

Я огляделся. Остановил на некоторое время взгляд на том самом мутном зеркале, которое меня вчера заставило потерять немало нервных клеток. Оно было на месте, оно было настоящим, а значит оно мне не приснилось и не привиделось в бреду. Рядом с ним сейчас стояла светловолосая девушка и наводила марафет. И на ее лице никакого страха или чего-то подобного не было.

Ну и хрен с ним пока. Мне сейчас не зеркало нужно, а доска с информацией или что-то подобное. Вроде бы вчера, когда искал выход, видел что-то подобное в холле второго этажа.

Я поднялся по главной лестнице. Искомое, в смысле — большая доска, увешанная множеством разного размера и цвета листочков, объявлений и таблиц. Над которой мелом было написано «15 июля 2019 года. Понедельник». Ну вот, теперь я по крайней мере знаю, какое сегодня число, год и день недели. Дом я покинул в конце июня 2019 года же. И с тех пор ни разу не додумался спросить, а какой сейчас, собственно, день и год.

Рядом с доской стояла пара парней, судя по внешнему виду, чуть не доросшие до старшего школьного возраста. Один водил пальцем по какому-то объявлению и диктовал второму. Второй записывал.

Я подошел к доске тоже. Ничего похожего на большое разлинованное расписание по курсам и дням не было. Да и вообще какой-то системы не наблюдалось. Не было инструкции по правилам пользования университетом. Впрочем, у меня в папке она, кажется, была. Но почитать из папки я всегда успею, а сейчас лучше изучу, чем живет моя альма матер.

Взгляд остановился на листе желтоватой бумаги. На нем крупными печатными буквами от руки было написано следующее:

«Магистр юридических наук Берендеев Илья Митрофанович объявляет, что с вторника возобновляет курс начальных лекций по праву и правовым вопросам для тех обалдуев, кому не хватает терпения усидеть в библиотеке, чтобы ознакомиться с материалами самостоятельно.

Правила посещения лекций:

1. Быть трезвым настолько, что не икать и не распространять вокруг себя сивушные ароматы.

2. Быть в форменной одежде (хотя бы один предмет!)

3. Девушкам можно не приходить, я не приемлю на своих лекциях всяческих выкрутасов!

Хотите учиться — идите в библиотеку!

4. При себе иметь тетрадку и ручку.

5. В остальном — вход свободный.

Записаться можно на кафедре права, бухгалтерско-юридического факультета.

Спросить Надежду Львовну».

Я хмыкнул и перевел взгляд на следующее объявление.

«Пивоваренный завод братьев Ворсиных заявляет проект!

К участию допускаются студенты бухгалтерско-юридического факультета.

Допускаются команды из трех-пяти человек, входной допуск — 150 жетонов».

Ничего не понял. Что еще за проект? Какие еще жетоны? Ладно, читаем дальше.

«ВНИМАНИЕ ВСЕМ!

Ежемесячное собрание попечителей и меценатов состоится в четверг, 18 июля, в главном зале университета. Абитуриенты и студенты могут подавать заявки до полудня 17 июля в секретариате ректора.

Второй секретарь Анна Антоновна».

Ну, это примерно понятно. Приедут толстосумы выбирать себе будущих сотрудников. И можно и нужно им себя всячески красиво показать, чтобы получить в дальнейшем теплое место работы.

«Кто нашел связку ключей с брелоком в форме деревянной лисы, просьба отнести их коменданту женского общежития с просьбой передать Лавровой Алисе».

Хм. Даже так. То есть, тут вообще кто угодно может объявления повесить.

Но система потихоньку все-таки выстраивалась. Самая большая группа объявлений касалась неких проектов. У которых были кураторы или не было кураторов, тогда уточнялось, декан какого факультета этот тендер объявляет. Судя по контексту, это было мероприятие на конкурсной основе, и у каждого проекта был входной ценз в неких жетонах. Интересно, их нужно отдать или предъявить? В некоторых объявлениях было уточнено, что проект оплачивается, в некоторых на эту тему ничего не было написано.

Другая часть объявлений касалась учебного процесса у разных преподавателей. Никаких формальностей не соблюдалось, каждый писал в вольной форме, как ему хотелось. Входной ценз на лекции не указывался. Еще были писульки о практических занятиях, но они были совсем малоинформативными. «Орг. Хим. Практика. каб. 312. 10 ж». По всей видимости, практикум по органической химии, в триста двенадцатом кабинете. 10 ж? Жетонов? Дают или забирают? По всей видимости, кому надо — тот знает, что там дают, когда и во сколько.

Ну и частные объявления. Куплю велосипед, вяжу теплые вещи на заказ, ищу репетитора по геометрии... В целом, все понятно, даже в хаосе вполне можно разобраться.

Источник тактической информации я нашел. Теперь надо бы разобраться со стратегической. Обычно кабинеты людей, владеющей таковой, должны быть где-то поблизости. Ага. Широкий коридор, двери и таблички на них.

«Главный по хозяйственной части». Явно не то. «Приемная инженерно-технического факультета. Справок не даем, только по делу». Вторая фраза была приписана на листочке и приклеена под официальной табличкой. Идем дальше. «Ответственный бухгалтер». Хм. Если это ответственный бухгалтер, то где-то должен быть и безответственный?

Хотя что я ерничаю? Кажется, это то, что мне нужно. Во всяком случае, если что подскажут, в каком направлении двигаться. Я постучал в дверь.

— Не заперто! — отозвался с той стороны немного визгливый женский голос. Я взялся

за ручку и толкнул тяжелую деревянную дверь.

Внутри обнаружился узкий длинный кабинет с окном на одном конце и дверью, в которую я вошел, на другом. Ближе к окну стоял обширный деревянный стол, за которым восседала полноватая пожилая дама с явно крашеными рыжими волосами, взбитыми в высокую прическу. На объемной шее, прямо под вторым подбородком — нитка крупного жемчуга. Перед ней на столе — конторская книга и инструмент, который я видел на картинках, но ни разу не встречал до этого в реальной жизни — счеты. Она сдвинула очки на кончик носа и посмотрела на меня поверх них.

— Да, молодой человек? — сказала она строго.

— Я только спросить, — сказал я, стоя на пороге. — Меня зовут Богдан Лебовский, я только вчера прибыл и...

— Как вы сказали? Лебовский? — она с грохотом выдвинула один из ящичков своего объемного стола и извлекла другую конторскую книгу. Быстро пролистала страницы, остановилась и провела пальцем по последней заполненной строчке. — Так, Лебовский, самоходом, двадцать один, не состоит, не зарегистрирован, Санкт-Петербург... Так. Одаренный, Сольвейг Павловна... А что же вы один? Тут написано, что ваш наставник — Зубатов Илья, инженерно-технический...

— Он плохо себя чувствует, так что я решил пока справиться без него, — ответил я.

— Ну что же, похвальная самостоятельность, — высокая рыжая прическа качнулась. — Попечителя или мецената у вас нет... Вы прочитали правила обучения?

— Каюсь... Замотался... — я сделал виноватый вид.

— Понятно, еще один оболтус, — бухгалтерша поджала губы. — Если никакой промышленный или торговый клан за вас не платит, то вы должны будете оплачивать свое обучение сами. Но поскольку вы одаренный, то первый учебный семестр берет на себя университет.

— А сколько стоит обучение? — спросил я.

— Двадцать три тысячи соболей за семестр, — ответила бухгалтерша. — Плюс некоторые преподаватели берут за свои занятия деньги с неприкаянных.

— Неприкаянных? — переспросил я.

— Ну, с таких, как вы, — она мотнула в мою сторону подбородком. — Питание тоже за ваш счет.

— А когда начинается учебный семестр? — спросил я.

— Ваш начался в момент регистрации, то есть, вчера, — ответила бухгалтерша. — И закончится, соответственно, четырнадцатого февраля. Зимой вам понадобится либо оплатить свое обучение, либо за это время найти себе попечителя или мецената.

— А чем они отличаются? — спросил я.

— Попечитель берет над вами шефство и платит за ваше обучение в обмен на то, что закончив курс вы будете на него работать, — сказала бухгалтерша. — Как, сколько и на каких условиях — зависит от того, какой договор вы сумеете заключить. А меценат платит за вас просто так. Вы ничего потом ему не будете должны, разве что сами захотите сделать какое-нибудь доброе дело. На каком факультете вы собираетесь учиться?

— Вообще-то я хотел на историческом, — сказал я.

— Увы, его упразднили, так что вам придется выбрать другую специальность, — женщина захлопнула журнал и строго посмотрела на меня. — Молодой человек, в четверг у нас будет собрание попечителей и меценатов. Вы пока вряд ли представляете для кого-то из

них интерес, но я бы на вашем месте все равно попыталась подать заявку. И в ближайшие полгода не пропускала бы ни одно из собраний. Пусть они к вам привыкнут, вы заведете полезные знакомства, и, вполне возможно, вам не придется платить за себя самостоятельно. Знаете, как пройти в секретариат?

— Дорогу найду, — легкомысленно ответил я. — А почему упразднили исторический факультет?

— Историко-филологический, — поправила она. — Потому что это бесполезная трата человеческих ресурсов. Историков и филологов приходилось содержать университету. Промышленным воротилам не нужны знатоки изящной словесности и пустопорожние трепачи. Им нужны инженеры, сметчики, химики, геологи. За врачей они тоже готовы платить, потому что именно врачи заботятся об их живой рабочей силе. А пользу историков сами историки так и не смогли доказать.

— Наверное, тогда инженерно-технический... — задумчиво проговорил я. — Я отлично вожу машины, кроме того, Сольвейг Павловна сказала, что я одарен в техномантии...

— Эти вопросы меня уже не касаются, молодой человек, — бухгалтерша снова подняла очки на переносицу. — Я ответила на ваши вопросы?

— Когда у меня появятся деньги на оплату, мне тоже к вам приходиться? — спросил я.

— Да, — ответила бухгалтерша и снова уткнулась в свою конторскую книгу. Защелкали счеты. Кажется, мне дали понять, что аудиенция окончена.

Я вышел за дверь и остановился. Сумма, конечно, впечатляющая. Хорошо, что прямо сейчас ее от меня никто не требует...

Так, что там дальше по плану? Библиотека? Вроде бы, это какое-то отдельное здание. Вот и отлично, заодно прогуляюсь по парку. Голову проветрю. Может быть, меня осенит какой-нибудь свежей идеей о том, какой факультет из оставшихся мне ближе. Пока я был не готов принимать окончательное решение.

Я начал бегом спускаться по лестнице, но остановился на вершине последнего пролета и вернулся на пару ступенек вверх. В середине холла стояли Леннон, Кортес и третий. Третьего, того самого третьего, который похож на гибрид Мачете с Бредом Питтом, на вчерашней вечеринке не было. И, судя по размахиванию руками и взрывам хохота, двое приятелей в красках излагали проспавшему все другу события прошлой ночи.

Вот блин. Только я отвлекся от этой истории и озадачился более приземленными проблемами... Видеть их мне не хотелось, снова слушать бред о своих якобы подвигах тоже. Я тихонько поднялся на второй этаж. Из этого здания по-любому должно быть больше одного выхода. Надо найти одну из боковых лестниц...

Я решительно направился по коридору в правое крыло, потом повернул.

— Лебовский! — окликнул меня громкий кукольный голос Соловейки. Да уж, из огня да в полымя... Она стояла, преграждая мне путь к отступлению — собственно, в дверях той самой лестницы, которую я и искал. Сегодня она была одета в пышное белое платье в крупный красный горох, что делало ее еще больше похожей на куклу. Каблуком лакированной красной туфельки она постукивала по мраморной ступеньке. — А я как раз собиралась спросить у Зубатова, куда ты запропастился! Пойдем-ка со мной!

Глава 11. Гранит науки нужно подавать холодным

Каблуки Соловейки процокали по лестнице на третий этаж. Я обреченно поплелся за ней. Не то, чтобы я как-то опасался беседы с пристрастием, просто для этого нужно концентрироваться, подмечать детали и очень внимательно следить за базаром. А я что-то изволил пребывать в душевном раздрае. Ни к месту подумалось, что сейчас бы неплохо сходить в какой-нибудь шумный кабак, чтобы вокруг — безыдейный выпивохи, и тосты без всякого второго дна. «Что-то ты расклеился, Лебовский! — строго сказал я сам себе. — Давай, соберись, тряпка!»

Не сказал бы, что это меня как-то взбодрило, правда.

Тем временем, Соловейка подошла к стене из матового стекла, перегораживающей коридор. Вроде больничного отделения. Над дверью красовалась табличка «КАФЕДРА ДИНАМИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН». Она решительно открыла дверь. Незапертую, кстати. И с прежней скоростью устремилась дальше по коридору. За моей спиной дверь самостоятельно закрылась, хотя вроде бы никаких пружин или чего-то подобного на ней не наблюдалось.

Внутренняя часть кафедры разительно отличалась от всего остального университета. Во всяком случае, той его части, в которой я успел побывать. Паркетный пол в центре покрыт толстой ковровой дорожкой с геометрическим узором, от которого рябило в глазах. Каждая из восьми дверей была уникальной. Одна покрашена в зеленый и на нее наклеено множество бумажных цветов. Судя по следам клея, цветы регулярно меняли. Сегодня преобладали красные и бледно-желтые. Другая была полностью черная, без единой дополнительной детали. Даже ручки не было. Будто просто провал во мрак. Третью, кажется, украшал кузнец, которому хотелось продемонстрировать, как много мелких деталей он может соорудить при помощи кузнечного молота. Какие-то завитушки, финтифлюшки, мелкие клепки с топорщащимися лепестками... Остальные я рассмотреть внимательно не успел, потому что наш пункт назначения скрывался как раз за этой вот металлической фантазией.

Соловейка сделала быстрый жест левой рукой, и дверь распахнулась. Внутри царил уютный полумрак, источниками света были весело потрескивающий камин и восточного вида лампа из красного и зеленого стекла. Сама комната была похожа на охотничий домик или что-то в этом роде — каменная облицовка стен, над камином — козлиная голова. Здоровенный был козел, кстати. И рога такие... внушительные. Кроме того стены были украшены шкурой черного животного, идентифицировать которого я вот так сходу не смог, несколькими вычурными шпагами и саблями, старинным фитильным пистолетом и непонятной жестяной штукой, по форме похожей на кирасу, только без одного плеча. На ней было множество вмятин, темных отметин и цветных пятен неясного происхождения.

И еще было несколько стеклянных стеллажей, содержимое которых я рассмотреть не успел.

— Кащеев сообщил мне, что у тебя случился пробой, — Соловейка повернулась ко мне. — Значит тебе нужно как можно быстрее начать занятия. Иначе уже через неделю пробой протухнет, и нужно будет провоцировать его заново.

— Что? — недоуменно спросил я. Деловитый тон, никаких загадочных намеков или вопросов с подтекстом. Я ожидал другого, поэтому такое начало разговора слегка сбilo меня с толку.

— Я непонятно выразилась? — кукольные брови удивленно поднялись. — Обучение

магии нужно начинать сразу после пробы, так эффективнее. Это выбор обычной специальности может потерпеть, а тонкие дисциплины — нет. Так что настраивайся на работу, Лебовский. Прежде всего, тебя нужно взять в библиотеке методичку «Базовые практики». А также три пособия — «Экстрасила пламени», «Тонкие течения водных струй» и «Искровая энергия». Что ты стоишь? Ты не собираешься записывать? Или ты думаешь, что я сама буду за тебя бегать по библиотекам?

— А... у меня нечем... — я похлопал себя по карманам.

— Предупреждение тебе! — Соловейка ткнула в мою сторону крохотным пальцем с длинным ногтем. — Ты прочитал правила обучения?

«Да блин! Долбаные правила! Когда бы я вообще их читал-то вообще?» — подумал я и сокрушенно покачал головой.

— Прочитать! И вызубрить наизусть! — Соловейка погрозила мне своим указующим перстом. — Бумага и карандаши на столе.

— А где... — начал я, но заткнулся. Просто я не сразу обратил внимание на ширму, за которой прятался обширный письменный стол. Я взял из стопки лист бумаги, выхватил из стакана карандаш и начал записывать.

— Прочитать, законспектировать и вернуть в библиотеку, — Соловейка прошла вдоль комнаты, заложив руки за спину. — Теперь запиши «Лаврикова Садыкей Леонидовна». Записал? Очень внимательно к имени, она не терпит, когда его произносят с ошибками. Найди ее и запишись в максимально ближайшее время на занятия по эмоциональному контролю. Будет отнекиваться, скажи, что у тебя был пробой, нужно срочно. И что я попросила. Кстати, если ее увижу раньше, то скажу тоже. Теперь что касается твоего наставника...

Соловейка нервно побарабанила пальцами по стеклянной стене стеллажа. Я держал карандаш над листком бумаги и смотрел на нее.

— Нет, ничего, — Соловейка поджала губы. — Зубатов бестолковый болван. Может разве что научить тебя выпивку доставать из нигде, когда все лавки уже закрыты. Но это к магии не имеет ни малейшего отношения. В общем, обращай к нему с вопросами, если хочешь, но лучше я подумаю кого-нибудь другого тебе назначить. Пиши. Стенды и полигон. Застолбить время, это в секретариате. Наверняка что-то подберут.

Я записывал. Она продолжала сыпать названиями книг, трактатов и томов, практическими пособиями и фамилиями инструкторов и преподавателей. В определенный момент я просто перестал забивать себе голову этими данными, решив, что карандаш отлично справится с функциями памяти. А разберусь со всем этим по ходу дела.

— Можешь идти, — сказала Соловейка и повернулась к камину.

— Это все? — спросил я. И никакого допроса? Никакой настольной лампы в лицо или чего-то подобного? Никакой попытки перевербовать?

— У тебя ко мне какие-то вопросы, Лебовский? — Соловейка внимательно посмотрела на меня.

— Эээ... Наверное, пока нет... — пробормотал я.

— Тогда шагай отсюда, у меня и без тебя дел по горло! — заявила она и устроилась на кресле за своим письменным столом. — А! Нет, подожди! Наведайся к Азамату Львовичу, это наш доктор.

— Зачем? — спросил я.

— Провериться на стыдные болезни, конечно! — ее глаза зло сверкнули. — Или тебя в

Петербурге не учили, что если совать свои части тела в не очень надежные места, то можно заработать сифилис, гонорейю и прочие мерзкие заболевания?

— Но я же... Я вроде не... — и тут я почувствовал, как жар приливает к щекам. Ну да, конечно, как я мог забыть! Замечательные друзья-мародеры растрепали всему университету о моих ночных подвигах. В которых я не участвовал, но кому теперь это интересно? Я не стал доказывать Соловейке, что я тут ни при чем, что все это просто дурацкие сплетни, и ни в кого я ничего не совал. Просто кивнул. Сложил бумажку, сунул ее в карман и направился к выходу.

Фух. Как-то все сильно лучше прошло, чем я опасался. Хотя, с другой стороны, а почему Соловейка вообще должна была меня как-то допрашивать и вербовать? Я вроде пока не то сокровище, из-за которого нужно устраивать межведомственную войну на всех фронтах. У Кащеева были свои резоны перетягивать меня к себе, скорее всего, никаких особых тайн там нет. Ну, новичок. Может быть, потом пригодится. А у Соловейки с ним свои дела, которые ко мне тоже не имеют никакого отношения... В общем, расслабься уже, Лебовский! Никому ты нахрен тут не сдался. Не найдешь денег — выкинут зимой на мороз, пойдешь работать подмастерьем к младшему выгребителю говна из общественных сортиров.

И тут я понял, что настроение неожиданно улучшилось. То есть, вроде бы и обидно, что я вовсе не золотой звезды ботинок, но с другой-то стороны — все реально скорее от меня зависит. Смогу я превратить эти свои спонтанные вспышки ярости во что-то нормальное и сильное или так и останусь обалдуюм, который в университете только из-за пьянок с потрапушками тусуется. А у меня, между прочим, еще дела есть. Надо Матонину должок вернуть с процентами, надо разобраться с нашим ректором, который подозрительно похож на человека с ночной остановки поезда, волею которого, я уверен, я тут и оказался. Зачем?... Ну хотя бы чтобы понять, не отправит ли он меня таким же мановением своих китайских усов обратно в мою реальность. А то я тут планы строю, магию, понимаешь, зубрю, а потом сяду в какой-нибудь цеппелин, усну по дороге, а проснусь в Гостилицах под Санкт-Петербургом...

«Ладно. Проблемы буду решать по мере их поступления», — подумал я и направился искать библиотеку.

Здание оказалось небольшим, одноэтажным и уютно пряталось за деревьями в парке. Сначала я ткнулся в главную библиотеку, но меня прямо со входа отправили в другой конец территории. Магические пособия размещались в другом месте.

Вокруг было тихо — никаких компаний студентов, спонтанных пикников или лекций на открытом воздухе. Я открыл дверь и вошел. С удовольствием понюхал воздух. Пахло старой бумагой и почему-то озоном.

— Вам чего, юноша? — раздался женский голос откуда-то сзади и сбоку. — Я резко повернулся. У окна рядом с дверью стояла невысокая тоненькая женщина, сначала мне даже показалось, что почти девочка. Ее загадочные раскосые глаза пытливо смотрели из-за изящных очков в тонкой золотой оправе. В руке дымилась сигарета.

— Я в библиотеку, — сказал я. — У меня пропуск есть.

— А, ты новенький! — девушка улыбнулась, и я сразу понял, что она значительно старше, чем мне показалось сначала. — Сейчас, подожди минутку...

Она аккуратно затушила сигарету в жестяной пепельнице. Накрыла ее крышечкой и притворила окно. Потом направилась в уютный полумрак библиотечного холла.

— Я Синильга Азаматовна, — сказала она, усаживаясь за стол и выдвигая ящик с

картотекой. — Сейчас мы оформим на тебя абонемент.

Она извлекла пустой бланк, забрала у меня пропуск и принялась аккуратно вписывать буквы в строчки. А я от нечего делать, осмотрелся. В холле стоял длинный стол с десятком стульев. Видимо, этакая простецкая версия читального зала. У дальней стены, рядом с дверью, — библиотечный каталог. На окнах — горшки с цветами. Вот, собственно, и вся обстановка. Ничего необычного, мистического или шаманского. Даже завалящего амулетика на стене не висит.

Синильга Азаматовна подняла на меня глаза и вернула пропуск.

— Когда выберете книги, подойдите ко мне, я их запишу, — сказала она. — Книги со стеллажей с седьмого по девятнадцатый на руки не выдаются. Зал для работы с ветхими документами — из второго читального зала, правая дверь.

Я хотел попросить ее мне помочь, но вовремя закрыл рот. Ну да, библиотека со мной случилась впервые, что скрывать? Как-то раньше обходился интернетом и поисковиками, а вот эти вот столы, стеллажи с книгами и картонные карточки существовали для меня только в приключенческих романах. Которые я, кстати, тоже никогда в бумажном виде не читал.

Так что я самоуверенно направился к двери в книгохранилище.

Внутри стояла особенная такая бумажная тишина. Когда кажется, что даже мухи под потолком жужжат шепотом. С волей-неволей начинаешь ступать аккуратнее, чтобы не нарушить вот это вот загадочное состояние пространства, когда мир вокруг кажется даже перестает существовать...

Я решил не торопиться с поиском книг из списка, а для начала просто осмотреться, как тут все устроено. И эта система тут же сломала мне мозг. Как я себе это представлял? Книжные шкафы ровными рядами. На каждом — номер. На каждой полке — тематический указатель. Книги расставлены по алфавиту.

Как оказалось?

Шкафы стояли запутанным лабиринтом. Никакой системы или порядка в их расстановке я не заметил, по крайней мере на беглый взгляд. Трижды я оказался в тупиках. Зато в каждом из таких тупичков стоял маленький столик со стулом и настольной лампой.

Изнутри помещение казалось сильно больше, чем я думал, когда оглядывал библиотеку снаружи. Номера на стеллажах были расставлены как попало. Сначала шли седьмой и восьмой, за ним сразу девятнадцатый, а потом почему-то тридцать второй «А».

Я постепенно чувствовал, что закипают от этого бумажного хаоса. И что уже почти готов отправляться на поклон к Синильге Азаматовне, чтобы она провела мне ликбез по пользованию этой вот базой данных магических знаний. Но уперевшись в очередной тупик, я понял, что дорогу к выходу я тоже потерял. Я тихонько засмеялся. Расскажи кому — оборжут. «Лебовский в библиотеке заблудился! Пришлось спасательную экспедицию отправлять, а то бы он там от голода умер!»

Смех показался мне самому оглушительным. Я быстро заткнулся и огляделся. Не нарушил ли я чей-нибудь покой. И тут как будто эхо раздался другой смешок. Девичий.

Хозяйку голоса я заметил сразу же — она наблюдала за мной в щель над книгами. С другой стороны стеллажа.

— Лебовский, какая милая встреча, — промурлыкала девушка. Знакомый голос какой...

— Феодора? — спросил я. Шепотом. — А ты что здесь делаешь?

— Конечно же, слежу за тобой, абитура! — она снова хихикнула. — Вернись назад до поворота, потом поверни направо и в щель между стеллажами. Ты стройный, должен

пролезть.

Феодора снова была в одежде монахини. В руках она держала стопку старых даже на вид книг, названия на корешках были неразборчивыми.

— Заблудился? — спросила она. — Помочь?

Ох как мне хотелось гордо отказаться! Но я понимал, что нифига я сам не справлюсь с этим бумажным царством, поэтому кивнул.

— Давай сюда твой список... — она пробежала глазами по листку. — Ага, это надо в синий сектор. Пойдем.

Она взяла меня за руку и повлекла за собой по лабиринту книжных шкафов. Ее фигура была скрыта просторным черным одеянием, но когда она двигалась, под тканью отчетливо проступали контуры ее фигуры. И, кажется, кроме этой вот монашеской робы на ней ничего не было надето...

— А почему ты в такой одежде? — спросил я, чтобы отвлечься от немедленно возникшем в голове образе ее голых бедер. — Ты монахиня?

— Нет, — она обернулась на меня и улыбнулась. — Воспитывалась в приюте при монастыре. И батюшка согласился на мое обучение в университете, только если я буду носить одежды, не искушающие к блуду. Вот я и слушаюсь по мере сил.

— Хитро, — я хмыкнул.

— Вот, мы пришли, — она остановилась в очередном закутке с маленьким столиком. Феодора подошла ко мне вплотную и потянулась к полке где-то за моим плечом. — Вот эта... Теперь пособия. Посторонись, пожалуйста... — она наклонилась, и ее круглые ягодицы ткнулись прямо в мое бедро. — Ой... Секунду... — Феодора выпрямилась, и, как будто не удержав равновесие, облокотилась на меня. Теперь она стояла так близко, что я чувствовал грудью бусины ее сосков. К блуду, значит, не искушать... Я вдруг понял, что придерживаю ее за талию. Ну, чтобы не упала, видимо...

В этот момент где-то совсем рядом хлопнула дверь. Феодора приникла к щели над книгами.

— Это твои, — прошептала она. — Мародеры.

Я тоже посмотрел за стеллаж. Там была небольшая комната с почти таким же длинным столом, как и в холле. В центре топтался незнакомый мне здоровенный парень, а рядом с ним — второй. Которого я смутно помнил. Кажется, он участвовал в той злополучной вечеринке.

— Идут сюда, — прошептала Феодора. Быстро села на стол и притянула меня к себе и обхватила ногами. Выгнулась, прижимаясь всем телом и зашептала прямо в ухо. — Если застанут нас мило беседующими, то у тебя будут неприятности. А Ярослав Львович просил о тебе позаботиться. Мародеры считают, что с карателями можно уединяться только с одной целью. Так что...

Она куснула меня за мочку уха, и прижалась губами к моим губам.

Глава 12. Не все домовые одинаково полезны

Мозг мне снесло, конечно же, начисто и моментально. Где-то там, на задворках сознания, я, конечно, изо всех сил орал себе, чтобы я не увлекался, что это же Феодора, хитрая сучка, правая рука интригана Кащеева, о которой даже он сам его предупреждал, что надо быть осторожнее. И что вот буквально только что случилась херня, из-за которой ты все утро, между прочим, Лебовский, переживаешь! Тебе бы сначала отмыться от той истории, прежде чем...

Короче, тело этот бубнеж категорически не слушало. Руки сами собой потянулись сжали податливое гибкое тело, в ушах зашумело, от сладкого долгого поцелуя сносило крышу. Ее колени сжимали мои бедра, я сорвал дурацкий монашеский платок с ее головы, и светлые волосы, пахнувшие сиренью, рассыпались по плечам. Ее шаловливые пальцы скользнули под ремень моих брюк, и чтобы не застонать, мне пришлось укунить ее за нижнюю губу. В какой-то момент я даже забыл, что вообще-то это спектакль...

— Это что еще за дела тут?! — чья-то сильная рука сграбастала меня за пиджак и оттащила от Феодоры. — Ты охренел что ли, недомерок?!

Я инстинктивно увернулся от летящего мне в голову здорового кулака. Феодора не спешила сводить колени, так что у успел заметить, что отсутствие белья под монашеской робой мне не почудилось.

— Ты кто такой? Чего лезешь к моей девушке?! — здоровяк навис надо мной. Он был меня выше головы на две, не меньше. И шире раза в полтора.

— Йован... — нежным голосом пропела Феодора.

— А ты молчи, шлюшка! — рыкнул он в ее сторону. — Могла бы и оттолкнуть, он же хилый совсем!

— Йоооован, ты же знаешь... — Феодора медленно свела ноги и опустила их на пол.

Йован попылся ухватить меня за грудки, но я не уклонился.

— Это Лебовский, я его знаю, — сказал вдруг второй мародер. — Он вчера Владу отодрал так, что она до сих пор ходить не может.

— Ах этот Лебовский! — Йован замахнулся. — Ты бы хуй свой в штанах держал, абитура!

— Не надо, Йован, пожалуйста... — Феодора повисла на руке у Йована, по ее гладким щекам полились слезы.

— Как она может быть твоей девушкой, она же каратель? — Я воспользовался моментом и выскользнул из тупика. Правда, там еще оставался второй мародер, но он пока что агрессии не проявлял и вообще держал руки в карманах. — Или это неточное правило?

— Ну-ка стой! — Йован рванул за мной, Феодора, на лице которой волшебным образом высохли слезы, быстро подставила ему подножку. Совершенно незаметно. И он со всего маху грянулся об пол, я еле успел отскочить. И налетел спиной на второго мародера.

— Что это такое вы здесь устроили? — раздался строгий голос Синильги Азаматовны. — Немедленно убирайтесь из библиотеки. — Йован Драганов, я напишу Сольвейг Павловне записку, чтобы она тебя наказала. Лебовский...

Ее темные глаза остановились на мне. А я подумал, что она чертовски похожа на Талтугу. Прямо как будто старшая сестра. Впрочем, я никогда не мог по-настоящему отличить друг от друга монголоидные лица. Они все мне казались похожими...

— Простите, Синильга Азаматовна, — Феодора вежливо склонила голову и быстрым шагом выскочила из нашего закутка. Хлопнула дверь.

— А вы чего ждете? — воскликнула библиотекарша. — На улице выяснять отношения, ясно вам? А сюда только по делу приходите!

Йован тяжело поднялся с пола, зло зыркнул на меня и тяжелыми же шагами направился к выходу. Чтобы пропустить этого бугая мимо себя, Синильге Азаматовне пришлось повернуться боком. Я сначала сделал шаг в сторону выхода, потом замер, вернулся к столу и подобрал с пола свои рассыпавшиеся учебники.

Разумеется, здоровяк меня ждал у входа. Не то, чтобы я рассчитывал, что пока библиотекарша записывает мои книги, Йован пойдет по своим делам. Драки с ним я не боялся. Он, конечно, здоров как бык, но в этом как раз и есть его основная проблема. Здоровенным от рождения парням гораздо реже приходится драться, чем тем, кого ростом и массивностью природа обидела. Кроме того, я уверен, что он не служил два года в военной разведке...

— Ну что, Лебовский, теперь поговорим? — он криво ухмыльнулся, сжимая и разжимая кулак, размером едва ли намного меньше моей головы.

— Да как скажешь, болгарин, — сказал я, пожав плечами.

— Я серб! — прорычал он.

— А какая разница? — я с самым наивным видом улыбнулся. Но готовый был отскочить, если этот великан решит на меня броситься прямо здесь.

— Ах ты мелкий говнюк! — Йован тяжело задышал, глаза его налились кровью.

— Почему говнюк-то? — хмыкнул я. — Разве ты не должен называть меня, скажем будала или шупак?

Собственно, слова «дурак» и «мудак» составляли весь мой сербский лексикон.

— Йован, давай не здесь! — второй мародер потянул разъяренного серба за рукав. Тут я обратил внимание, что одет он не в стандартную для всех фиолетовую жилетку, а какое-то подобие пальто без рукавов в зелено-бордовых тонах. Фиг знает, как называется такая одежда. Камзол? Кафтан? Я вообще был не уверен, что рукавов с самого начала не подразумевалось, может ему их в драке оторвали.

— Ну да, тишина ведь должна быть в библиотеке, — сказал я.

— Ладно, Лебовский, давай отойдем, — Йован разжал кулаки. — На мызе. Там нам точно никто не помешает. И только подумай сбежать!

— Делать мне нечего, бегать от тебя, — я пожал плечами. — А мыза — это вообще что?

— Что ты мне крутишь, ты же там был вчера! — заорал Йован.

— Ах эта мыза... — я помрачнел. Даже настроение сразу опять испортилось. Нормально сделал, ага. Сбежал утром в универ, чтобы хоть как-то разрулить этот идиотскую ночную историю, вместо этого вляпался в еще одну. Собираюсь подраться с сербом, девушку которого я в библиотеке трахнул.

И что самое идиотское во всей этой истории, что я так никого трахнуть и не успел. А Феодора со своим «неискушением к блуду» прямо-таки заставила организм вспомнить о некоторых, так сказать, весьма естественных и очень приятных потребностях. Несправедливость какая! Как будто мне сначала выдали кнута, а потом еще и пряником отмудохали. Ну, то есть, не отмудохали, конечно, но очень этого жаждут, судя по раздувающимся ноздрям Йована.

— А почему, кстати, мыза? — спросил я. — Я считал, что так только вокруг Балтики

говорят, да и то не все знают.

— Так домик построили как раз для прибалта, — сказал безымянный мародер. — Тут старец Мыккла жил. Саам. Он местную нечисть умирал еще.

— Ты нашел, кому рассказывать, Борька, — зло процедил Йован и зыркнул в мою сторону.

— Отвали, Йован, — Борис поморщился. — Ты же знаешь, что я твои шашни с Феодорой тоже не одобряю. Эта сучка крутит тобой, как хочет. Ну и вот этим пацаном тоже решила покрутить. А ты тут же в стойку...

— Что еще за местная нечисть? — спросил я.

— Да мелочевка всякая, — Борис дернул плечом. — Болотники, там, осинные полозы... В общем, когда он помер, тут какая-то заваруха вроде как приключилась, и дом бросили. Заколотили и не заходили. Остальные первые постройки поносили давно, а эта осталась. А потом в нее кто-то из мародеров забрел. И никто его на кусочки не порвал. В общем, с тех пор это наш штаб. А всякие ужасы мы и дальше разносим, чтобы не совался никто.

Мы свернули на узкую тропинку, которую я прекрасно помнил еще с ночи. Впереди шел Борис, за ним я, а замыкающим — Йован. Было заметно, что он уже остыл, но отступать от разборки не намерен. Иногда даже шипел сквозь зубы какие-то ругательства. Было неразборчиво, но по интонации понятно.

Борис подошел к двери и пошарил рукой над косяком. Да уж, похоже, мародеры и правда считают, что их убежище в полной безопасности, раз ключ хранят в таком месте.

Следы ночной гулянки были довольно сносно устранены. Не сказать, чтобы внутри царил идеальный порядок, но на первый взгляд точно не скажешь, что буквально несколько часов назад здесь царили разгул, разврат и вакханалия. Столы сдвинуты к стенам, стулья и табуретки тоже как-то упорядочены. Центр комнаты свободен. Как по заказу, прямо. Я остановился на середине и повернулся к Йовану.

— Ну так что, рогоносец, начнем уже? — сказал я. В принципе, по лицу Йована было понятно, что он был почти готов как-нибудь мирно уладить дело, но знаю я эти финты. Вроде бы улаженная разборка может потом в самый неподходящий момент вспыхнуть. А этот Йован явно из тех, кому пока не врежешь посильнее, будет считать, что он на коне и рулит. Кроме того, мне с самого утра хотелось кому-нибудь всечь, просто подходящей кандидатуры не попадалось. Так что...

Йован сжал кулаки и двинулся на меня. Но мое внимание вдруг отвлекло постороннее движение у него за спиной. Там стояло зеркало. Старое, мутное, с волнистым стеклом. Почти брат-близнец того, из университетского холла. Только поменьше, и у этого была тумба. От Йована в нем было видно только часть плеча и правую руку, зато я отражался в полный рост. И отражение мое было неправильным. Реальный я стоял чуть согнув колени и сжав кулаки. А зазеркальный — на прямых ногах и в расслабленной позе. И на лице ненастоящего меня была кривая улыбка. И еще в глазах было что-то...

Я настолько отвлекся, что чуть было не пропустил удар в челюсть. Едва успел отклониться, и огромный кулак Йована лишь слегка мазнул по щеке и задел ухо. Я на стал парировать, сделал шаг в сторону, продолжая краем глаза следить за зеркалом. То ли из-за смены ракурса, то ли по какой-то другой причине, отражение затуманилось, и видно мне теперь было только какие-то мельтешащие тени безо всяких подробностей.

Йован попытался взять меня в захват, и мне пришлось уворачиваться, чтобы не попасть в его медвежьи объятия. Так что зеркало оказалось у меня за спиной.

Эти твари появились неожиданно, бесшумно и сразу с нескольких сторон. Откуда они взялись, я заметить не успел, потому что случилось сразу несколько вещей одновременно. Закричал Борис, существо запрыгнуло на плечи Йована и кто-то вцепился мне в ногу. Я пинком отбросил нечто размером с трехлетнего ребенка, и бросил взгляд на Бориса, который забрался на стол и отбивался табуреткой от сразу двух этих тварей. Йован пытался сорвать со спины прицепившуюся тварь, но она держалась крепко. То существо, которое я отбросил, зашипело и снова двинулось ко мне. Оно было похоже на карлика, заросшего бородой до самых глаз. Я бы, может, принял его за обезьяну, но пропорции рук и ног у него были скорее человеческие. Кроме того, оно было в каком-то подобии одежды. Штаны, как будто сшитые из картофельного мешка, и жилетка из того же материала. Только вот пальцы заканчивались совершенно не человеческими и довольно устрашающими когтями. Оно приближалось ко мне, припадая то на правую, то на левую ногу. И что-то бормотало неразборчиво. Совсем как та тварь в подземелье у Соловейки.

Не дожидаясь прыжка твари, я снова наподдал ей ногой. Или ему? Все-таки, борода, наверное, мужик. Хоть и мелкий...

Он отлетел и ударился об стену. Я последовал примеру Бориса и схватил табуретку. И тут я заметил в углу щель между досками пола, откуда выбирался еще один такой же мужичок-с-ноготок. Совершенно неестественно выбирался, он бы не пролез. Он упирался руками, рывками выдергивая из щели нижнюю часть тела. Оказываясь снаружи, тело становилось объемным.

Прыжок твари я встретил ударом табуретки, и снова отшиб существо в сторону. Тот прокатился по полу, ударился в того, который еще не успел выбраться. Они оба заверещали, вцепились друг другу в бороды и ненадолго вцепились в клубок.

У Йована дела были плохи. Тварь, оседлавшая его, вцепилась яростно, всеми когтями. Оно разевало зубастую пасть, нацеливаясь на его голую шею. Тот лупил неприцельно кулаком, но удары получались смазанными и не причиняли твари никакого видимого вреда.

Я швырнул табуретку в «своего» бородатика, который как раз отцепился от новоприбывшего. Подскочил к Йовану со спины и ухватил покрепче прицепившуюся к нему тварь. Рванул разок, другой. Уперся коленом в его спину, рванул в третий раз. «Ох, располосует тварь когтями плечи серба...» — подумал я, когда ткань камзола затрещала. Бородатик отцепился, и мы с ним вместе повалились на пол. А Йован рухнул в противоположную сторону. Но быстро сориентировался, перекатился, вскочил на ноги и наподдал пинка одному из атаковавших Бориса.

Тот «бородатик» которого я все еще держал в руках, неожиданно уперся короткими ножками в пол, и положение резко поменялось. Я вдруг почувствовал, что он отрывает меня от пола, и в следующий момент он уже швырнул меня куда-то в сторону двери. Пол и потолок пару резко крутанулись, раздался треск ломающегося дерева. Я прикрылся руками, закрывая голову и лицо от обрушившихся на меня осколков зеркала.

— Глаза! — заорал Йован. — Берегите глаза!

Я успел заметить, что он сложил вместе ладони, и пальцы его быстро заплясали. Я зажмурился и для верности еще и прикрыл глаза ладонями.

Вспышка была настолько яркой, что кажется пробилась даже сквозь эту двойную преграду. Раздался визг, топот, возмущенное бормотание, какая-то непонятная возня, потом звук упавшего стула. Я приоткрыл глаза и успел заметить, как голова последнего из «бородатиков» втискивается в щель в полу.

Я осторожно поднялся, стараясь не опираться на руки, чтобы не порезать ладони об осколки. Остатки зеркала со звоном посыпались на пол. Борис спрыгнул со стола и поспешил к Йовану, камзол которого уже начал пропитываться кровью на плечах.

— Что это, блять, такое было вообще? — спросил я, отряхивая костюм от щепок и мелких кусочков стекла.

— Ворованы, — сказал Борис. — Ну или ворованы подпольные. Другой вопрос, что они здесь забыли, тут же никто постоянно не живет... Да и многовато как-то, обычно они не больше, чем по трое нападают.

— Это нечисть какая-то? — уточнил я.

— Ну да, вроде того, — Борис помог Йовану снять его слегка испорченный камзол. — Что-то вроде одичавших домовых, только крупнее. — Тебе надо в лазарет, Йован...

Я подошел ближе. Да уж, выглядело не очень. Над ключицей — две глубокие рваные царапины, на шее содрана кожа, похоже, зубами разок «бородатик» все-таки достал. И несколько более мелких ран по плечам со спины.

— Ты это... — Йован повернулся ко мне. — Спасибо, Лебовский. Он бы мне плотку перегрыз, если бы ты его не оттащил.

— Да ладно, — говорю.

— Потопали в лазарет, — повторил Борис. — Надо чтобы тебя каратели подлатали, а то воспалится все нахрен.

— Да ладно, хорошо, что живой, — отмахнулся Йован. — Надо тут прибраться, а то потом забудем, а у нас — правила.

— Пусть вон Лебовский прибирает, — Борис мотнул головой в мою сторону. — Слышь, Лебовский, у мародеров есть правило, что если в мызе бардак, то последний не уходит. А если уйдет, то потом месяц сортиры чистит в общаге. И проставляется бухачем.

— Резонно, — сказал я. — А всякие веники тут водятся? Или руками все собирать?

— В кладовке глянь, — Борис кивнул на закрытую дверь и потянул Йована за рукав. — Пойдем давай, Лебовский тут разберется!

— Да погоди ты! — Йован отбросил его руку в сторону и подошел в куче обломков дерева и осколков стекла, которые раньше были зеркалом. — Это еще что за хренотня? Тайник что ли какой тут был?

Среди мусора валялась жестяная коробка размером с толстенную книжку, перевязанная бечевкой. На полустершейся краске еще можно было разглядеть улыбающегося денди. В одной руке у него была кружка с шапкой пены, а в другой — печенька. «Сырныя крекеры къ пиву! Лучшая закуска отъ новой пекарни Крюгера!» — гласила надпись сбоку. Стараясь не смотреть на свое отражение в осколках зеркала, я подошел ближе по похрустывающему стеклу. Поднял коробку и стянул с нее изрядно подгнившую бечевку.

Глава 13. Любовный роман без хэппи-энда

Мы все трое столкнулись головами над коробочкой. Любопытство захлестнуло так, что как-то сразу забылись и бородастые ворованы, и зеркало с моим недобрый двойником на той стороне, и драка за Феодору. Технически это мог быть очень ценный клад, конечно, но даже если нет, все равно интересно. Чья-то покрытая пылью тайна. Судя по виду коробочки, этого человека уже давно нет в живых. Ну или он старенький совсем.

Я осторожно поставил коробочку на стол и стал вынимать из нее предметы. Просто, но талантливо вырезанный из дерева кораблик. Плоский засохший белый цветок неизвестного мне вида — маленькая белая звездочка на длинном стебле. У основания — небольшой венчик узких листочков. Видимо, засушили между страниц книги. Странно, что он не рассыпался. Плоская речная галька, покрытая сложным узором полупрозрачных зеленых линий. Серебряный медальон на почерневшей цепочке. Внутри — не очень четкий портрет усатого мужчины. Собственно, кроме усов и контура лица ничего не разобрать. Большая глиняная монета, когда-то покрашенная золотой краской, от которой осталось всего несколько блесков. Похоже, что это слепок, копия. Только одна сторона монеты выпуклая, другая просто гладкая. На монете можно различить двух стоящих друг напротив друга зверьков с острыми мордочками и длинными хвостами. И цифру «1». По краю когда-то явно были буквы, но либо качество слепка было так себе, либо время постаралось, так что прочитать надпись было невозможно. И, наконец, письмо. Свернутый три раза лист пожелтевшей бумаги, исписанный ровными круглыми буквами с множеством завитков. Похоже, писала женщина.

Я взял бумагу в руки, аккуратно расправил, чтобы не сломать хрупкий листочек и начал читать, продираясь через архаичные твердые знаки и эти самые завитушки, к месту и не к месту добавленные к буквам.

— "Милая моя Катенька! Завтра меня отправляют в Серафимин скит, где я скорее всего и сгину, так больше с тобой и не повидавшись. Отец взял с меня слово, что я буду молчать, но с каждым годом глядя на тебя, моя доченька, я понимала, что должна тебе открыть тайну. Тайну того, как ты родилась, и кто на самом деле твой отец. Я знаю, родная, что читать это все тебе будет больно, и что от Гаврилы ты видела только добро. Но я должна.

Мне было всего шестнадцать, когда я встретила своего Мишеньку. Ах, какая красивая у нас была любовь! Какие нежные стихи он мне писал! Какие трогательные подарки... Но все это было пустое, потому что мой отец никогда бы не согласился отдать меня за него замуж. Известное дело — он промышленник и магнат, а Мишенька — бездельник с Уржатки, да еще и вор помеченный. Но Мишенька решился и пришел к отцу просить моей руки. Как тот негодовал и буйствовал, ты можешь себе представить. Но Мишенька стоял на своем — люблю, жизнь за нее положу, благослови, проси любой откуп. Отец выгнал его, а меня запер. Но к утру слегка охолонул и приказал впустить. Мишенька так и сидел у порога, никуда не уходил. Отец тогда сказал, что отдаст меня ему в жены, ежели он принесет за меня не менее десяти Золотых Соболей. А пока не принесет, то и видеться мы не будем.

Мы сумели все же поговорить, когда он ночью подобрался под мое окно. Я его уговаривала зря жизнью своей не рисковать, что он, конечно, вор, но Золотые Соболя вовсе не у простых людей хранятся, что я согласная с ним сбежать, ежели он с замками совладеет.

Но он уже решился. Велел ждать и ушел.

А наутро отец мне сказал, что сговорил меня замуж. За Гаврилу Куцевича. Мол, Гаврила — мужик надежный, добрый, никогда меня не обидит, да и к тому же служит у него не первый год. Я плакала. Умоляла подождать. Но отец сказал, чтобы я Мишку своего забыла навсегда. И что даже если тот принесет всю тысячу, он никогда не согласится, чтобы дочь его родная пошла за воругой из Уржатки.

Потом была свадьба. Я шагала как на казнь. А когда батюшка нас венчал, я увидела в толпе своего Мишеньку. Лицом он был хмур и зол.

Мне удалось убежать прямо с брачного ложа. Мы встретились за амбаром, и Мишенька рассказал мне, что добыл не десять, а целых семнадцать Соболей. И уговаривал меня бежать. А я была согласная, прямо сейчас, сразу же. Нас тогда накрыла любовью с головой, и прямо там за амбаром я ему и отдалась. Я как чувствовала, что случится что-то плохое. И не хотела достаться девицей нелюбимому мужу.

Нас настигли, когда мы еще не успели даже на околицу выйти. Мишеньку моего убили сразу. Истыкали всего штыками и саблями, места живого не оставили. А меня вернули обратно мужу.

Когда я понесла, то сразу знала, что тягость от Мишеньки моего. Что родится у меня дочка ясноглазая, с черными кудряшками, смешливая и сметливая. Дед тебя величал Катриной, а я всегда звала тебя только Катенькой. Мы так с Мишенькой моим уговорились, что ежели дочка будет, то непременно Катенька. Так что теперь ты знаешь, кто твой настоящий папка.

Но это не все, родная моя. Сокровища, что Мишенька добыл, он велел тебе оставить. Сразу мне шепнул, как только мы поняли, что погоня за нами, и не уйти нам от нее. Семнадцать Золотых Соболей — это хорошее приданое, и ты сможешь сама себе жениха выбрать, когда время подойдет. Мишенька спрятал их в доме своих родителей, в Уржатке. Как спустишься в подпол, вправо поворотись и над балкой пошарь. Там будет камень шатающийся, его надо вытащить, а за ним — тайник. А в тайнике — монеты.

А теперь прощай, Катенька. И прости меня, грешную твою матушку, что не уберегла тебя от страшной правды и от прочих невзгод....»

— Ох ты ж! — Борис хлопнул себя по коленям. — А я думал, что бабские байки это все!

— Ты про что сейчас? — спросил я, осторожно положив листок на стол.

— Так про Марту Крюгер и Мишку-Ушкуйника! — Борис ухмыльнулся. — Бабушка моя эту историю любит рассказывать, во только в ее версии Марта с Мишкой сбежали, поселились на берегу Байкала, сам Унгерн их пригрел-приютил. А про семнадцать соболей даже песня есть. Слезливая. Обычно бабы пьяные ее голосить любят. Может, слышал? «...и тяжелою монетой запустил ему в лоб...»

— Неа, — я покачал головой и взял со стола глиняную монету. — А что еще за Золотые Соболя? Вот такие?

— Наверное, — сказал Борис. — Я их так-то не видел никогда, только слышал. Их атаман Пепеляев на Сибирском Земском Соборе отчеканил. Редкая штука. Так про них же все вроде как знают!

— Я же из Петербурга приехал, — я пожал плечами. — Это ваши какие-то внутренние сибирские дела.

— А, ну да, — Борис забрал у меня из рук монету и покрутил ее в руках. — Это почти сразу после баниции было. Пепеляев объявил Сибирский Земский Собор, и на него даже съехались почти все мало-мальски видные магнаты. И договорились учредить на брошенных

на произвол судьбы сибирских землях новое государство, Сибирскую Конфедерацию. Чтобы честное, справедливое, со своими законами и все такое. Даже какие-то первые законы почти написали... И решили, что никакого царя-императора Сибири не надо, что управлять будет Совет Ста. И тогда Пепеляев приказал отчеканить тысячу золотых монет. Этих самых Золотых Соболей. Они вроде как деньгами не были, это такой символ. И раздал монеты всем участникам Собора. Промышленникам, там, добытчикам, главам торговых домов.

— А потом что-то пошло не так? — хмыкнул я.

— Ну так известно что, — Борис тоже хмыкнул. — Все разъехались по своим домам и принялись друг другу мелко гадить. Морозовы — Токмаковым, Токмаковы — Демидовым, Демидовы — Матониным, а Матонины — всем, до кого дотянутся. А потом Пепеляева убили, и все вообще развалилось. Только вот соболя и остались с тех пор.

— Интересно, если отец этой дамочки — магнат и промышленник, то почему ему Золотых Соболей не досталось?

— Да может и досталось, только меньше, чем он хотел, — сказал Борис.

— Неа, — вступил в разговор Йован. — Крюгеру тогда на соборе предложили от прусского гражданства отказаться, а он не стал. Ну ему сказали, что золото может у прусского короля тогда выпрашивать. Похабный журнал с картинками про ту историю есть. «Сказ о том, как пивовару Крюгеру вместо золотых соболей поджопников надавали».

— Тогда понятно, что он закусился на эти Соболя, — сказал Борис. — Непонятно только, почему дочь за Ушкуйника тогда отдавать не захотел. Казалось бы, ну вор. Ну что такого-то? Можно подумать, не все они так начинали когда-то...

— Слушайте, а ведь я знаю, про какой дом она пишет... — Йован зашипел и кончиками пальцев коснулся ран на своем плече. — Возле Ушайки, там еще пацан третьего дня утоп у самых мостков!

— Только нам туда хода нет, — мрачно проговорил Борис. — Перо под ребро сунут и в ту же Ушайку спустят.

— Да может там и нет уже никаких Соболей, — сказал я. — Сколько лет назад это было-то все?

— Да лет сто, наверное, — пожал плечами Борис.

— А вдруг есть? — глаза Йована загорелись. — Можно же узнать, что с той девкой потом было, с Катькой Крюгер.

— Так она не Крюгер же поди, — Борис задумчиво поскреб затылок. — Замуж же Марту за кого-то отдали... Но если тайник здесь, то она, значит, в университете училась. Или работала. Можно разузнать, в архиве должны быть старые дела студенческие... — он тревожно посмотрел на Йована. — Так, нельзя больше тянуть! Давай-ка потопали в лазарет, а ты, Лебовский, порядок тут наведи, а вечером соберем наших и обсудим это дело. Раз тайник в мызе, значит кладом надо со всеми мародерами поделиться. Надо коробочку эту заныкать пока.

— А ворованы эти самые не вернуться? — спросил я.

— Да хрен их знает, Лебовский, — Борис пожал плечами. — Но ты вроде верткий, в случае чего — беги наружу просто, они далеко от дома не отходят. Ну, то есть, вроде не должны отходить...

— Ладно, разберусь как-нибудь, — пробормотал я и направился к двери в кладовку.

Йован и Борис ушли. Я остался один в убежище мародеров. Наедине с разбитым зеркалом и щелями в полу, из которых в любой момент могли начать вылезать мерзкие

бородатые карлики с когтями и зубами. Нда... Тоже ничего так себе денек получился.

Я провозился с уборкой часа полтора, выволок обломки тумбы и осколки зеркала на свалку на задворках. Окинул еще раз взглядом комнату. Ну, вроде нормально все. Порядок, не хуже, чем было, когда мы пришли.

Что там еще в моем списке дел? Общежитие, точно. Надо получить право на свое законное место, чтобы не приходилось ночевать на сундуке. Тем более, что сегодня возвращаться к своим мне ужасно не хотелось.

Найти общежитие оказалось легко, я спросил у дворника, а тот ткнул мне пальцем в трехэтажное каменное здание, рядом с которым росли четыре здоровенных ели. А вот коменданта пришлось немного поискать. В холле я его не обнаружил, его комната оказалась заперта, все, у кого я спрашивал, только пожимали плечами. На удачу я решил поискать в столовой, ну и заодно поесть.

Комендант нашелся. Им оказался невероятно толстый мужик. Настолько толстый, что его пузо не помещалось под стол, и есть ему приходилось в очень странной позе — вытянув шею вперед. Впрочем, по тому, как жадно он ел, было понятно, откуда взялось это самое пузо.

Никакого особенного интереса ко мне он не проявил, выдал ключ, сказал подойти к кастелянше за постельным бельем и формой и вернулся к поглощению пищи.

После еще некоторой суеты и помощи старенькой подслеповатой кастелянше в перетаскивании объемных мешков с постельным бельем, я стал счастливым обладателем собственного койко-места в комнате на три кровати. Там же был рабочий стол, чтобы прилежным студентам было где заниматься самостоятельной работой.

Моих соседей не было, но я особенно по этому поводу не расстроился. Сел на свою свежестеленную кровать и выдохнул. Выглянул в окно. Второй этаж, прыгнуть, в случае чего, будет несложно. Можно было пойти поискать секретариат, записаться к кому-то там на лекции, и вроде еще были какие-то необходимые телодвижения. А можно было остаться здесь и почитать, наконец, клятые правила, в незнание которых мне не ткнул только ленивый, и приступить к конспектированию учебников, которые Синильга Азаматовна строго велела вернуть в течение недели.

Правила я пробежал наискосок, внимательно прочитал только список запретов. Споткнулся об странное: «не хоронить жаб и лягушек» и «ни под каким видом не употреблять в пищу житовице», что бы это такое ни было... Разобрался, наконец, что такое эти жетоны. Что-то вроде системы оценок. Их выдавали преподаватели в случае успехов. А при косяках назначалась цена в жетонах, которую потом следовало отработать. Выдавали их в материальном виде, потом их следовало сдать в секретариат, чтобы их «зачислили» на счет. В случае минусового баланса дольше месяца студента отчисляли без права восстановления. Что ж, остроумно, хотя и непривычно немного.

Я отложил правила и взял в руки «Базовый практикум». Начинался который тоже с основательного и довольно грозного списка запретов. Строго предписывалось не выполнять упражнения нигде, кроме полигона и соответствующих стендов. Строго запрещалось использовать боевые конструкты на живых людях под угрозой немедленного отчисления. Запрещалось... еще довольно много всего, в общем. Но так или иначе это сводилось к обычным правилам техники безопасности.

Далее шел раздел, в котором объяснялось, что каждый магический конструкт — это точка равновесия между соответствующими эмоциями и самоконтролем. В этой самой точке

максимального напряжения нужно применить ключ, и если все выполнено верно, то магия сработает. При должной тренировке на концентрацию, фокус и ключ уходят какие-то секунды. С первого же раза получается далеко не у всех. И получается совсем не то, что ожидалось. То есть, как я понял, схема работает так: если хочешь швырнуть в кого-то клубком огня, то нужно контролируемо почувствовать, например, злость, разогнать ее до состояния «сейчас меня просто разорвет», щелкнуть пальцами, и все получится. Впрочем, уточнялось, что ключ не обязательно жест на пальцах. Это может быть, например, вполне связный текст или вообще какая-нибудь сплетенная из веревок, соломы и веточек штука.

Тем временем, за окном начало темнеть. Я включил лампу, устроился на кровати поудобнее и приступил к следующему разделу. В котором описывались базовые эффекты, но без ключей. Чтобы новички случайно чего не напортачили.

Не заметил, как отрубился. Вроде бы только что читал учебник, и вот я уже вижу себя, стоящего перед какой-то дверью. Стучу в нее. Мне открывает Феодора, одетая в коротенький белый халатик. Я толкаю ее внутрь и запираю дверь. Она пытается трепыхаться, но какое там! В меня как будто вселился дикий зверь! Я затыкаю ей рот, срываю с нее халатик, под которым, ожидаемо нет ничего, кроме ее роскошного тела. Похоть просто застилает глаза. Сердце стучит в каком-то бешеном ритме.

Я швыряю ее прямо на пол и наваливаюсь всем телом. Ты же любишь пожестче, детка?!

Ощущения странные. Я как будто и участник процесса, и зритель. Но любые попытки хоть как-то повлиять на свои собственные действия у меня не выходят. Прекратить смотреть я тоже не могу. Смотрю, как мои пальцы сжимают темные бусины ее сосков, как ее гибкое тело пытается выкользнуть из-под меня, но я не позволяю.

Да бля... В остатках ясного рассудка где-то на задворках моего головного мозга бьется мысль, что это же не я! Это никак не может произойти со мной... Да, я бы хотел трахнуть сучку Феодору. Очень хотел. Так сильно, что даже скулы сводило. Но не так. Не когда она всеми силами пытается вырваться!

Надо как-то это прекратить... надо прекратить... Надо...

— Эй, — раздался над ухом незнакомый голос и кто-то потряс меня за плечо. — Эй? Ты Лебовский?

Глава 14. Ария пьющего цербера

Никакого общего сбора мародеров не получилось, разумеется. То есть, Йован с Борисом сначала хотели рассказать всем, но к счастью, одному из первых они о находке сказали Сергею Синклеру, тому самому, который руководил ритуалом-вечеринкой, неформальному лидеру мародеров. И тот, ожидаемо, приказал им заткнуться, найти меня, где бы я ни был, и притащить в мызу. Чтобы я тоже не успел ничего никому разболтать. Честно говоря, я дотопал до мызы в слегка измененном состоянии сознания, слушал потом тоже не очень внимательно.

— Ты же понимаешь, — заглядывая мне в глаза вещал Синклер. — Что это дело по-настоящему серьезное, и о нем не стоит болтать направо и налево? Прости, но ты здесь человек новый, я пока совсем тебя не знаю и вынужден держать руку на пульсе. Ну так что? Ты как? Понимаешь это?

— Понимаю, — говорю. — А что насчет остальных мародеров?

— О, безусловно ваша находка касается всех, — Синклер замахал руками, как бы отменяя всякие намеки в своей непорядочности. — Но пока что мы точно не знаем, если там все еще этот клад, или его уже давно нашли, так ведь? И если мы сейчас соберем всех мародеров, наобщаем им драгоценный клад, а потом окажется, что там давно ничего нет, и мы только зря всех перебаламутили, то получится некрасиво совсем, так ведь?

— Так ведь, — передразнил я. — Да не ссы ты, Синклер, все я понимаю. И даже считаю, что твое решение не болтать раньше времени очень правильным. Быстрее справимся, меньше шума будет.

— Уф, — Синклер облегченно вздохнул. — Рад, что ты разумно рассуждаешь. Иначе пришлось бы...

Синклер сделал странный жест рукой, но разворачивать свою мысль не стал. Честно говоря, я в этот момент продолжал думать про свой сон с Феодорой, но это «пришлось бы» про себя отметил. Внимательнее надо быть к однокурсникам своим, вот что. Во всяком случае, неплохо бы выяснить не простирается ли граница этого «бы» до бесславного утопления в Ушайке или поездки в лес в трех разных пакетах. Неприятный взгляд у него был. Да и сам он неприятный. Какой-то скользкий и мутный. Фамилия странная для этих мест, но я решил пока не задавать вопросов о его происхождении, чтобы лишний раз не нервировать. Он и так выглядел чересчур на взводе. Судя по напряженному лицу того паренька, который меня в общагу будить приходил, у него тоже были некоторые опасения. Я понял, что до сих пор не знаю, как его зовут. В мызе на ночном сборище присутствовали, что вполне логично, я, Йован и Борис. Синклер, который, собственно, пресек дальнейшее распространение информации, и вот этот парень. Молодой совсем, светловолосый, глаза такие ясные и восторженные. Выглядит как переодетая девчонка. Молчаливый. Все время смотрит на Синклера, кивает на каждое его слово. Почитатель такой. Миньон. Фаворит. Ну, или что-то вроде секретаря.

Пока я пытался интерпретировать странное выражение лица и представить, кто тут кому кем приходится, Синклер, Йован и Борис начали обсуждать план действий. И часть стартового обсуждения я благополучно прослушал. Вернул меня к реальности Йован, ткнувший мне в бок локтем.

— Лебовский, ты уснул что ли? — спросил он. — Что насчет бухла? Ты пить-то умеешь

вообщем? Сможешь выдержать пьянку с закаленным в боях алкашом?

— Сложный вопрос, — сказал я. — Если надо спортивно перепить, то нет. Если можно прикидываться, то запросто...

— Ты вообще слушал, о чем мы говорили? — Синклер встал и навис надо мной.

— Сорян, отвлекся, — я развел руками.

— Повторяю тогда еще раз, специально для тебя, Лебовский, — Синклер зло прищурился. — Инфа по Катьке Крюгер, если она вообще существует, может быть только в одном месте — в так называемом «дальнем ящике» архива. А вход туда закрывает наш кучерявый цербер, Бабка-Ёжка. Нас он всех знает и на дух не переносит. А ты человек новый, можешь попытаться его обаять и убедить пустить тебя в его подвал порыться в бумагах.

— Бабака-Ёжка? — переспросил я.

— Ой, да ладно! Не прикидывайся, что ты не знаешь, кто это! — Синклер криво ухмыльнулся. — Его все знают! Неделю назад только его с дерева снимали, когда он кричал про имперских агентов влияния в руководстве университета и шансоны про Мангазею распевал.

— Неделю назад меня еще тут не было, — сказал я.

— А, точно! — Синклер хлопнул себя по лбу. — Все время забываю. Ларошев это. Владимир Гаевич. Бывший декан историко-филологического факультета. С момента, как факультет закрыли, он слегка слетел с катушек в смысле выпивки. И над архивом своим он как Кащей над золотом трясется, натурально. Короче, ты берешься его обработать? Чтобы он тебя официально туда впустил? Или нам придется...

Синклер опять многозначительно замолчал.

— Конечно берусь, что за вопрос, — быстро ответил я. — Прямо за завтраком и берусь, он же ходит в столовую завтракать?

— Да, ходит, — закивал Борис. — Как штык. Всегда удивлялся, как ему удается утром вообще отрывать голову от подушки после... всякого...

— Витек тебе его покажет, — Синклер кивнул на своего белокурого миньона. — Тебя к нему в комнату подселили, так что как раз вместе и пойдете. Только в столовой рядом сильно не светитесь, у Бабки-Ёжки на любые заговоры нюх.

«Нелогично, — подумал я. — Если у него чутье на заговоры, то наш детский сговор он с полпинка опознает». Впрочем, я решил не торопиться с выводами и подождать до утра.

Когда мы с Витьком вернулись в свою комнату, третий наш сосед уже давно спал, мирно посапывая. А я же на свою подушку посмотрел с сомнением. Совершенно не хотелось повторения сна про Феодору, как-то... не по себе от него было.

Но на этот раз организм смилостивился, и уснул я как бревно. Кажется, я только закрыл глаза, и вот уже Витек трясет меня за плечо и тихонько бормочет над ухом:

— Лебовский, просыпайся! Завтрак проспим же...

В общем-то можно было и не просить никого показать мне Владимира Гаевича Ларошева по прозвищу «Бабка-Ёжка». Без всяких дополнительных пояснений я понял, кто это.

Он сидел за столом возле окна, завернутый с ног до головы в клетчатое шерстяное одеяло, на голове оно смотрелось действительно как бабкин платок. Ссутулившийся, с помятым лицом, он раскачивался вперед-назад и грустно смотрел на свою уже пустую тарелку. Лицо его было очень породистым, оно явно совсем недавно было чуть ли не

эталонном красоте. Но сейчас уголки губ были опущены, лоб прорезан глубокими морщинами, кожа посерела, под глазами — темные тени. Если не приглядываться, то можно было подумать, что ему уже за шестьдесят. Вот только вряд ли ему сильно больше тридцати пяти. Декан? Хм, странно...

— Владимир Гаевич? — я остановился рядом с его столом, отогнул полу пиджака и продемонстрировал горлышко фирменной бутылки шустовского коньяка. Синклер, когда мне ночью ее вручил, заговорческим шепотом сообщил мне, что он настоящий, контрабанда из империи. Я глубокой значимости этого жеста не оценил, но вроде как настоящие поклонники коньяка, к каковым по словам Бориса и Синклера однозначно относился Бабка-Ёжка, были бы просто убиты наповал одним только видом этой бутылки и плещущейся внутри нее янтарной жидкости.

— Вы кто? — недружелюбный взгляд Ларошев сфокусировался на мне. — Что вам нужно?

— Я Лебовский, — ответил я. — Богдан Лебовский. Можно я сяду?

— Ты работаешь на Охранку? — взгляд Ларошева стал еще более подозрительным.

— Ни за что! — сказал я, отодвигая стул и присаживаясь напротив него. — Эти мясники устроили за мной настоящую охоту в Новониколаевске. Еле ушел. Столько людей невинных пострадало...

— Лебовский? — переспросил он.

— Да, Богдан Лебовский, — подтвердил я. — Я ехал в Томск, чтобы поступить на исторический факультет, представляете? А когда приехал, то узнал, что случилось... Теперь чтобы остаться здесь, я вынужден выбирать другую специальность. Потому что, видите ли, историю сочли бесполезной. Всем нужны инженеры и бюрократы. А историки не нужны.

Речь я сочинил прямо на ходу. Просто глядя на то, как подвижное лицо Ларошева быстро меняется с каждым моим словом. Его потускневшие глаза с застарелой тоской, залитой бесконечным количеством алкоголя, ожили и засветились болезненным энтузиазмом. Я снова показал ему бутылку, он понимающе кивнул, и мы синхронно поднялись со своих стульев. По правилам университета, пить в столовой алкоголь категорически запрещалось.

На выходе из столовой Ларошев приосанился, снял с головы одеяло. Его кучерявая шевелюра явно нуждалась в расческе, шампуне и услугах хорошего парикмахера. Но сообщать об этих своих выводах бывшему декану историко-филологического факультета я, конечно же, не стал.

Пока мы неспешно шли по парковой дорожке куда-то в сторону Томи, Ларошев рассуждал о важности истории, которую почему-то руководство университета не в состоянии осознать.

— И я бы мог еще понять, если бы ректор был одним из тех твердолобых болванов, которые все измеряют только в деньгах, — было заметно, что Ларошев привык активно жестикулировать, но сейчас ему приходилось придерживать на плечах одеяло, так что активное участие в этом процессе принимали только его шевелящиеся пальцы. — Нет же! Гезехус весьма умен и дальновиден! Что заставляет меня предполагать совсем другие причины этого решения! Вот скажите мне, Лебовский, вы тоже считаете, что история — это совершенно неприбыльная дисциплина?

— Ну почему же, — я пожал плечами. — Насколько я знаю, под землей хранится множество сокровищ, которые легко могли бы покрыть необходимые расходы...

— Что?! — Ларошев остановился и чуть ли не задохнулся от гнева. — Что я слышу?! Скифские ритуальные золотые предметы! Драгоценные гиперборейские артефакты! Таинственные золотые идолы телеутов! И вы предлагаете все эти бесценные сокровища превратить в презренные деньги?!

— Нет-нет, конечно же нет! — горячо запротестовал я, когда понял, что хожу по охреренно тонкому льду. — Я говорю о сокровищах гораздо более поздних, времен баниции, например. Монеты и ювелирные украшения этой эпохи в большинстве своем не имеют никакой исторической ценности. Зато имеют внушительную стоимость в купюрах. А отыскать их...

— Какая изумительная мысль, друг мой, — Ларошев остановился и поднял глаза к небу. — Предлагаю немедленно выпить за это!

Я извлек из кармана плоскую бутылку и со всем уважением протянул ее Ларошеву. Тот внимательно изучил этикетку, потом повернул бутылку и критически осмотрел ее со всех сторон.

— Это подделка, друг мой, — сказал он. — Но в вашем возрасте простительно не отличать настоящий шустовский коньяк от его местно копии, которую разливают в Мариинске.

— Ох... Простите великодушно, — я придал лице самое несчастное выражение, на которое был способен. — Человек, который мне продал эту бутылку, уверял, что она доставлена прямиком из Петербурга!

— Не принимайте близко к сердцу, друг мой! — Ларошев свернул золотую крышечку, потянул носом воздух близ горлышка бутылки, потом кивнул, сделал глоток и протянул ее мне. — Это действительно неплохая подделка. Отличить которую могут разве что знатоки. Более того, некоторые утверждают, что мариинская версия шустовского коньяка превосходит оригинал. Между прочим, мы пришли!

Оказывается, он меня вел к старой деревянной беседке в той части парка, которая примыкает к берегу Томи. Похоже, что когда-то она была частью какого-то ландшафтного дизайна, от которого сейчас осталась разве что задумка. Дикий плющ закрывал большую часть деревянной постройки и маскировал вход. А разросшийся до неприличия куст шиповника залезал своими цветущими ветками прямо внутрь.

— Добро пожаловать в приют моей меланхолии, друг мой, — сказал Ларошев, извлекая откуда-то из-под лавки пузатенькие коньячные бокалы. Он посмотрел их на просвет, удовлетворился чистотой. Потом на облупленных досках стола появилась хрустальная пепельница и длинный деревянный футляр. Старый, надписи уже стерлись. Сигара? Хм...

— Кубинская? — спросил я.

— Уже нет, увя, — Ларошев вздохнул, разливая по бокалам коньяк — От нее осталась только коробочка и ностальгия.

Захмелел он быстро. Гораздо быстрее, чем можно было подумать, буквально с первых нескольких глотков. И вроде вот только что я видел перед собой элегантного, воспитанного и интеллигентного человека с гордым, хоть и помятым лицом, а вот передо мной снова сидит пьющая бабулька с грязными спутанными кучеряшками и мутным взглядом.

Единственное, что утешало — он продолжал говорить, хоть и не всегда связно. Он то рассказывал о том, как просрали Мангазею. То без перехода начинал вещать о скрытых бескрайней тайгой мертвых городах, которые однажды обязательно откроют свои страшные тайны, к которым мы, милостью проклятых российских императоров, окажемся совершенно

не готовы. Потом он грозил кулаком иностранным интервентам, зарящимся на сокровища Сибири. Потом снова возвращался к имперской политике, которая последовательно и планомерно уничтожило историю Сибири, сведя ее к ручным поделкам пары десятков безграмотных дикарских племен, так и не придумавших письменность. Потом он вспоминал о недавнем унижении, когда Гезехус объявил о расформировании факультета, и ему пришлось выходить из актового зала под взглядами преподавателей и студентов.

— О, какими злобными глазами они смотрели мне вслед! Как радовались за моей спиной! Какие шепотки поползли... — на глаза Ларошева навернулись непрошенные слезы, он поспешил прикрыть лицо углом одеяла. — Столько трудов псу под хвост... Эти варвары просто свалили все материалы архива факультета в коробки. Представляете, Лебовский?! Бесценные дневники экспедиций, монографии, рисунки, личные дела студентов... Они сказали, что не уволят меня из жалости. Что я могу... Я могу...

— Владимир Гаевич, но ведь это шанс! — сказал я, хлопнув его по плечу. — Книги и рукописи не сожжены, а значит в них еще можно навести порядок! Гезехус закрыл исторический факультет? Ну и хрен с ним! Это совсем не повод прекращать заниматься историей! Нелегально? Тем лучше! Наука контрабандой может гораздо быстрее проникнуть в юные умы...

— Это... это... — Ларошев вскочил. Сбросил, наконец, с плеч дурацкое одеяло, под которым была весьма даже сносного вида полосатая рубаша и слегка мятые, но, похоже, очень неплохого качества брюки. Он коротко обнял меня, потом плеснул еще коньяка в бокалы. — Это отличная мысль, Лебовский!

Я поднял свой бокал, пригубил. Среди друзей моих родителей хватало ценителей коньяка. Но я так и не оценил, чем же хорош этот напиток. Впрочем, я и не стремился, будем честны.

— Может не будем тратить времени? — с осторожным воодушевлением спросил я. Вот сейчас я понимал, что опять вступаю на тонкий лед. К Ларошеву вполне могла вернуться его паранойя, он мог вспомнить, что ни черта обо мне не знает, что я с самого начала повел себя таким образом, чтобы втереться в доверие... Надежда была только на то, что все эти годы ему очень хотелось, чтобы появился кто-то, вроде меня. Юный, восторженный, заглядывающий ему в рот и внимающий с восторгом его речам.

— Вы правы, Лебовский! — Ларошев одним глотком закинул в себя содержимое бокала, сноровисто попрятал все следы нашего возлияния, буквально выхватив у меня из рук бокал, стоило мне допить свою порцию. И стремительно направился по дорожке, увлекая меня за собой. Обрато к корпусам университета.

Я заметил ее издалека. Она стремительно приближалась, ее черная монашеская хламида развевалась, облегая ее фантастическую фигуру. Она шла ко мне, в этом не было никаких сомнения. Глаза сверкали яростью и бешенством. И чем ближе она подходила, тем более явно переносный смысл этого выражения становился прямым — в глубине расширенных зрачков Феодоры вспыхнуло багровое пламя. Ее пальцы заплясали быстрый замысловатый танец.

Глава 15. Управление гневом

Это какое-то дежа вю... Темнота. Голоса в соседней комнате и тихий шепот на ухо.

— Тссс! Сделай вид, что ты еще не пришел в себя!

Чья-то горячая ладошка нашла мою руку и сжала. Я осторожно приоткрыл один глаз. Я опять был в лазарете. За стеклянной стеной в свете одинокой тусклой лампочки препирались два человека — кругленький Кащеев и изящный Ларошев.

— ...моей девочки, — вполголоса увещевал Ярослав Львович. — Так что прежде чем спускать собак, надо очень внимательно во всем разобраться.

— Ваша так называемая девочка чуть не погубила Лебовского посреди университетского парка, а вам этого недостаточно?! — слышно, что Ларошеву с трудом удается сдерживаться и не повышать голос.

— Владимир Гаевич, я прошу вас лишь не поднимать шум прямо сейчас, — сказал Ярослав Львович. — А сначала расспросить Феодору, в чем дело. Я не верю, что она напала без повода. Она умная девочка, и не просто не могла...

— Вы повторяетесь, Ярослав Львович, — скрипнул стул, видимо, Ларошев поднялся. — Я так и не услышал хоть какого-то вменяемого аргумента, почему я прямо сейчас не должен идти к Гезехусу с требованием, чтобы вашу умную девочку немедленно не отправили в тюрьму.

— Прежде всего, ваш обожаемый Лебовский жив, — Кащеев тоже встал. — Просто подождите, когда Феодору приведут сюда.

— И что тогда будет? — в голосе Ларошева появились язвительные нотки. — Что ей помешает наброситься на нас с вами?

— Здравый смысл, — ответил Ярослав Львович.

— В наличии которого у нее я лично сомневаюсь, — Ларошев усмехнулся.

— Вы сомневаетесь, что у меня хватит сил ее остановить в случае чего? — холодно заметил Кащеев.

Ларошев промолчал. Лизонька крепче сжала мою руку, поняв, что я собираюсь пошевелиться. Я замер. В коридоре раздались шаги. Дверь скрипнула. На несколько секунд воцарилось молчание. Я снова приоткрыл один глаз, чтобы подсмотреть, что там происходит.

В дверях стояла Феодора. Даже опухшие от слез глаза не портили ее миловидное личико. Но вот выражение... Оно было смесью решительности, упрямства, боли и чего-то еще. У меня особо не было времени обдумать произошедшее. Все, что я помнил после того, как в глазах Феодоры засветилось багровое пламя, это дикую всепоглощающую боль и темноту. А потом я снова очнулся здесь.

— Ярослав Львович, я должна вам что-то сказать, — Феодора бросила короткий взгляд на Ларошева. — Наедине.

— Нет-нет, Владимир Гаевич, не спешите высказываться, — Кащеев придержал Ларошева за плечо. — Дайте нам всего один час. Обещаю, если вам потом все еще будет хотеться непременно посвятить в это дело Гезехуса, я никоим образом не буду вам мешать.

— Только если с Лебовским все в порядке, — твердо сказал Ларошев.

— Вы можете в этом убедиться прямо сейчас, — Ярослав Львович усмехнулся. — Как я понимаю, последние несколько минут он в сознании и подслушивает наш разговор. Верно,

Лизонька?

— Да, Ярослав Львович, — ответила Лизонька и отпустила мою руку. А я открыл глаза и сел. Как-то скрываться больше не было смысла.

— Вот видите, Владимир Гаевич, — Кашеев положил руку на плечо Феодоры. — Побудьте здесь. Мы поговорим и вернемся. Я уверен, что мы сможем разобраться во всем как цивилизованные люди, верно, Феодора?

Но она ничего не ответила. И вообще не пошевелилась. Она смотрела на меня, а в ее глазах я снова увидел те самые отблески багрового пламени. Впрочем, не уверен, что мне не показалось. Уже через секунду ее глаза стали обычными, а лицо стало упрямым и непроницаемым.

— Мы скоро вернемся и сможем все обсудить, — сказал Ярослав Львович, подталкивая Феодору к двери. Мы остались в палате втроем. Ларошев подошел к кровати и сел на краешек.

— Я думал, что вы умерли, Лебовский, — сказал он. — Это было ужасно. Ужасно.

— Честно говоря, я не очень хорошо помню, что случилось, — сказал я. — Я увидел Феодору, потом она подошла ближе, а потом я оказался здесь.

— Ох... — Ларошев запустил пятерню в свои кудрявые волосы. — Она толкнула вас в грудь, и вы упали. Ваше тело окутало темное пламя. Вас страшно трясло, как будто в припадке. Из рта, ушей и носом шла кровь. А она скрылась точно так же быстро, как и появилась. Если бы не эта девушка... — Ларошев посмотрел на притихшую Лизоньку. — Я хотел сразу идти к ректору. Правилами строжайше запрещены такие выходки. Но Ярослав Львович... Лебовский, с вами точно все в порядке?

— Сейчас да, — я помахал руками и покрутил головой в доказательство. — Но вообще... не уверен.

— Что вы имеете в виду? — брови Ларошева сошлись на переносице.

— Подождите... — я потер виски. — Я пока не уверен...

Вчера я проснулся в особняке Егорова. Я отчетливо помнил свой бег по темным улицам Томска, взволнованное лицо Натахи за стеклом... И как Гиена меня разбудил. А потом мы встретили Леннона и Кортеса, убежденных, что ночь я провел в другом месте. В том, которое снилось мне во сне. Тогда я счел это идиотским розыгрышем и не стал разбираться. Потом я уснул над книжкой, а разбудил меня Витек. А потом разъяренная Феодора чуть не убила меня прямо среди парка. И на розыгрыш это было уже совсем не похоже. Я был уверен, что мне приснился кошмар. А она? Я почувствовал, как кровь бросилась мне в голову. За что она меня атаковала? За то, что я не подрался с Йованом, как она хотела? Или? Или?... Я крепко зажмурился и сжал виски. Перед моим мысленным взором всплыло мутное зеркало с темными пятнами. И мое отражение в нем. Зло ухмылявшееся, кривляющееся. Я видел его и прошлой ночью, в холле университета, и вчера, в мызе. Могло ли это быть как-то связанным с тем, что произошло? В тот раз в Владой, в этот раз — с Феодорой?

Я открыл глаза. Ларошев и Лизонька смотрели на меня одинаково встревоженными взглядами. Но молчали, не прерывая моих раздумий.

Скрипнула дверь. На пороге стоял Кашеев, Феодоры рядом с ним было не видно.

— Лебовский, я задам тебе только один вопрос... — начал Ярослав Львович. Лицо его было недоброе, голос звучал угрожающе.

— Нет... Подождите... — я убрал руки от головы. — Я, кажется, начал понимать, что произошло...

— Тогда потрудитесь объясниться, потому что я склоняюсь к мысли, что господин Ларошев прав, и нам немедленно нужно отправиться к ректору, — мрачно проговорил Кащеев.

— Где Феодора? — спросил я.

— Не твое дело, Лебовский, — сказал Кащеев. — Я все еще жду твоих объяснений.

— Хорошо... Я попробую... — я шумно выдохнул и снова потер пальцами виски. — Не знаю, как это прозвучит, но...

Я рассказал ему про отражение, про дикую оргию в мызе мародеров. Про сон с участием Феодоры. Про разбудившего меня Витька.

— Я понимаю, что это сейчас звучит как-то неправдоподобно, — закончил я. — Но, боюсь, мне больше нечего пока рассказать...

— Сейчас я позову сюда Феодору, и ты повторишь свой рассказ слово в слово, Лебовский, — сказал Кащеев. Выражение его лица я не смог интерпретировать. Но, кажется, сдерживаемый гнев, с которым он вошел в палату, его покинул. Он вышел за дверь, и меньше, чем через минуту втолкнул в комнату Феодору. Ее лицо снова было опухшим от слез.

— Ну? — сказал он и посмотрел на меня. Я послушно повторил свой рассказ. Тот посмотрел на Феодору. — Что думаешь, милая?

— Доппельгангер? — сказала она. — Но я думала, что это бабкины сказки...

— Доппельгангер? — переспросил я. — Что это? Злой двойник? Типа мистера Хайда?

— Увы, не сказки, — сказал Ярослав Львович и придвинул к моей кровати стул. — Только с основания университета описано по меньшей мере три таких случая. И еще насчет двух были подозрения.

— Светлана Корнеева, в тридцать втором, Мирослав Бедный, в семьдесят четвертом и Валерий Крафт в девяностом, — перечислил Ларошев. — Темный двойник Светланы успел погубить сорок два человека. Остальных остановили быстрее.

— Но я... никого не убивал... кажется... — сказал я.

— Это пока, — хмыкнул Ярослав Львович. — С каждым появлением твоему двойнику будет требоваться все большая мерзость.

Все замолчали и уставились в разные точки, избегая смотреть на меня. Ларошев сверлил глазами пол. Кащеев смотрел в стену. Феодора разглядывала свои руки. Лизонька снова взяла меня за руку. Мне совсем не понравилось повисшее в комнате настроение.

— Что такое? — спросил я.

— Видишь ли, Лебовский... — начал Ярослав Львович.

— Все прежние случаи заканчивались смертью оригинала, — быстро сказал Ларошев. — Теоретический способ остановить доппельгангера есть, но на практике никому так и не удалось его воспроизвести.

Никто не успел мне ответить, потому что в коридоре раздался торопливый стук каблучков. Дверь в палату распахнулась. На пороге стояла Соловейка, глаза ее почти в буквальном смысле метали молнии.

— Я так и знала! — ее кукольный голос подрагивал от гнева. — Лебовский, что именно в моих распоряжениях показалось тебе недостойной внимания шуткой?!

— Сольвейг Павловна, я же почти все сделал... — пробормотал я.

— Садыкей Леонидовна сказала, что ты не только к ней не подходил, но она даже и не слышала о тебе ничего! — Соловейка подошла к моей кровати, бесцеремонно оттерев в

сторону Феодору. — Немедленно поднимайся! Я же сказала, что это срочно!

— Сольвейг Павловна, но с ним произошел несчастный случай, — сказал Кащеев.

— Я знать не хочу, что вы тут затеваете, — отчеканила Соловейка. — Зато знаю, что если он не пройдет курс, то скоро ему понадобится новый пробой. А потом вы опять будете тыкать мне в лицо, что я не умею обращаться со студентами. Раз ты в сознании, Лебовский, значит тебе здесь нечего делать! Поднимайся и за мной!

Я бросил взгляд на Кащеева, тот незаметно кивнул. Я выбрался из-под одеяла. Абсолютно голый, разумеется. Почти все деликатно отвели взгляды в сторону. Кроме Лизоньки, которая продолжала пожирать меня взглядом из-под прозрачных стекол очков.

— Ступай, Лебовский, — сказал Ларошев. — Мы подумаем, что можно сделать. И будь повежливее с Садыкей Леонидовной.

— Вашего совета не спрашивали, Ларошев, — резко сказала Соловейка.

— И все же будьте повежливее, Сольвейг Павловна, — Ларошев укоризненно покачал головой. — Никто не может знать, как все обернется...

— Лебовский, ты готов? — Соловейка осмотрела меня с ног до головы, не обратив на слова Ларошева никакого внимания. — Тогда следуй за мной!

Путь до кабинета по контролю над эмоциями пошел в полном молчании. Раздражение и злость Соловейки как будто висели в воздухе. А я, честно говоря, думал совершенно о другом. Будущее занятие, чем бы оно ни было, меня практически не волновало. Мне хотелось поговорить наедине с Феодорой и попросить у нее прощения. Ведь если для нее мой сон был реальным, то это... это...

— Мы пришли, — бросила Соловейка, остановившись рядом с одной из многочисленных непрономерованных дверей. — Вперед. И надеюсь, больше мне не придется выполнять за тебя твои обязанности, Лебовский!

Она резко развернулась на каблуках и поцокала прочь. А я осторожно постучал в дверь. Молчание.

— Садыкей Леонидовна? — я приоткрыл дверь. Внутри было темно и тихо. Я открыл дверь пошире, но свет из коридора почему-то отказывался проходить внутрь. Будто на дверной проем была наброшена пелена густой тени. Какие-то очередные странности? Или так и положено? Я посмотрел вслед стремительно покинувшей меня Соловейки, пожал плечами и вошел.

Ощущение комнаты вокруг исчезло сразу же, как только я переступил порог. Я словно оказался где-то в диком лесу или джунглях. Темной ночью, наполненной шепотками, шорохами и скрытым от глаз движением. Я попытался коснуться стены, но пальцы мои натыкались только на пустоту.

— Садыкей Леонидовна? — снова позвал я и сделал еще шаг вперед. Инстинктивно склонился в сторону от чего-то большого, верещащего и с кожистыми крыльями, метившего мне в голову. Под ногами противно захрустело. Будто каждым шагом я давил десяток крупных тараканов. Я присел и опустил руку на пол. Немедленно отдернул ее, почувствовав множество шевелящихся усиков. Шагнул вперед. Замахал руками, пытаюсь восстановить равновесие. Опоры под ногой не оказалось, впереди была пустота.

Замер, стоя на одной ноге. Снова прислушался.

— Эй? — сказал я, пытаюсь понять, где все-таки здесь стены. Впереди раздались тяжелые шаги и звук ломающихся веток. Что-то надвигалось прямо на меня.

Страшно мне не было. Почему-то я почти сразу решил, что это какая-то игра,

испытание. Что никто меня всерьез в этой комнате убивать не будет. Несмотря даже на то, что место это комнатой совершенно не ощущалось. Ну, иллюзия какая-то, мало ли что...

Что-то большое приближалось. Я уже слышал его тяжелое дыхание и ощущал густой звериный запах. Оно бросилось молниеносно, я попытался увернуться, но в темноте неправильно оценил размеры твари. Меня словно накрыло тяжелой меховой подушкой, подмяло под себя и повалило на пол.

Через мгновение включился свет. Я лежал на полу, прикрыв голову руками, а вокруг был крохотный кабинет, в который едва-едва смогли втиснуться письменный стол и два стула. На одном сидела темноволосая женщина в красном платье, а второй был пустой и одной ножкой упирался мне в бок.

— Садыкей Леонидовна? — я быстро поднялся с пола и отряхнул брюки. — Я Богдан Лебовский, меня к вам отправила...

— Не трудитесь, молодой человек, я отлично знаю, кто вы такой, — сказала женщина. — И даже еще больше. Гораздо больше.

— Тогда я готов к занятиям, — я сел на стул. — Что мне нужно делать?

— Вы уже все сделали, — хозяйка кабинета улыбнулась. — Вам можно в любой момент приступить к упражнениям.

— И все? Вот так просто? — удивился я.

— У меня только один вопрос, — лицо Садыкей Леонидовны стало озадаченным. — Что вот это такое?

Она взяла ручку и изобразила на листке что-то вроде цветочка с незамкнутыми лепестками. Точка в центре, а из нее несколько крючков в разные стороны. Когда я увидел этот рисунок, меня словно током стукнуло. Старик в палате. Жгучая метка на руке. А уже потом — зеркало в холле, странное поведение тени, а потом — все остальное-прочее. Что бы это ни было, но именно с него все и началось.

— Простите, Садукей Леонидовна, мне надо бежать! — сказал я и вскочил.

— Садыкей Леонидовна! — поправила она, и лицо ее стало недоброе, а в глазах засветились бледно-зеленый отблески.

— Ох... — твою мать, Лебовский! Ты произнес ее имя кучу раз, и все равно исковеркал? Да блиииин! — Простите еще раз. Я должен где-то расписаться?

Она промолчала, глядя на меня тяжелым взглядом. Совершенно неожиданно стало страшно. И неуютно. Показалось, что сейчас она щелкнет пальцами, и пол под моим стулом провалится, отправив меня на веки вечные блуждать во мраке, наступая на тараканов и уворачиваясь от летучих мышей. Я вскочил. Еще раз пробормотал извинения, вырвал за чем-то листок с рисунком у нее из рук и помчался обратно к лазарету.

Кашеев и Ларошев стояли рядом с постом дежурного, явно собираясь выходить. Ни Феодоры, ни Лизоньки с ними не было.

— Ярослав Львович! — я остановился, слегка запыхавшись от волнения. — Ярослав Львович, что это за знак?

Я сунул ему в руки листок с нарисованным «цветочком». Тот посмотрел на него, потом поднял взгляд на меня. С недоумением.

— Что это? — спросил он.

— Я думал, вы знаете... — пробормотал я. — Это появилось у меня на руке, когда тот старик вдруг испугался и начал бессвязно бормотать...

— Какой еще старик? — нахмурился Кашеев.

— Вон из той палаты, — я ткнул пальцем в единственную запертую дверь во всем лазарете.

— Федор Кузьмич? — отрывисто сказал Кашеев. — Он с тобой говорил?!

— Он попросил воды, но никого не было, так что я открыл дверь и... — скороговоркой проговорил я.

— Федор Кузьмич? — глаза Ларошева превратились в узкие щелочки. — Значит это все-таки вы его прячете! Но когда я спрашивал, вы сказали...

— Оставьте, Ларошев! — Ярослав Львович повысил голос, обошел стойку дежурного, выдвинул знакомый мне ящик стола и взял связку ключей. За столом, как и в прошлый раз никого не было.

Глава 16. Дикая Пустынь

— Значит это вы, Кашеев! — шипел Ларошев, пока Ярослав Львович возился с замком. — С самого начала это были вы! А я-то поверил тогда вашему невинному взгляду и той убежденности, с которой вы вещали о происках интервентов! Как я мог быть таким дураком!

— Сейчас не время, Ларошев! — буркнул Кашеев, напряженно посмотрев в мою сторону.

— Да что вы говорите! — Ларошев упер руки в бока и опять стало понятно, насколько прозвище «Бабка-Ёжка» ему подходит. — Да вы же как кость в горле застряли у университета со своей секретностью! Место, которое должно было стать центром просвещения и цитаделью знаний из-за вас превратилось в клубок бессмысленных интриг и бесполезных склок. А все потому, что вы из каждого чиха делаете тайну! Федор Кузьмич! О мой бог! Если бы я только знал! Если бы я знал раньше, что вы с самого начала прятали его у меня под носом, то моя девочка была бы жива!

— Хочу напомнить, что ваша девочка была упырицей, — Ярослав Львович наконец справился с замком и распахнул дверь.

— Она не стала бы упырицей, если бы не вы! — Ларошев оттолкнул Кашеева от двери и вошел в палату.

— О, Господи, Ларошев! — простонал Ярослав Львович, входя следом. — Да не говорите вы ерунды! Вы ни черта не знаете о той истории! Нельзя стать упырицей, понимаете, нельзя! Упырицами только рождаются!

— Да-да, расскажите мне это еще раз! — Ларошев всплеснул руками. — Вы так горячо убеждали меня, что Федор Кузьмич умер от каких-то там замысловатых болезней, и ваши хваленые целители ничего не смогли с этим поделать. И что я вижу сейчас? Вот он, лежит здесь, пристегнутый к кровати! Живой и здоровый, судя по цвету лица!

Я остановился на пороге. Внутри палаты ничего не поменялось. Старик лежал на кровати, руки и ноги его были надежно скованы. Глаза закрыты. Он или спал или пребывал в глубоком забытии.

— Еще раз повторяю, вы ничего не знаете, Ларошев! — процедил Кашеев и снова бросил на меня неодобрительный взгляд. Видимо, мне совершенно не полагалось слышать эту беседу. Но уходить я не собирался. Меня мало волновали личные разборки Ларошева и Кашеева, страшные тайны прошлого, история какой-то трагически погибшей упырицы и все остальное. А вот мой бродящий по университету двойник как раз очень волновал. И история этого двойника началась как раз в этой палате. Так что уходить я не собирался.

— Так просветите меня, светоч вы наш! — сварливо проговорил Ларошев. — Давайте, расскажите, откуда у вас Федор Кузьмич, и почему в той памятной беседе у Гезехуса вы представили все так, будто я во всю голову юродивый, и вся моя история — бред патлатой собаки?!

— Да тише вы! — сказал Кашеев. — Вы же его разбудите!

— Вот и отлично! — заявил Ларошев еще громче. — У меня к нему масса вопросов! Ваше Императорское Величество, ау! Просыпайтесь! Вы в двух шагах от свободы, если этот упырь сейчас не свернет мне шею!

— Что вы себе позволяете, Ларошев?! — вспыхнул Кашеев.

— Ага, видимо я должен ноги вам целовать за то, что вы обрекли меня на жалкое существование запутавшегося в собственной паранойе алкоголика! — Ларошев тряхнул старика за плечо. — Федор Кузьмич!

— Перестаньте! — Ярослав Львович оттащил Ларошева от кровати. — Ваша богатая фантазия не делает вам чести, поверьте! Это совсем не тот Федор Кузьмич, о котором вы подумали. Это просто выживший из ума старик. Которому магия, заключенная внутри него, проела разум.

— И Дикая Пустынь по-вашему, выходит, выдумка? — губы Ларошева скривились не то в улыбке, не то потому что он собирался заплакать.

— Нет, — секунду помедлив, ответил Кащеев. — Не выдумка.

— То есть, даже если по вашим словам это какой-то другой старик, у моей девочки все-таки был шанс! — Ларошев почти кричал.

— Да не было у нее шанса! — теперь закричал и Кащеев. — Не бы-ло! Ни одного! Ни единого! В Дикой Пустыни он собирал одаренных детей. И оказывал им медвежьё услугу, помогая как будто бы усмирить магические способности! Но вы не видели этих детей, Ларошев! А я видел. Это настоящие чудовища под масками ангелочков. Прикрываясь добрыми намерениями он породил монстров. И часть из них все еще бродит где-то... Ай, да что я вам объясняю... Лебовский, ты уверен, что он с тобой разговаривал? Это точно был не сон? Он молчит уже больше года. Даже когда просыпается, отказывается говорить.

— О чем можно разговаривать с тюремщиками? — издевательски спросил Ларошев. — Зачем вы держите его на привязи?

— Потому что без нее он опасен, — уже совершенно спокойным тоном ответил Кащеев. — Для себя и для других.

Кащеев посмотрел на меня раздраженно. Потом на Ларошева, который выглядел как закусившая удила бабулька, собравшаяся непременно отвоевать свое место в очереди в поликлинике. Потом снова на меня.

— Хотите правда? — спросил он. Да пожалуйста! Он был священником в Троицкой лавре. Чудотворцем, изволите ли видеть. Исцелял наложением рук, успокаивал бесноватых и насаждал покой и добро своими проповедями. Господь ему, видите ли, такое право даровал. Когда чудеса стали какими-то слишком уж частыми, его проверили на заубер-детекторе. Который показал, что он латентный целитель, очень могущественный. Только вот учить стариков магии — бесполезное дело. Его обязали сложить с себя духовный сан, потому что он по договору не имеет право быть служителем церкви. И он бежал. Основал где-то в лесах убежище. И принялся ходить с проповедями по дремучим селам. Отыскивал там детишек подходящих и тащил к себе. Понятия не имею, что он там с ними делал... Родители этих детей были только рады от них избавиться, потому что нераскрытые маги бывают совершенно невыносимыми. А он их, дескать, учил смирению и дисциплине. И научил, да... — Ярослав Львович зло сплюнул.

— Почему же вы все это не рассказали тогда, Кащеев? — глаза Ларошева снова сузились. — Если бы вы сразу сказали правду, то может и мой факультет бы продолжил существовать, и Арина...

— Арина ваша была еще в утробе проклята, — сказал Кащеев. — Видимо, мать ее путалась с кладбищенской ворожкой, или хранила где-то дома руку мертвеца, я не знаю. Но до тринадцати лет упырицы ничем не отличимы от обычных детей. А когда начинают входить в возраст...

— Ярослав Львович, — сказал я. — Может быть, займемся моей историей? — Я повернул голову к Ларошеву. — Владимир Гаевич, я понимаю, что может быть это какая-то очень важная для вас история, мне очень неудобно прерывать вашу беседу. Но вы же сами говорили, что доппельгангер — это очень опасная хренотня. Может быть мы все-таки попытаемся от него избавиться как-то? И желательно без вбивания мне в сердце осинового кола...

— Логичное желание, Лебовский, — сказал Ярослав Львович. — Теперь осталось придумать, как его осуществить.

— То есть, насчет осинового кола я угадал? — спросил я.

— Нет, — Ярослав Львович покачал головой. — То есть, почти нет. Доппельгангер не существует без оригинала. Если оригинал убить, то он немедленно исчезнет. Но попытки убить доппельгангера ни разу ни к чему не привели. Их пленили, стреляли, жгли дотла, топили... Бесполезно. Эта тварь возрождается снова, будто ничего не произошло. Существует гипотеза, что доппельгангера может убить только оригинал. Вот только двойник обычно много сильнее и хитрее.

— А что это вообще такое? — спросил я. — Какое-то проклятье?

— Это... явление, — с заминкой ответил Кащеев, бросив многозначительный взгляд на Ларошева. — Мы не знаем, существует ли оно по чьей-то злой воле или само по себе. Ни разу толком не удалось его полноценно расследовать. В последнем случае мы продвинулись больше всего — нам даже удалось найти способ устроить встречу оригинала и двойника. Но потом все равно все пошло наперекосяк.

— А где можно почитать про эти все случаи? — спросил я. — Как говорится, жажду подробностей! Может быть, я смогу свежим взглядом высмотреть что-то, что вы пропустили? Ну и еще... Вот эта метка. При чем здесь она?

— Это знак Дикой Пустыни, — сказал Ларошев. — По слухам, этот узор начертан у них на воротах.

— А вы знаете, где она? — спросил я.

— Увы, — Ярослав Львович развел руками. — Видимо, Федор Кузьмич как-то приручил леших того района, а они морочат любых разведчиков. И описание дороги, которое нам удалось выпытать у послушников, никак не помогло.

— Наверняка Кира знает дорогу, — сказал я.

— Кира? — быстро переспросил Ларошев. — Что еще за Кира?

— Ну... Эта женщина проверяла всех прибывающих в Новониколаевск на заубер-детекторе, — сказал я. — А потом Бюрократ мне по секрету рассказал, что на самом деле она не кира, а Катерина Бенкендорф из московской Охранки.

— А я вам говорил! — снова набросился на Кащеева Ларошев. — Я говорил, что Охранка давно запустила свои цепкие лапы в Сибирь! А вы от меня отмахивались! А теперь выясняется, что они подмяли под себя Дикую Пустынь!

— Может этот Федор Кузьмич в своей Дикой Пустыни делал доппельгангеров? — спросил я. — Вы же сами сказали, что они чудовища...

Я вспомнил глаза парня, одного из тех трех, которым Кира излагала картину их будущего обучения в Дикой Пустыни.

— Тогда надо непременно его разбудить! — воскликнул Ларошев. — Ну что вы стоите, Кащеев! Приведите старика в чувство, пусть он нам расскажет, что он сделал с Лебовским!

— Мы сюда для этого и пришли, — сказал Кащеев. — Это вы зачем-то устроили здесь

ненужную ссору...

Кашеев сложил пальцы в щепоть, коснулся лба старика, потом подбородка. Потом снова лба. Раскрыл ладонь и с силой толкнул его голову. Старик дернулся и открыл глаза. Обвел нас всех троих мутным взглядом.

— Пить... — сказал он хрипло. — Дайте мне воды...

— Перебьешься, — буркнул Кашеев. Оттянул правое веко, заглянул в глаз старика. Потом левое. — Что ты сделал с Лебовским?

— Не понимаю, о чем ты спрашиваешь... — захныкал старик. — Принесите мне пить ироды. Пошто мучаете меня?

— Что-то незаметно, что ты удивился его умению говорить, Кашеев, — язвительно проговорил Ларошев.

— Он только последний год молчал, — сказал Ярослав Львович. — А до этого молотил языком так, что хрен заткнешь. Так что, Федор Кузьмич, расскажешь, что за порчу ты навел на парня?

— Не знаю никаких парней, не было никого. Никого не было, кроме девки твоей жуткой, что в монашеское платье рядится. Тьфу-тьфу, блудница вавилонская, срамота сплошная, мать божья помощи, убереги от греха...

— Опять он нам зубы заговаривает, — вздохнул Кашеев. — Ну давай, Лебовский, попробуй поговорить, вдруг у тебя получится...

— Федор Кузьмич? — Я подошел ближе. — Помните меня? Я вам воды приносил как-то ночью...

— Пить, говоришь, приносил... — взгляд старика сфокусировался на мне. — Ишь ты, говна какая...

Старик дернулся, как будто пытался броситься на меня. Движение было настолько резким и неожиданным, что я отпрянул. Угрожающе лязгнули цепи.

— Я встану на земле под небом, — начал декламировать дед. — В том самом месте, где две дороги сходятся, три расходятся. Ударю челом да кровью окроплю!

В комнате стало как будто холоднее. Пальцы Кашеева заплясали в каком-то диком замысловатом танце. Ларошев вжался в стену.

— Вето осинное, трава мертвая да ягода волчья, — голос старика окреп, он поднялся еще выше, уперевшись в кровать тощими локтями. — Мор голубиный да овечий. Страсти небесные и земные. В око твое загляну да снова челом ударю...

— Заткните ему рот! — нечеловеческим каким-то голосом заверещал Ларошев. Я бросился к старику и накрыл его губы ладошкой.

— Раз додог, а два додога, а тдетья — заветдая, — промычал сквозь мою ладонь старик и вцепился мне в ладонь зубами.

— Нет! — крикнул Кашеев, обеими ладонями касаясь груди старика. Тот заорал. Я отдернул ладонь. Из укуса сочилась кровь. Но, похоже, кроме моей крови на ладони была еще и кровь старика. Прежде чем укусить меня, он прокусил себе губу или язык.

Раздался вой, свет в коридоре замерцал и погас. По стенам пробежали яркие пламенные всполохи. Кашеева отшвырнуло в стену. А с кровати начала подниматься призрачная фигура в белых одеждах. Это существо было один в один похоже на Федора Кузьмича, только вот глаз был один. И он сиял пронзительно-синим, таким особенным болезненным светом, который ввинчивается в глаза и как будто выжигает на сетчатке раны.

Призрак раскинул руки в стороны, и комната наполнилась гулким смехом. Таким

низким, что от него болела голова. Взгляд его единственного глаза сначала беспорядочно шарил по комнате, а потом уперся в меня. Меня прошиб холодный пот. Сделалось жутко так, как, наверное, никогда не было. Я отступил назад, к двери. Существо протянуло ко мне призрачные руки, как будто собираясь ухватить за шею. Я пригнулся, бросил быстрый взгляд в сторону Ларошева. Тот стоял на прежнем месте, вжавшись в стену. Лицо его было белым, как полотно. У другой стены заворочался Кащеев. Что это еще за хренотня вообще?!

— Беги, Лебовский! — крикнул Ларошев. Существо дернулось в сторону голоса. Немигающее око уставилось на Ларошева. Тот тоненько завыл и начал медленно сползать по стене. Я схватил табурет и швырнул в призрака. Не рассуждая, как-то само получилось. Она ожидаемо пролетела насквозь и ударилась в стену рядом с кроватью. Но цели своей я достиг — призрак отвлекся от Ларошева и снова повернулся ко мне. И нахрена я это сделал? Можно подумать, я понимаю, что дальше вообще...

— Отвали от нас, тварь, кто бы ты ни был, — сказал я. Просто молчать было уже невыносимо. Ужас шевелился внутри, как будто собирался разорвать мне живот и высунуться наружу. Как Чужой.

Призрак снова махнул руками в мою сторону, я снова увернулся, но задеть меня он успел. В том месте, где призрачные пальцы коснулись кожи, я ощутил дикий холод. Как будто жидким азотом прижгли.

Призрак снова захохотал.

— Да что это вообще такое-то? — спросил я, ни к кому конкретно не обращаясь. Никто мне и не ответил. «Отлично поговорили со стариканом, прямо десять баллов!» — подумал я.

— Пригнись, — то ли проговорил, то ли простонал лежащий рядом со стеной Кащеев.

— Что? — спросил я.

— Носом в пол упади, болван! — закричал он и попытался подняться. Но нога подвернулась, и он снова рухнул. Призрачный дед метнулся к нему. Из его единственного глаза протянулся тонкий голубой луч к голове Кащеева. Тот заорал. Диким кошмарным воплем. Таким, от которого сводило болью мозг.

— Эй ты, Лихо Одноглазое, — сказал я, чувствуя, что сдерживаемый ужас вот-вот прорвется наружу, и я со всех ног помчусь по коридору с зажмуренными глазами и заткнутыми ушами. Я понятия не имел, что делать, но как-то нужно было его отвлечь от Кащеева. Так орать можно только от нечеловеческой боли или страха. Или от всего вместе. Не знаю, что он там делал, мозг высасывал через череп или еще что...

Глаз снова уставился на меня. В голове какими-то обрывками фраз всплывала прочитанная методичка. Про пиковые эмоции и это вот все. Ну вот, эмоция самая что ни на есть пиковая. В прошлый раз в похожем состоянии я разнес в мелкую крошку стекло и вырубил нескольких громил, может быть, у меня снова может что-то получиться?

Я снова увернулся от призрачных стариковских пальцев, перекатился по полу к Кащееву. Быстро глянул на него. Тот вроде бы был жив, и видимых повреждений на его голове не было. И то хорошо...

Но больше ничего хорошего вокруг не было. Отступать больше было некуда. Призрачная тварь, раззявив рот в низком хохоте, приближалась. Длинные белые одежды колыхались в нескольких сантиметрах от пола. Руки раскинуты в стороны, пальцы хищно согнуты. А на груди проступает тот самый символ. Точка и из нее крючья. Незамкнутый цветок.

Глава 17. Должен остаться только один

Скрюченные пальцы призрака протянулись ко мне. Снова раздался дикий хохот, прямо мне в лицо. Свечение синего глаза стало ослепительным. Его лицо было прямо перед моим лицом. Сквозь призрачную личину старика иногда проступало лицо. Другое лицо, молодое. В чем-то очень похожее на то, которое я вижу в зеркале. Но все-таки не оно.

Я вжался в угол и, чтобы хоть как-то прикрыться от болезненного синего света мертвого глаза поднял руку. Ту самую, за которую меня укусил старик.

Хохот внезапно замолк. Пасть призрака закрылась, он несколько раз дернул головой, будто принюхиваясь к чему-то очень неприятному.

Злобно фыркнул.

И как будто осыпался на пол. То есть, мне сначала показалось, что осыпался. Когда я решил посмотреть вниз, то увидел, что призрак теперь ползает по полу, переставляя тощие руки и ноги как паук. И принюхивается. На полу вокруг него вспыхивали и начинали светиться гнилушечным светом самые разные следы. Судя по реакции, ни один ему не понравился.

Рядом с дверью призрак снова поднялся во весь рост, зло зыркнул на меня и заверещал. От его визга у меня заложило уши. Он снова упал на пол и быстрой тенью, в которой уже нельзя было опознать человеческую фигуру, метнулся за дверь.

Всполохи со стен исчезли. Электрический свет снова несколько раз мигнул, на несколько секунд погас. А потом опять лампы засветились ровно. Как и раньше.

Старик лежал неподвижно, черты его лица еще больше заострились, из уголка рта стекала струйка крови. Кащеев пошевелился и простонал что-то неразборчивое. Я бросился к нему и опустился рядом с ним на колени.

— Вот болван... — пробормотал он.

— Ярослав Львович? — я заглянул ему в лицо. Он был бледным, но вовсе не выглядел смертельно раненым.

— Это я не вам, Лебовский, — голос Кащеева окреп. Он повозился и попытался встать. Я подставил ему плечо. — Слишком долго от Федора Кузьмича не было никаких проблем, вот и расслабился.

— То есть, вы знаете, что это сейчас такое было? — спросил я.

— Подозреваю, — Кащеев направился к кровати. Заглянул в широко распахнутые глаза старика.

— Мертв? — спросил я.

— Как полено, — отозвался Кащеев.

— Что это была за тварь? — простонал Ларошев, тоже поднимаясь на ноги.

— Это была какая-то чертовщина, прости-господи... — Кащеев вытер ладонью лоб. Обнаружил, что тот абсолютно сухой и, как будто, удивился.

— То есть, подозрениями вы не поделитесь, — Ларошев шумно задышал и потер пальцами виски. — И по городу теперь будет шнырять опасный призрак, а вы опять сделаете вид, будто нам все показалось!

— Да нет же, Ларошев! — плечи Кащеева устало сгорбились. — Я практик, понимаете? Врач, специалист по исцелению и врачеванию. Лышу себя надеждой, что немного разбираюсь в человеческой природе. А вот в этой всей чертовщине — не разбираюсь,

понимаете вы это? Ай, да что я опять перед вами распинаяюсь... — он устало махнул рукой. — Лебовский, у вас есть идеи, почему эта тварь вас не тронула?

— Не имею ни малейшего понятия... — я покачал головой.

— Значит, придется идти на поклон к Забаве Ильиничне, — он вздохнул. — Ну что, Ларошев, вы составите нам компанию или снова решите, что я от вас что-то намеренно скрываю?

— Ну уж нет, Кашеев, теперь вы от меня так просто не отделаетесь! — Ларошев гордо выпрямил спину.

— Ну вот и славно, — Ярослав Львович снова вздохнул и направился к двери.

Сначала я решил, что Забава Ильинична — это кто-то из преподавательского состава университета. Но к моему удивлению, Кашеев свернул на одну из боковых лестниц, потом решительно вышел на улицу и направился к левой части университетского парка. За плотной стеной деревьев обнаружился высокий деревянный забор с простыми воротами, в которые явно заезжали машины. Кашеев махнул рукой, и с той стороны ворот раздался торопливый топот, забренчала цепь и створки ворот разошлись в стороны. Мужичок, открывший ворота, стоял сбоку и жевал кусок колбасы.

— Мне нужна машина, Гриша, — сказал Кашеев. — В Уржатку.

— Козлик на ходу, — ответил мужичок. — Возьмите козлика, Ярослав Львович. Он для тамошних говен самая подходящая машина.

— Ключи давай, — Кашеев кивнул. Мужик живенько скрылся в своей будке и почти сразу выскочил обратно. Бросил Кашееву ключ, тот его ловко поймал. И направился вдоль двух рядов машин к жуткой на вид развалине, зато с очень высоким клиренсом. Машина даже для этих мест выглядела старой. Возможно, когда-то у этого «козлика» была крыша, но теперь от нее остались только две передние стойки. Возможно, поэтому его так и прозвали.

Однако завелся он сразу, мотор фыркнул и заурчал, стоило только Кашееву повернуть ключ в замке зажигания.

Ехали мы молча. Кашеев сосредоточенно крутил баранку. Ларошев иногда касался головы и болезненно морщился. А я просто глазел по сторонам. Уржатка, хм... По словам Йована и Бориса, мародерам в этом месте грозила какая-то страшная расправа. Или не всем мародерам, а только им.

Никаких блок-постов на границе района не было, я бы так вообще не понял, что это место как-то выделяется из всего остального города. Ну, улицы и улицы. Одни дома выглядят в чем-то даже роскошно, кружево резьбы, цветочки на окнах. Другие — сущие развалины, которые проще сжечь и построить заново, чем починить. Ясен пень, мы остановились как раз рядом с именно таким домом. Стоял он как будто слегка наособицу, на самом берегу узкой речки Ушайки. Одним углом практически нависая над водой. Малейший разлив, и крантец домику...

За покосившимся почти черным от старости забором во дворе сидела на ветхом трехногом табурете дремучая старушенция. Она покачивалась и курила трубку. И смотрела прямо на нас, когда мы вошли, будто ждала.

— Ручку позолотить пришел, внучек? — скрипучим голосом сказала она Кашееву и улыбнулась во весь свой беззубый рот. — Али опять будешь на работу звать?

— Так пытался уже, Забава Ильинична, — в тон ей ответил Кашеев. — Помощь нам нужна твоя, вот что.

— Расценки мои ты знаешь, — заявила бабка. — Нет денег — нет помощи.

— Да уж, от тебя разве чего-то даром дождешься... — пробурчал Кашеев и полез в карман за бумажником. Протянул старухе несколько купюр. Та быстро сцапала их узловатыми пальцами, и они моментально исчезли где-то в складках ее ветхого широкого платья.

— Что там за беда опять у вас приключилась, ученые вы мои? — голос бабки сразу стал слаще, потек как сироп, взгляд выцветших глаз смягчился.

— Тут вот какое дело, Забава Ильинична... — Кашеев подробно описал наше недавнее приключение и сунул ей под нос ту самую бумажку с нарисованным незамкнутым цветком. Та внимательно его выслушала, поворачивая голову то вправо, то влево, как ворона. Потом уставилась на меня выжидающе. Я стоял молча, не зная, что делать.

— Сюда иди, отрок, гадать тебе сейчас буду, — сказала она. Я посмотрел на Кашеева. Тот утвердительно кивнул. Я подошел ближе. — Руку давай, бестолковый!

Протянул руку. Она ухватила меня за ладонь и подтащила ближе. Долго-долго разглядывала линии и шевелила губами, как будто читала. Потом снова посмотрела мне в глаза.

— Не тот ты оказался, — сказала она. — Поторопился Федор наш Кузьмич. Ждал другого, а появился ты. Он сослепу и принял тебя за него.

— Это за кого еще? — спросил я.

— За того, на чье место ты метишь, яхонтовый, — пропела старуха. — Что? Непонятно объяснила? Эх, все вам растолковывай... Федор свет Кузьмич носил в душе Лихо. Впустил когда-то, польстившись на обещания, а к старости оно его стало поедом жрать да наследника требовать. А наследника-то он и не сотворил подходящего. Ждать пришлось. Взывать-вызывать. Чтобы плоть единая да кровь одна. Новое вместилище для Лиха своего. А потом Лихо выпустил, а наследника-то рядом и не оказалось! Только ты, непутевый.

— Это он силу вроде как передать хотел? Как колдун из сказок? — вырвалось у меня.

— А ты что ли тоже из сказок, коли колдун? — бабка засмеялась.

— Ой... — я задумчиво почесал в затылке. — Так это он сбежал искать этого наследника?

— Все так, изумрудный мой, все так, — бабка поднялась с табурета. — А раз сбежал, значит бродит он где-то рядом.

— Так он что, доппельгангера моего ищет? — спросил я.

— Ишь ты, слова-то мы какие ученые знаем! — бабка засмеялась. — Нет, миленок, тень твоя ему без надобности, ему живая плоть нужна. Настоящая, с кровью горячей, а не пылью могильной. И непростой кровью-то, ох непростой... Корона будто там мне привиделась, — она снова пристально посмотрела на меня. — А тебе бы поостеречься брата неназванного своего. Настанет день, когда свет станет тесен для вас двоих.

— Что еще за брат такой? — спросил я.

— Тот самый, на чье место ты метишь, милый, — бабка отпустила мою руку и отвернулась. — Все ты понимаешь, не прикидывайся. И встреча ваша случится, дай только срок. Записано это не чернилами да не в книге.

— Так я вроде как ни на чье место не метил... — пробормотал я.

— Ну, метил — не метил, а занял, — старуха развела руками. — Судьба такая. Можешь сесть на жопку да руки сложить, а можешь угрем извиваться.

— А с доппельгангером мне что делать? — наудачу спросил я.

— Так известно что, — сказала бабка и усмехнулась. — Только не скажу. Оплачено за

один сеанс, а это другой. Сам приходи, один, без этих вот двоих, бабника циничного да алкаша беспутного. Тогда может и скажу.

Я оглянулся на Кашеева. Вид у того был хмурый. На меня он не смотрел. Ларошев же, напротив, оживился. Глаза блестят, за голову больше не хватается.

— Коли больше ничего не надобно, проваливайте, у меня и без вас дел полно, — бабка демонстративно уселась обратно на табуретку и принялась выбивать трубку об подошву своих стоптанных кирзачей. Кашеев мотнул головой в сторону машины.

Машина вырулила из переулка, где стоял дом Забавы Ильиничны, а я крутил головой, запоминая дорогу.

— Я бы не рассчитывал, что она чем-то тебе поможет, — сказал Кашеев. — Что-то она умеет, что-то знает, но все больше про то, как пыль в глаза пустить. Настоящей магии в ней нет, ни один заубер-детектор не обнаружил. Так что...

— Что-то ваша настоящая магия оказалась ни на что не способной против того призрака, — язвительно проговорил Ларошев.

— Хотя решать тебе, Лебовский, — Кашеев сделал вид, что не услышал замечания Ларошева.

Я кивнул и посмотрел на проплывающие мимо городские улицы. Долбанный старик. Долбанный доппельгангер. И как мне теперь снова завести разговор с Ларошевым про архив?

Но мне повезло. Когда мы снова оказались во дворе университета, Кашеев практически сразу же посмотрел на часы, пробурчал что-то про срочные дела и торопливо ушел в сторону общежития. Я повернулся к Ларошеву, но рот открыть не успел.

— Значит, другой это Федор Кузьмич, как же, — сказал Ларошев, потирая ладони. — Ты понял, что сказала нам эта бабка?

— Насчет моего неназванного брата? — спросил я.

— Именно! — Ларошев поднял палец вверх. — Его Лихо потребовало новое тело, и чтобы не простое, а непременно с императорской кровью. Значит сам он тоже вовсе не обычный поп-расстрига, как нам тут Кашеев заяснял. И что двести пятьдесят лет человек жить не может, это тоже не аргумент. Живет же Унгерн уже вторую сотню, а на вид такой, что помирать явно не собирается...

Спрашивать про какого-то там Унгерна мне не хотелось. И, как ни странно, про Федора Кузьмича тоже ничего не хотелось знать. Я что-то был сыт по горло всей этой сверхъестественной жутью. Хотелось отвлечься на что-то более земное. «Надо было попросить высадить меня в городе, у Толкучего рынка», — подумал я. Я тогда позорно сбежал от Натахи, а надо бы объясниться. Веду себя, как крыса, самому противно. Правда, история про двойника, который творит вместо меня всякие мерзости, выглядит на свежую голову как какие-то детские оправдашки, но это явно лучше, чем ничего.

— Владимир Гаевич, — говорю. — У меня от всей этой мистики что-то в голове уже каша. Может займемся чем-нибудь практичным? Например, начнем наводить порядок в архиве, как мы и планировали?

— Да? — Ларошев вздрогнул. — А мы разве собирались?

— Вы разве не помните? — сказал я. — Клады, сокровища...

— Ах, да! — Ларошев хлопнул себя по лбу. — Конечно! Разумеется! Отличная идея!

Я бы не сказал, правда, что при этом он горел особым энтузиазмом. Похоже, так и эдак крутить в голове мысль о раскрытой тайне происхождения Федора Кузьмича ему нравилось гораздо больше, чем копать в архиве.

Отдельно стоящего здания архиву не полагалось. Все документы и книги просто сложили в коробки и свалили в полуподвальной комнате. Запиралась эта сокровищница знаний на простой висячий замок. Никаких пометок или табличек на двери не было. Да уж, невежливо они как-то с информацией обошлись... Впрочем, похоже дело было не только в том, что историю сочли непрспективным занятием. Похоже, был еще какой-то скандал, связанный конкретно с Ларошевым. Возможно, кто-то другой и сумел бы отстоять судьбу факультета, но слишком горячему в высказываниях Владимиру Гаевичу это не удалось.

— Вот в этих коробках, — Ларошев обвел рукой картонную кучу. — Материалы по имперской истории. Учебники, таблицы, мемуары... Коробки у дальней стены — это материалы по разным сибирским городам. Копии архивов городских управ, подшивки газет... Видимо, с них нам и следует начать.

— А вот в этих коробках что? — спросил я, ткнув пальцем в несколько одинаковых коробок, на каждой из которых были написано явно даты. 1913–1917, 1934–1936. Расставлены они были не по порядку, правда.

— Это старые личные дела студентов, — Ларошев махнул рукой. — Их сюда свалили, потому что места другого не нашлось, видимо.

«Значит, это то, что мне нужно», — подумал я. Но вслух сказал другое.

— Никогда не понимал, как можно что-то найти в таком хаосе.

— Здесь вовсе не хаос, молодой человек! — Ларошев опять упер руки в бока и стал похож на Бабку-Ёжку. — Да, каюсь, кое-где коробки расставлены как попало, но если знать систему, то можно найти что угодно очень быстро!

Он пустился в рассуждения, активно жестикулируя и, в качестве иллюстрации своих слов, открывая то одну, то другую коробку. Я старался запомнить его объяснения, чтобы когда приду сюда самостоятельно, не почувствовать себя ослом, как тогда в библиотеке.

Через какое-то время стало понятно, что он все больше отвлекается на раздел имперской истории. На какой-то книжке он вообще залип, махнул на меня рукой и уселся в угол, уткнувшись носом в страницы.

Я понял, что теперь я предоставлен сам себе, и могу спокойно покопаться в личных делах студентов. Кого мне там нужно было найти? Катерину Крюгер? Хотя стоп. Вряд ли она сохранила девичью фамилию матери. А замужем она была за Гаврилой Курцевичем. Значит...

Я листал ярлычки, расставленные в алфавитном порядке и радовался, что на самом деле в университете после баниции училось не так уж много студентов. Иначе мне пришлось бы перелопатить просто тонны подписанных папочек, пока я нашел бы нужную.

Ага. Все даже проще. Катрина Крюгер-Курцевич, год рождения одна тысяча девятьсот двадцать первый. Факультет историко-филологический.

Я выхватил из коробки нужную папку. Оглянулся еще раз на Ларошева, но тот так увлекся, что не замечал ничего вокруг. Так что я спокойно засунул не особенно толстую пачку листов бумаги сзади под ремень брюк и собрался уже поставить коробку на место, но обратил внимание, что следующая папка явно была сунута сюда по ошибке. Мирослав Бедный. Мирослав... Где-то я совсем недавно слышал это имя.

Ах да, верно... Это один из тех троих, которым не повезло обзавестись доппельгангерами... Интересно, а почему она здесь, а не на своем месте?

Глава 18. Беги, Лебовский, беги!

— Вот послушайте, Лебовский, что пишет в мемуарах об императоре Александре Первом... — подал вдруг голос Ларошев. Потом поднял глаза и нахмурился. — Что вы там такое нашли?

— Просто открыл коробку студентов, из любопытства, — сказал я и помахал личным делом Бедного. — А тут вот это, прямо сверху. Будто кто-то второпях зачихал не на место.

— Что значит, не на место? — Ларошев заложил книгу, которую читал, пальцем и подошел ко мне. — Хм... Верно. От этого подвала ни у кого, кроме меня, ключей нет!

— А это не тот ли самый... Ну, допельгангер? — спросил я.

Ларошев взял у меня из рук папку и осмотрел. Потом открыл. Еще раз посмотрел на меня.

— У вас отличная память, Лебовский, — сказал он. — Хотите почитать дело?

— А вы бы на моем месте не хотели, Владимир Гаевич? — огрызнулся я. — Сначала мне прямым текстом сообщают, что где-то тут бродит мой злобный двойник и творит всякие мерзости, и что избавиться от него можно, только убив оригинал. То есть, меня. Очень милая перспектива. Конечно же, я хочу почитать! Я все, что угодно хочу, лишь бы вернуть себе нормальное состояние, когда мне не придется каждый раз просыпаться в ужасе от того, что я еще кого-то изначивал...

— Кстати об этом... А вам не показалось, что Кащеев как-то очень уж спешно от нас сбежал? — Ларошев подозрительно прищурился. — Если кого ваше дело и касается напрямую, так это его!

Он замолчал и многозначительно уставился на меня.

— Что? — спросил я, не вполне понимая, к чему он ведет.

— Думайте быстрее, Лебовский! — он постучал по лбу согнутым пальцем. — Включите мозги, ну! От вашего допельгангера пострадала его девочка, потом умер Федор Кузьмич со всеми этими... явлениями... Потом он свозил вас к гадалке, которая... Честно говоря, я не совсем уверен, что верно понял все, что она сказала. Зато более чем уверен, что он-то как раз отлично понял! Возможно, мы с вами как раз и не уловили, что именно важного было сказано в этом разговоре... А потом он торопливо сбежал. Вам это не кажется подозрительным?

Вообще-то, до этого момента не казалось. Я мысленно поставил себя на место Кащеева. Вот появился новый студент, возможно перспективный, но пока непонятно. И вот у него обнаруживается проблема. Потенциально смертельно опасная. И избавиться от этой проблемы можно очень простым способом. Как же я поступлю?

— Возможно, вы правы... — проговорил я.

— Нам с вами не в бумажках нужно ковыряться! — воскликнул Ларошев, взмахнув зажатым в руке личным делом. — А немедленно бежать к Гезехусу! Если еще не слишком поздно...

Ларошев бросил личное дело и книгу на коробки и бросился к двери. Помимо воли мне передалось его волнение, и я поспешил за ним. Не забыв, правда, прихватить с собой папку того бедняги. Я не очень пока представлял, что именно мне угрожает, но в одном Ларошев был прав — рановато мне считать Кащеева своим однозначным другом и доброжелателем. Кроме того, я про него ничего не знаю. В общем, незачет, Лебовский, по сбору информации!

Ларошев почти бежал, я едва за ним успевал. На повороте к лестнице он замер, повернулся ко мне и приложил палец к губам. Я прислушался. Никаких подозрительных звуков. В холле явно было довольно много народу. Было слышно, как кто-то ходит, разговаривает вполголоса, стараясь не нарушать тишину альма-матер, кто-то тихонько захихикал. Что-то круглое и стеклянное упало и покатилося.

— Не самое лучшее место для засады, — сказал я. — Владимир Гаевич, если мы будем шарахаться от каждой тени и выглядывать из-за каждого угла, мы привлечем к себе гораздо больше внимания, чем нужно. Внутри университета меня никто убивать не будет, как мне кажется. Так что просто пойдете к ректору кратчайшим путем.

— Вы плохо знаете Кащеева, — прошептал Ларошев. — Вот как мы поступим. Сейчас я выйду в холл, и если все в порядке, то вернусь за вами.

— Договорились, — я кивнул. И подумал, что если гипотетический убийца прячется среди болтающихся в холле студентов, то вряд ли у Ларошева глаз настолько наметан, чтобы его отличить от других-прочих. А потом мне пришло в голову, что я опять тороплюсь с выводами. Потому что про Ларошева я тоже ни черта не знаю. Увидел кучерявого пьющего парня по прозвищу Бабка-Ёжка, наклеил на лоб ярлык «не опасен» и расслабился. Я усмехнулся. Кажется, у Ларошева есть сверхспособность — заражать всех вокруг своей паранойей. Выпучил глаза, сделал значительное лицо, вытянул палец вверх — и вот я уже прячусь за углом подвала, опасаясь убийц, которых может подослать Кащеев. Смешно.

Да уж, смешно.

В этот момент я вдруг понял, что жду Ларошева уже довольно долго. Чтобы выйти в холл и оглядеться многовато пятнадцати минут, которые уже прошли с момента, как он меня оставил. Хотя, может он просто отвлекся на какой-нибудь необычайно важный спор о роли министра финансов в становлении личности государыни Елены, а про меня забыл.

По затылку пробежал холодок, словно сквозняком волосы пошевелило. «Так, Лебовский, — сказал я себе. — Лучше быть живым параноиком, чем мертвым оптимистом...»

В этот момент по лестнице раздался дробный топот. Кто-то бежал вниз, не особенно скрываясь. Я замер.

— Эй, Лебовский, ты тут? — громким шепотом проговорил кто-то. — Меня Бабка-Ёжка послал.

Это была девушка. Волосы аккуратно заплетены в косу, юбка длинная, блузка застегнута до самой шеи. Типичная отличница из хорошей семьи. Никакого оружия в руках, сумки, где его можно спрятать, или еще чего-то подобного. Лицо незнакомое, что, впрочем, не удивительно. Все-таки в универе учится немало людей, запомнить их всех... Ну, такое.

— Лебовский? — повторила она беспомощно.

— А где сам Ларошев? — спросил я, выступая из тени.

— Тссс! — она сделала шаг ко мне и прижала палец к губам. — Он встретил Кащеева и не может прямо сейчас идти за тобой. Прислал меня сказать, что тебе туда нельзя. И чтобы я тебя вывела из универа через подвал. Не ходи в холл, идем за мной!

Я отступил на шаг, не подпуская на всякий случай незнакомку вплотную. Какая-нибудь Феодора запросто может вырубить одним касанием, где гарантия, что эта отличница не способна на что-то похуже?

— Идем скорее! — сказала она нетерпеливо. — Тебе нельзя выходить в холл!

«Не бросай меня в терновый куст», — невольно подумал я, уже всей кожей ощущая

сгущающуюся вокруг опасность. Я представил, как эта девушка с неподдельными слезами на фиалковых глазах рассказывает, как я споткнулся и неудачно упал в пролом. Сломал шею, какой ужас! Она ничего не смогла сделать, хоть и пыталась... «Что мы делали в подвале? О боже, не спрашивайте, мне ужасно стыдно...»

Я отступил еще на шаг, не позволяя девушке взять себя за руку и потащить за собой куда-то в глубину университетских катакомб.

— Ты меня боишься? — она сделала большие глаза. — Не думала, что ты такой трусишка...

Предчувствие угрозы и встроенный детектор лжи заорали в моей голове в два голоса. Я секунду прислушивался, чтобы убедиться, что в холле все еще есть люди, прынул в сторону, чтобы обойти отличницу, не коснувшись, и в несколько скачков преодолел лестницу наверх.

Выскочил в холл. Бросил два быстрых взгляда направо-налево. Троица парней, рядом с ними сумка на полу. Две девушки на кожаном диванчике. Седой препод сидит на банкетке, а вокруг — стайка парней и девчонок. Одинок подпирающий стену здоровяк со скучающим видом. Ларошева не видно, Кащеева тоже.

Обычным шагом я направился к главному входу. Ну как, обычным... Стараясь двигаться так, чтобы рядом со мной все время находились другие люди. Этот долбаный холл был устроен таким образом, что посадить убийцу здесь можно сразу в нескольких местах. Уследить за которыми...

Что-то свистнуло совсем рядом с моей щекой, опалив кожу. Звука выстрела я не услышал. Завизжала одна из девушек на диване. Я нырнул в сторону, попытался по-быстрому сориентироваться, откуда стреляли, но какое там...

Скучающий здоровяк неожиданно быстро переместился поближе к двери. Ага, понятно. Кто еще?

Снова свистнула пуля. На этот раз еще более мимо, чем в прошлый.

До входной двери осталось каких-то пять шагов.

К раненой девушке начал сползаться народ. Я двинулся в том же направлении, здоровяк дернулся, сделал шаг от двери, но передумал и встал, перекрывая собой проход.

Вжжжиууу! Теперь завизжали сразу несколько девушек — пуля попала в окно, осколки посыпались на диван.

— Только без паники! — поставленным голосом провозгласил седовласый.

Ну да, лучше слов в такой ситуации просто не подберешь, молодец какой!

Троица парней бросилась к двери. Они попытались оттереть здоровяка в сторону, но тот уперся.

Рассуждать было особо некогда. Окна, конечно, были слегка высоковатого, но так будет однозначно быстрее, чем пытаться пролезть в дверь сейчас.

Я быстрым прыжком переместился к дивану, наступил одной ногой на спинку, оттолкнулся и отправил тело в длинный прыжок через выбитое окно.

Удар об землю. Перекат.

Бежать вперед, к дороге, нельзя — пустое пространство простреливается все целиком. Вдоль стены, вбок.

Потом в парк. Сначала перебежать дорожку, потом пригнуться и проскочить через центр вдоль аккуратно подстриженной живой изгороди. Потом забираем еще правее, почти по дороге к мызе. Но не сворачиваем.

А дальше, дальше.

В ту часть парка, за которой никто сейчас особо не ухаживает.

Мимо заросшей беседки Ларошева.

Я замер рядом с прибрежными кустами. Прислушался. Прямо над головой изо всех сил голосила какая-то птица. Течение реки приносило из города собачий лай, смутное бормотание, звук гудящих клаксонов.

Возможно, за мной никто и не гнался...

Но стоило мне об этом подумать, как хрустнула ветка в том месте, где вообще-то была не должна. Не раздумывая, я нырнул в темную воду Томи.

Вынырнул у самой кромки берега. Осторожно, выглянул из-за кустов, стараясь рассмотреть своих преследователей. Но через листья мне было видно только то, что их двое. Во всяком случае, видел я двоих. Переместиться и рассмотреть получше у меня возможности не было. Слишком близко. Если начну плескаться и шевелить ветвями ивняка в безветренный день, привлеку к себе внимание и получу пулю в башку.

Я снова ушел под воду и поплыл по направлению к городу. В принципе, если напрячься, можно попробовать этих двоих... «Что, Лебовский?» — спросил я сам себя и понял, что не хочу никого убивать. Что бы я там ни чувствовал, как бы не ерепенился, но я был для Кашеева проблемой. Решить которую он попытался в меру сил и возможностей. Проламывать черепа и сворачивать шеи его исполнителям — такая себе идея. Ребята точно ни в чем не провинились... «Так что, Лебовский, реши проблему, а потом придешь», — сказала я себе. Поднялся на поверхность, сделал вдох и снова ушел под воду.

Я выбрался на берег, не доплыв до устья Ушайки, между двумя доходящим до воды заборами. Свидетелями моего «триумфального» прибытия на берег стали белая коза, которая даже ради такого случая перестала обжевывать куст у одного из заборов, и ребенок лет, наверное, трех, который, кажется, вообще не обратил на меня никакого внимания, потому что охотился на что-то под листьями капусты.

Я вылил воду из ботинок, слегка отжал пиджак, печально посмотрел на две промокшие папки... Ладно, попробую что-нибудь с этим сделать. Но потом. Позже. Надо добраться до дома своих. Рассказать им уже, в какую историю я влип, и подумать, как бы из этого выбраться. Можно было сходить, например, к бабке, которая...

Я замер от неожиданной мысли. К бабке меня привез Кашеев. Если Гезехус в теме, то Кашеев знает, где живут Натаха, Гиена и Бюрократ. То есть, убежища у меня нет по большому счету. Ну, то есть, возможно, что Кашеев не интересовался, с кем я там прибыл и куда их поселил в городе. Но лучше на всякий случай считать, что засада может быть в каждой известной мне точке.

Да уж. Если выберусь из этой дурацкой истории живым, включу мозги и сделаю все по уму. Включая организацию «берлоги», сбор инфы про ключевых фигур и все такое прочее.

Расслабился. Слишком уж безопасными и гостеприимными показались мне сибирские Афины...

Пугало стояло очень удачно — рядом с небольшим плетеным заборчиком, размежовывавшем участок с кучными кустами картошки и длинными ползучими плетями кабачков. От домов эту часть огорода скрывал небольшой пригорок.

Так что к макету человека, который в теории должен отпугивать ворон, я подобрался незамеченным. Согнал с его плеча ворону и стащил с плетеной головы обтрепанную соломенную шляпу. Вывернул пиджак, чтобы тот смотрелся неказисто и по-дурацки. Подобрал с земли длинный ровный шест. Кажется, он когда-то служил опорой в заборе...

Зачерпнул грязь и заляпал лицо.

Такая себе маскировка, но сойдет.

Я сгорбился. Надвинул на глаза драную шляпу и направился к улице, опираясь на шест, как на посох.

Дохрамав до дома Егорова, я огляделся в поисках подходящего пункта наблюдения. Самым простым решением оказалось сесть прямо на землю за кустом сирени. С скукожиться, чтобы если кто бросит на меня случайный взгляд, обращал внимание только на шляпу.

— Ты что это тут устроился, а? — раздался сверху сварливый женский голос. Скрипнула рама. Я посмотрел вверх и встретился взглядом с обладательницей голоса — еще не особенно старой дамочкой, высветленные волосы которой были накручены на бигуди, а на отворотах шелкового халата вышиты золотые драконы.

— Сударыня, пожалуйста, тише, — я сделал умоляющее лицо и приложил палец к губам. — Уматывай отсюда, забулдыга, — еще громче сказала она и замахнулась какой-то деревянной штукой с ручкой. Видимо, это была какая-то домашняя утварь, но я понятия не имел, для чего она предназначена. — В этом районе не подают! Шуруй давай, рванина!

— Да не попрошайка я, — я поднялся на ноги. — Я студент. За девушкой своей слежу, она в том доме живет, рыжая такая.

Я мотнул головой в сторону дома Егорова.

— Ой, не звизди! — Женщина с сомнением посмотрела на меня. — Видала я ту рыжую, она тебя одной соплей перешибет! А вот тебя рядом с ней я что-то не видала...

— А что, кто-то новый рядом с домом не трется? — спросил я.

— Кроме бородатого увальня и тощего очкарика? — женщина захохотала. — Ты вот трешься тут!

Тут она снова вспомнила, что на самом деле собиралась меня прогнать, а не на вопросы мои отвечать. Она снова замахнулась деревянной штукой, я пригнулся и захромал на другую сторону улицы. Если тут есть кто из наблюдателей Кащеева, то я уже нашумел достаточно, чтобы можно было хвататься за оружие или вызывать подмогу. Или... Да хрен знает, что у них там за указания. Если эти самые «они» вообще существуют. Гезехус мог ведь и не сказать Кащееву этот адрес.

Собственно, он и сам его может не знать. Зачем ректору университета держать в голове, где именно живут приехавшие приятели одного из абитуриентов?

Я заметил Натаху издалека. Она шагала прямо по середине дороги, на плече — простая холщовая сумка из которой торчат перья лука и румяные горбушки трех багетов.

Залюбовался. Платье было какое-то новое, зеленое, с золотистой тесьмой по подолу. Юбка едва прикрывала колени, видимо, платье было рассчитано на менее высокую девушку. Но Натаху никогда особо не смущало, что на нее кто-то пялится. Вот и сейчас она шагала, гордо расправив плечи и слегка улыбалась каким-то своим мыслям.

— Натаха, — громким шепотом позвал я, высунувшись из-за куста. Натаха остановилась, повернула голову в мою сторону и улыбка моментально покинула ее лицо. Зеленые глаза потемнели, правая рука, которой она придерживала сумку, непроизвольно сжалась в кулак.

Глава 19. Memento mori. Или как-то так...

Я растерялся. Нет, я конечно понимал, что вряд ли Натаха меня встретит земным поклоном и распростертыми объятиями, после того, как я позорно сбежал, даже не потрудившись хотя бы рукой помахать. С одной стороны, ничего плохого я же не сделал. Не предал, не подставил... С другой, я и сам чувствовал себя дико виноватым. Не за действия своего доппельгангера, конечно. Хотя и за них немного тоже...

Короче, я запутался сам в своих эмоциях. И ужасно хотел расставить все по полочкам, и чтобы Натаха снова смотрела на меня как раньше — лукаво, с легоньким заигрыванием и теплотой. А не как сейчас, когда она надвигалась на меня, как грозное божество войны, из глаз которого вот-вот вырвутся молнии.

— Натаха, пожалуйста, дай мне несколько минут! — я выставил перед собой открытые ладони. — Хотя бы парочку. Давай я сначала тебе все расскажу, а потом можешь проламывать мне череп, если решишь, что я заслужил.

Натаха остановилась. Молча. Вообще было не очень похоже, что она собиралась меня бить. Во всяком случае, я надеялся на это. В деле я ее видел, если пропущу хоть один удар — мне кабзедц. Особенно, если он в голову.

— Ну? — сказала Натаха. — Только давай быстрее, меня ребята ждут.

Она качнула сумкой с продуктами.

— Ты знаешь, что такое доппельгангер? — быстро спросил я.

— Злой двойник? Типа мистера Хайда? — спросила Натаха довольно равнодушно.

— Смешно, но я задал тот же вопрос, — я усмехнулся, но Натаха даже не улыбнулась. —

Да, видимо, не смешно. В общем, Натаха, я опять влип в дурацкую историю. Разозлил какого-то прикованного к кровати старикашку, и он наколдовал мне того самого злого двойника. Который... Натаха, подожди. Когда мы с тобой в последний раз виделись?

— Позавчера утром, — ответила Натаха. — Я повернулась что-то у тебя спросить, а ты сбежал. Зато твои похмельные приятели остались. И довольно громко обсуждали твои... гм... подвиги.

— Это были не мои подвиги, — сказал я. — Понимаю, что это звучит как идиотская отмазка. Но мне сейчас не до отмазок, правда. Скажешь, валить на все четыре стороны и наподдашь пинка для рывка, я... Блин, да нихрена я не уйду! Натаха, мне сейчас просто адски нужна помощь! Я правда не делал ничего из той дряни, про которую там Леннон с Кортесом плели. Но убьют за это все равно меня.

— Не врешь, похоже, — Натаха покусывала хвостик своей косы. — Слишком не гладко история звучит, врал бы, что-нибудь поубедительнее бы сочинил.

— Мне нужно какое-то убежище, — сказал я. — Про этот дом могут знать...

— Тебя по голове кто-то стукнул? — спросила Натаха. — Могут знать, а могут и нет. Если ты же сам не разболтал, то не знают.

— Честно говоря, я не помню, разболтал я или нет... — я почесал в затылке. — Поэтому на всякий случай решил считать, что все места, где я был, уже давно засвечены.

— А почему ты мокрый? — спросила Натаха.

— В меня стреляли, пришлось нырять и уходить по реке, — ответил я.

— Вот что, Богдан, — Натаха шагнула ко мне и быстро ухватила меня за локоть. — Если за тобой погоня, то нет ничего тупее, чем остаться на улице и болтать тут в полный голос,

размахивая руками. Пойдем в дом.

— А если... — я попытался вырвать руку. Не особенно стараясь, в общем.

— Дом хорошо защищен, там как минимум три пути отхода, — Натаха потащила меня к крыльцу. Я продолжал упираться, но уже скорее по инерции. Кажется, как настоящему студенту, мне просто хотелось, чтобы за меня приняли решение. Этакое «ну, мааам!»

Жаль, правда, что проблема моя таким же образом не решается...

Потом я подумал, что вряд ли Кащеев, даже если допустить, что он знает каждый мой шаг, успел бы организовать еще и здесь засаду. Кроме того, он декан медицинского факультета, а не глава клуба наемных убийц. Вряд ли его ресурсов хватит на то, чтобы перекрыть весь город...

— А, вот чего ты так долго... — Гиена осмотрел меня с ног до головы не особенно дружелюбно. И явно хотел сплюнуть, но потом бросил взгляд на Натаху и не стал. Видно уже прилетало за плохое поведение дома. — Дай угадаю, Боне что-то от нас нужно, в его универе ему насовали звиздюлей, и он, поджав хвост, прибежал обратно...

— Степан, вы несправедливы, — Бюрократ тоже посмотрел на меня без особой приязни. — Мы с вами оказались в Томске, самом защищенном и мирном городе в этой части Сибири, только благодаря Богдану. И будет по меньшей мере невежливо...

— Ой, да ладно тебе, Бюрократ! — Гиена хлопнул Бюрократа по плечу. — Не ты ли вчера только нашего Боню херами обкладывал вместе со всеми нами?

— Бери стул и садись, Богдан, — сказала Натаха и подтолкнула меня к столу. — Сейчас будем ужинать, заодно послушаем твою охренительную историю.

— Один момент! — я осторожно вытащил из-за ремня мокрые картонные папки. — Надеюсь, это еще можно как-то прочесть...

Я аккуратно разложил бумаги на сундуке. На мое счастье, старые чернила оказались стойкими — частично они расплылись, конечно, но большую часть бумаг прочесть было вполне реально.

Натаха разлила, или скорее разложила по тарелкам густую похлебку, больше похожую на рагу. Вручила мне ложку, поломала хрустящие французские багеты и поставила в центр тарелку с зеленью. Пока ужинали, я рассказал им все. Про свои сны, про Феодору, которая меня вырубил, про Федора Кузьмича, из которого выполз одноглазый призрак, про гадалку Забаву Ильиничну из Уржатки, которая объяснила, что это было Лихо, которое теперь ищет нового хозяина, который вроде как страшно похож на меня, только имеет какое-то отношение к правящей фамилии.

— Эвона... — Гиена завернул длинную матерную тираду.

— У тебя суп остыл уже, Гиена, — Натаха толкнула его в бок.

— Ага, — Гиена принялся жевать быстрее. — Кстати, Матонин же тоже думал, что Боня — непутевый сынуля государыни. Он вроде как, где-то тут болтается, только поймать его никто не может. Ну, где-то тут — это в Новониколаевске, а не в Томске.

— Если он все еще в Новониколаевске, то Лиху придется долго дотуда ползти по болотам, — сказала Натаха. — Я тоже что-то такое слышала. Но совсем краем, при мне эти темы не обсуждали. Только сам факт, что он сбежал в Сибирь. И что ежели сторговаться, то за него можно много всего получить. Например, имперский паспорт.

— Да не, нахрена Матонину имперский паспорт? — Гиена махнул ложкой. — В Империи ему с его нравами быстро отчекрыжат все, что с организмом надежного крепления не имеет.

— Так не Матонин говорил-то, а Ибрагим, — Натаха пожалала плечами. — Ну или еще кто-то из Беков, хрен их разберешь, если честно...

— Так, хрен с ним, с сыном императрицы пока что, — сказал я. — Может, кто слышал, что можно сделать с доппельгангером, чтобы оригинал остался в живых? Или у меня натурально нет шансов, лучше сразу взять ружье, сунуть его в рот, и задекорировать какую-нибудь стену своими мозгами?

— У доктора Джекила и мистера Хайда как-то все не очень хорошо кончилось, — проговорила Натаха. — Кстати, вот допустим, ты решишь проблему этого доппель... что-то там... Как докажешь убийцам, что ты нормальный, и стрелять по тебе больше не надо?

— Так далеко я не планирую, — я уперся подбородком в ладони. — Письмо напишу, наверное.

— Я слышал кое-что, но тоже не очень обнадеживающее, — подал голос Бюрократ. — Так что можно сказать, что ничего. Между прочим, вы принесли какие-то бумаги. Не знаю как насчет ответов на ваш вопрос, Богдан, но может там есть какая-нибудь информация к размышлению?

— Сейчас уберу со стола, чтобы здесь можно было все разложить! — Натаха вскочила и собрала пустые миски.

К составлению личного дела в универе подходили весьма творчески. Недостаточно было просто вложить какую-нибудь справку, аттестат или статью в газете. Любой документ сопровождался комментарием в вольной форме. От кого именно исходил комментарий, было не очень понятно. Судя по тому, что стиль изложения и почерк у всего дела был один, это какой-то секретарь, которому вменялось следить за порядком в бумагах.

Я сначала подумал, что это какое-то самоуправство, случай. Но заглянул в бумаги Катерины Крюгер, там было то же самое. Только рука другая. Даже захотелось повнимательнее изучить этот студенческий архив.

Ну что ж... Итак, Мирослав Бедный, поступил в университет в мае тысяча девятьсот семьдесят третьего. Этот факт сопровождался едким комментарием «Нам несказанно повезло, что этот золотой орды ботинок почтил нас своим вниманием!»

Следующие несколько страниц были посвящены его успехам и неудачам, таблицы и зачетные листы я просматривал не очень внимательно. Тем более, что неизвестный комментатор сопровождал каждую бумагу с оценками коротким или длинным резюме. Так что в сам лист можно было не заглядывать.

Самое интересное началось на второй год обучения. Комментатор целую страницу сопроводительного текста накатал.

Сначала был процесс про воровство. Прямо-таки, университет против Бедного. Мол, он ворует деньги и драгоценности, много кто уже видел и может подтвердить, вот только он свою причастность отрицал. Даже когда нашли тайник со всем украденным добром.

— *«На судилище Мирослав Бедный выбрал самую „победоносную“ тактику защиты — в ответ на каждое обвинение он вставал и гундосил, что это не он. Гундосил — потому что нос сломали накануне»*, — прочитал Бюрократ вслух.

А вот после суда началось самое интересное. Двое особо рьяных обвинителей внезапно скончались от передозировки свинца, в смысле — были застрелены. Одна прямо в общежитии, другой — на скамейке в парке среди бела дня. И никто ничего не заметил.

Кто и когда сообразил, что они имеют дело не с охреневшим в край студентом, а с его доппельгангером, в деле отражено не было. Хотя странно, на самом деле, в остальном

ответственный за эту папку секретарь вносил пометки очень прилежно. А тут как-то внезапно — вроде бы только что был суд, и вот уже статьи из газет о погибших.

Внимательнее всего я прочитал ту страницу, где был проведен неудачный эксперимент по отсечению допдельгангера и его встрече с оригиналом.

«Его поставили перед зеркалом и намазали пальцы красной краской. На каждой щеке изобразили греческую букву „пси“. И дали ему в руки текст на латыни. Он спотыкался почти на каждом слове, но прочел. Между прочим, в его аттестате напротив латыни стоит оценка „удовлетворительно“. Наверное, он дал Игнату Аркадьевичу взятку. Иначе такое хреновое чтение не объяснить.»

К зеркалу подключили „рыбий пузырь“ и „околотницу“.

Когда появился допдельгангер, в комнате находилось четыре человека, кроме самого Мирослава. Допдельгангер сразу напал на двоих, выстрелив из-за зеркала, отчего то разбилось, но сам он почему-то не исчез. Потом он применил лезвийную сеть, что изрядно порезало Марию Карловну, она достала пистолет и выстрелила в Мирослава.

Когда Мирослав упал, допдельгангера просто не стало. Он не растворился в воздухе или сбежал. Просто исчез, будто его и не было никогда.

Мирослав Бедный скончался практически сразу. Пуля попала в сердце».

И еще был пространный документ-протокол с заседания, где лучшие умы совещались, чтобы прийти к выводу, что же это за явление такое. Окончательного решения по протоколу действий в случае повторения ситуации (все-таки, уже третий раз случилось, пора было сделать какие-нибудь выводы...) так и не было принято, но кое-что интересное отметили. Например, что допдельгангеры появляются только у начинающих магов. Либо в момент пробоя, либо чуть до него, либо немного после. Что доктор Джекил и мистер Хайд не подходящая аналогия, потому что в том произведении обе личности пользовались одним и тем же телом. Допдельгангер же автономен. И бессмертен, если не убить оригинал. Правда, никто никогда не проверял, сможет ли он дожить до старости вместе с оригиналом. Допдели всегда начинали творить всякую дичь повышенной жестокости, а остановить его можно было только одним известным пока способом...

— Безрадностно, — заключил я, положив влажный все еще лист обратно на стол. — У меня была надежда, что можно отбиться от допдельгангера, если себя просто ранить. Я такое читал в одной книжке.

— Надо идти к бабке, — сказала Натаха. — Я таких гадалок видела, они может и умеют пыль в глаза пускать, но это когда дело такое себе. Когда какая-нибудь девка навядумывает себе что-нибудь и бежит исправлять. А с серьезными делами они так не поступают. Так что на нее вся надежда теперь.

— Тоже сомнительная, — я пожал плечами. Что-то с каждым следующим фактом становилось только хуже. Будто над ухом стояла вредная бабка, как в какой-то сказке, и все время напоминала, что «вот тут-то и смерть твоя пришла!» Почему-то на месте той сказочной бабки я сейчас видел исключительно Забаву Ильиничну. — Кроме того, Кащеев слышал, что она предложила помочь. Там может быть засада.

— К бабке я пойду, — сказала Натаха. — Как стемнеет. Ты, Боня, где-нибудь в кустах заляжешь, а я поговорю. А Гиена переулочок покараулит. У твоего Кашеева, может, и есть какие-то парни с оружием, которые с десяти метров в тебя промазали...

— Значит, ты больше на меня не сердись? — спросил я.

— Будешь должен, — ответила Натаха. — Сейчас чаю заварим, я там кренделей

принесла...

Ночное освещение в Уржатке было довольно скудным. Электрических фонарей туда не протянули почему-то, а в качестве какого-никакого источника света местные обитатели использовали бочки. До середины они были заполнены песком, а на верхней части пробито множество дырок. Когда хотелось, чтобы света было побольше, то в бочку швыряли охапку сухого хвороста. Если не было хвороста — любую тряпку. Если не было тряпки... В общем, принцип понятен. Большая часть этих бочек не подавала особых признаков жизни, только на дне слегка тлели угольки.

Мы с Натахой шли вместе, Гиена — слегка поодаль, делая вид, что вообще не имеет к нам отношения. По плану, мы тоже скоро должны были разделиться. Как только свернем к реке. И тогда я дойду до зарослей лопуха и там залягу, а Натаха дойдет до бабки и проверит, что у нее там с ясновидением. Ну и заодно удостоверится, что меня там не поджидают. Или что наоборот поджидают. В общем, разведка боем.

План оказался хорош, но только в теории. Почему-то при планировании этой замечательной акции, я как-то не вспомнил вовремя слова Йована и Бориса про эту самую Уржатку. «Перо под ребро», и все такое...

— Хоба-доеба! — ближайшая к нам бочка вдруг взвилась высоким пламенем. Яркие языки огня тут же выхватили из окружающего мрака довольно мерзкое лицо с маленькими глазками и крохотным же носиком. Если у него и было что-то большое на лице, так это рот. Толстые слюнявые губы растянулись в улыбке, обнажая широченную щель между передними зубами. — Это что у нас за краля такая в наших краях? И что это еще за какашка к вашей туфельке прилипла, мадмазель?!

Из окружающей темноты как будто бы соткалось сразу несколько фигур. Здоровый мужик с широкой черной бородой и здоровенной золотой серьгой в ухе. Высокий жилистый парень в тельняшке, сжимающий в руке мачете. Его я сразу же прозвал Морячок. Третий тоже был невысоким, как и Губошлеп рядом с бочкой, но я счел его опаснее остальных, потому что у него было ружье. И еще какое-то оружие, он ремни подмышечной кобуры случайно засветил.

— А вот милости просим, гости дорогия! — Губошлеп выскочил из-за бочки и отвесил издевательский поклон. — Точнее, гостья дорогая, конечно! — он, кривляясь, подошел к Натахе и шумно втянул носом воздух. Потом повернулся ко мне. — А ты, малохольный, если прямо сейчас сбежишь, чтобы пятки засверкали, то целеньким останешься. Ну а если неееет... Незванный гость, он же знаешь хуже кого?

Глава 20. Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана

— Есть другая идея, — сказал я. — Мы идем по своим делам, и вы идете по своим делам. И все мы делаем вид, что ничего не произошло. Как вам?

— Да ты борзый какой-то, как я посмотрю! — Губошлеп вышел из-за бочки и вихляющей походкой подошел к нам. Я глянул на Натаху. На ее лице — никакого волнения. Скучающая безмятежность. Только пальцы незаметно разминает. Со стороны может даже показаться, что волнуется. Я ухмыльнулся.

— Я, друг мой, как раз адекватно на вещи смотрю, — краем глаза я следил за обвешанным оружием недомерком. Похоже, тот пока не чувствовал никакой опасности. Ну или просто хороший игрок в покер.

— Вообще-то Кукуха дело говорит, — пробасил Борода. — Девушка такая тебе без надобности. Так что оставь ее нам, а сам топай куда шел.

— Эй, Корона, так это мы что ли оскорбление без ответа оставим? — Губошлеп обиженно надул губы.

— Так я вроде даже и оскорблять пока не начал, — я подмигнул Бороде и посмотрел на Губошлепа. — А девушку-то ты спросил, хочет ли она с вами остаться?

— Ох ты ж, цаца какая, спрашивать еще у нее! — Губошлеп протянул руку к груди Натахи. Она неувовимо увернулась, перехватила кисть и легонько совсем ударила чуть ниже локтя. Кость хрустнула. Тоже тихонько, но все услышали. Лицо Губошлепа побледнело, несколько секунд он стоял молча, как будто не мог поверить в происходящее. А потом заорал. Отскочил в сторону, баюкая сломанную руку.

Вот теперь недосказанностей не осталось. На меня бросился Морячок, выставив вперед мачете. Борода придвинулся ближе, расставил руки, собираясь перехватить Натаху. Недомерок повел стволом в нашу сторону, но стрелять сейчас он вряд ли будет, если не совсем идиот.

Я уклонился от двух резких ударов мачете, но ударить Морячка не получилось — длинные руки у него, зараза. Еще и быстрый, как змея.

Натаха крутанулась и достала Бороду в челюсть. Тот почти увернулся, но получил все равно чувствительно. И отскочила назад, умница моя, чтобы спину мне прикрывать. Мачете Морячка со свистом рассекало воздух, а сам он приплясывал и упруго качался из стороны в сторону. На лице — выражение болезненного азарта схватки. Адреналиновый наркоман этот парень, похоже.

Борода тоже выхватил нож и начал медленно надвигаться на Натаху.

Губошлеп ныл от бочки что-то неразборчиво матерное, я не прислушивался, но вряд ли он там желал нам доброго вечера.

Я понял, что если не рискну, то фиг я Морячка достану, так что я поднырнул под мачете и быстрым движением провел удар в печень снизу. Морячок хэкнул, дернулся, мачете просвистело у меня над ухом.

Неожиданно бахнул выстрел. Блин, я почти упустил из вида того недомерка!

Но стрелял не он...

— Братаны, чего не поделили? — из темноты появился Гиена. — Гуляю я, понимаешь, никого не трогаю, смотрю — кого-то бьют...

— Топай своей дорогой, бородатый! — процедил Борода.

— Вот ты не поверишь! — Гиена ухмыльнулся. — А я ведь как раз ей и топаю! А тут вы! Незадача какая! Ну-ка ружьишко положил свое, мозгляк!

Ствол дробовика Гиены почти уперся в бородатого. Недомерок насупился, бросил взгляд на Морячка.

— Натурально, парни, шли бы вы по домам уже, — примирительным тоном сказал Гиена, досылая в магазин еще один патрон. — Мы по делу. Пришли — ушли. Зачем вам эти проблемы?

Недомерок все еще нерешительно сжимал ружье, так ни на кого его и не направив.

— Эх, давно хотел попробовать! — Гиена нажал на спуск, и из ствола дробовика вырвалась длинная струя ослепительного пламени. Морячок повалился на бок, стряхивая огонь с рукава опаленной тельняшки. Бороду тоже слегка достало. Но эффект был скорее устрашающий.

— Мы вас запомнили... — процедил Борода, делая шаг в темноту. Беспольный вооруженный недомерок развернулся и припустил по улице. Морячок исчез последним. То есть, предпоследним. Губошлеп метнулся, было, за ними, но споткнулся и со всего маху грянулся об землю, прямо на свою сломанную руку. Завял, попытался отползти, но я встал у него на пути и наступил ботинком на здоровую руку.

— Куда торопишься, Губошлеп? — спросил я ласковым голосом. — А поговорить?

— Что ты ко мне прицепился? — проныл Губошлеп, поднимая на меня взгляд.

— Я прицепился? — удивился я. — Мы вообще-то шли по делам. Точнее, девушка шла. А мы просто ее провожали, чтобы ее такие, как ты по дороге не обижали.

Губошлеп бросил испуганный взгляд на Натаху и попытался отползти в сторону. Лицо его скривилось от боли.

— Вы тут разбирайтесь с ним пока, а я пойду, — сказала Натаха. — Далеко только не уходите.

— Слышь, Губошлеп, — говорю. — Эти твои подельники еще придут разбираться? Или бросили тебя нам на съедение?

— Да не придут они, — Гиена сплюнул. — Мелкая шантрапа, только на легкую добычу кидаются, видал таких тыщу раз.

— Иди, Натаха, мы тебя здесь подождем, — я убрал ботинок с руки Губошлепа. — Поднимайся, болезный.

— Тебе чего еще? Чего? — снова заныл Губошлеп.

— Да ничего, — я пожал плечами. — Так, поболтаем о том, о сем.

— А если я не хочу с вами болтать? — Губошлеп сел, придерживая раненую руку на груди.

— Могу тебе ногу сломать, чтобы выбора особо не было, — доверительно сообщил Гиена. На самом деле он вовсе не был расслаблен. Было заметно, что ушки на макушке, а палец на спусковом крючке.

— Да ладно тебе, Гиена, мы же не злодеи какие, — я усмехнулся.

— Так мы по-доброму сломам, — Гиена подмигнул Губошлепу. — Ты какую ногу больше не любишь, правую или левую?

— Слушай, Губошлеп, — сказал я. Не то, чтобы мне хотелось отвлечь мелкого бандита от перспективы сломанных ног, просто у меня и правда был вопрос, на который он мог знать ответ. — А за что мародеров в Уржатке не любят?

— Это что еще за допросики такие, фраер залетный? — к тону Губошлепа снова вернулись нахальные нотки. Правда ненадолго. Гиена ткнул его в плечо прикладом, и тот снова заныл. — Да потому что они Родю-Жабку измордовали!

— Ну-ну, жажду подробностей, — сказал я. — Что там была за история?

— Дык все и так знают же... — Губошлеп испуганно поднял глаза на Гиену. — Так это... Год назад Батько отдал своего сына в университет. Колдуном он оказался, хату чуть не спалил. А он мальчишка был скромный да худенький. А мародеры эти самые взялись его шпынять да тырсить. И утопили. Батько осерчал сильно. И тогда ихний главный вмешался...

— Чей главный? Мародеров? — спросил я.

— Да нее... Всего университета. Ректор, — Губошлеп хотел по привычке махнуть рукой, но тут же скривился от боли. — И сказал Батьке, что коли в Уржатку кто из мародеров придет, то можно его убить, и ничего за это не будет. А если они живые вернутся и хвастать будут, то он накажет так, что мало не покажется. Ректор там — кремень мужик. Тоже осерчал.

— Сильно, — я хмыкнул. Ну что ж, в принципе, понятно теперь, в чем тут затык. Я бы на месте ректора тоже мародерам захотел как-нибудь хвост прищемить. Затравить до смерти — это отстойная история... Впрочем, на них похоже. Стопудово даже виноватым себя особо никто не чувствует.

— А что, чужие к вам сегодня какие-нибудь не приходили? Не вынюхивали чего? — спросил Гиена.

— Кроме вас никого чужих не видел, — огрызнулся Губошлеп.

— Корона твой под Батькой ходит? — спросил я.

Но ответить Губошлеп не успел, потому что вернулась Натаха.

— Нет там засады, можешь идти, — сказала она. — Забава Ильинична знала даже, что я приду. Настоящая гадалка, такие никому не продаются.

— Пока, Губошлеп! — я махнул рукой бандиту и направился к дому гадалки. Мысленно я, конечно, иронично подумал, что такая убежденность, что кто-то не продается, конечно, похвальна, но я бы все равно не был настолько уверен...

В этот раз старуха ждала меня не во дворе. Если бы я точно не знал, что этот дом обитаем, то решил бы, что никого здесь нет. Табуретка, на которой она в прошлый раз сидела, валялась на боку, сам двор выглядел неприбранным и заброшенным. Дверь дома покосилась. Наверняка, если бы был ветер, то болталась бы на одной петле и стучала, добавляя общей зловещести атмосферы этого места еще пару баллов.

— Надо же, не испугался, — раздался голос старухи, как только я переступил порог. Она сидела на лавке за столом, перед ней чадно горела единственная свечка. Похоже, весь дом состоял из одной комнаты. Стол, пара скамей, печь, занимающая треть всего пространства, мутное окно и что-то, занавешенное куском черной ткани.

— Я бы испугался, Забава Ильинична, так у меня вроде как выбора особого нет, — ответил я.

— Ну иди ближе, будем смотреть, можно ли тебе помочь... — бабка, кряхтя, поднялась и, припадая на левую ногу пересекла комнату. Быстрым движением она дернула за угол ткани. Зеркало. Ну конечно. Волнистое, старое, кое-где изъеденное черными пятнами.

Я в нерешительности остановился. Оба прошлых раза все неприятности случались именно после того, как я смотрелся в подобное зеркало.

— Давай-давай, не боись! — подбодрила меня бабка, поправляя сползающий с головы

платок. — Дальше только страшнее будет!

— Успокоили, Забава Ильинична, — я криво ухмыльнулся и шагнул вперед. Глянул на свое отражение. Пока еще мое, парень за зеркалом выглядел и двигался в точности как я. Бабка достала из сумочки на поясе щепотку какого-то порошка, дунула на нее, распылив по поверхности зеркала. Пылинки замерцали, зеркало начало слегка светиться.

— Ну что, милый, повезло тебе, — сказала она. — Пока твой темный двойник только похотью питался, он еще не в полной силе. А вот ежели бы он крови отведал... Ты же тоже на поезде приехал?

— В смысле, тоже? — спросил я.

— Ой, да не цепляйся ты к словам, — отмахнулась бабка. — На поезде приехал, говорю?

— Да, на поезде, — я кивнул. — А что, есть еще кто-то...

— Эх, морока с вами одна, с безбилетниками... — пробормотала она и полезла рукой в другую сумочку на поясе. В зеркало полетела щепотка другого порошка. На этот раз без всяких светящихся спецэффектов. — Ну как, узнаешь своего... доппельгангера?

Я всмотрелся в отражение. Вроде бы, все было как раньше. Но то ли это игра теней от чадающей свечки, то ли и правда мое отражение начало слегка запаздывать с движениями. И выражение лица... Я должен был бы выглядеть напряженным и вглядывающимся, а мое отражение улыбалось краешком рта и подергивало правой бровью. Ага! Я сжал пальцы в кулак, а ладонь отражения осталась открытой!

— Да, вижу теперь, что там не я, — мне захотелось отвернуться от зеркала.

— Нет-нет, смотри, не отворачивайся! — бабка удержала меня за плечо. — Тебе сейчас ой как внимательно надо смотреть! Когда я открою проход, ты уже должен все о нем знать — повадки его проклятушие. Так что смотри, не отрываясь, не отворачиваясь. Пусть кривляется. Пока ты не спишь, он все равно оттуда выйти не сможет. А я пока зелье для тебя сварю...

Бабка отступила к столу и чем-то там загромычала. Резко запахло керосином и сеном. Мне было интересно посмотреть, чем она там занимается, но я решил, что лучше выполню то, что она сказала.

Я подвигал руками, потом поднял правую руку вверх. Отражение повторило мой маневр с запаздыванием на пару секунд. И руку подняло не так высоко. Не прямую вверх, а согнутую. Интресно, как я должен узнавать его повадки сейчас? Оно же просто делает вид, что за мной повторяет... Оно ни с кем не дерется, не делает спортивных упражнений... Хм, кстати! Я быстро упал в упор лежа. И сразу же вскочил. Отражение осталось стоять. Я подпрыгнул. Отражение тоже подпрыгнуло. Я подошел ближе, почти вплотную к зеркалу. Приблизил ладонь к стеклу. Отражение помедлило, потом повторило жест.

Хм. Если бы я имел дело с живым человеком, то решил бы, что у него почти нет боевого опыта. Не знаю, почему я так решил, просто вдруг уверенно подумалось. Странно вообще было думать такое про свое отражение, это же вроде как я сам и есть. С моими способностями и возможностями. Раз у меня есть боевой опыт, то и у него... Должен быть. С другой стороны, мы совсем даже не доктор Джекил и мистер Хайд, делившие одно тело на двоих. Насиловал Феодору не я, я в это время спал в своей постели. С Владой развлекался тоже не я. Меня Гиена разбудил. Значит, он все-таки другой человек.

Пожалуй, это хорошо. Так, наверное, легче.

Я посмотрел еще раз на его лицо. Возникло странное чувство, что если бы нас

поставили рядом, то мы бы не показались даже братьями. Похожи, вне всякого сомнения, похожи. Но как-то... метрически. Те же пропорции, но все остальное — другое.

— Готово зелье твое, — сказала бабка за моей спиной. — Садись за стол и пей. Потом ложись на лавку сразу, чтобы на пол не бахнуться.

Я неохотно отвернулся от зеркала. Быстро бросил взгляд на свое отражение. Оно все еще стояло лицом ко мне. Блин, эта фигня с отражениями просто не укладывалась у меня в голове! Вот сейчас мне казалось, что я конкретно так сплю. Ну не может же такого быть в реальности! Это же просто зеркало, как так?

Я сел на лавку напротив бабки, которая убирала примус в потрепанную картонную коробку. Передо мной стояла помятая жестяная кружка, до половины заполненная какой-то жижей. Я понюхал. Пахло чем-то аптечным. Как сироп от кашля или что-то подобное. Не противно, в целом.

— Пей давай, пока горячее, — повелительно сказала бабка. — Остынет — подогревать придется, а керосин нынче дорогой.

Я послушно взял кружку и сделал глоток. Зелье теплой волной прокатилось от головы до кончиков пальцев и легким толчком ударило в голову. На вкус — обычный лекарственный чай. По эффекту — будто полстакана коньяка замахнул одним глотком. Я поставил кружку и вытянулся на лавке.

— Забава Ильинична, а делать-то мне что надо будет? — спросил я.

— Спать, милый, спать, — ласково ответила она. — Закрывай глаза и спи. А то придет серенький волчок, а они, знаешь, любят кусать людей за что ни попадя...

— Я имел в виду, с двойником моим что де... — я замолк, не закончив фразы. Бабки в комнате не было. В углу рядом с дверью светился фонарь, которого раньше там не было. Тускло-оранжевый, почти ничего вокруг не освещающий. Кружки, из которой я пил, тоже не было. Стол был покрыт желтоватой льняной скатертью с длинной красной бахромой. Я поднялся с лавки и огляделся. Комната больше не выглядела заброшенной. На полу — полосатый половичок, окно отмыто до блеска, на окне — горшок с белой геранью. Печь сияет свежей побелкой. Заслонка отдраена до блеска. А на лавке рядом со столом — спящий я. Лицо безмятежное, рот слегка приоткрыт. «Надо же, как по-дурачки я выгляжу, когда сплю», — подумал я и посмотрел в сторону зеркала.

Оно было на месте. Только тумба и рама были не обшарпанными, а почти новыми, как будто лет сто назад, когда это зеркало сюда привезли и поставили. И стекло не волнистое, а идеально ровное. Никаких мутных разводов и темных пятен.

Наверное, мне туда? Ну, логично же, что если двойник выходит из-за зеркала, когда я сплю, то мне нужно подловить его там, в зазеркалье. Когда спит он?

Хм. Звучит это все, конечно, как сценарий какого-то мистического триллера.

Я стоял напротив зеркала и несколько секунд просто на него смотрел. Отражения моего за ним не было. На той стороне была комната бабки. В точности такая, как в реальности — потемневшее дерево, облупившаяся побелка на печи, никаких ковриков и фонарей, ничего такого. Я коснулся стекла пальцами, ощутил едва заметное давление, а потом пальцы прошли на другую сторону. Хм, прикольно. На этой стороне мои пальцы были полупрозрачными, а на той — словно обретали плоть.

Ну что, Лебовский, давай! Проверь, насколько глубока кроличья нора!

Или это из другой сказки?

Я забрался на тумбу, пригнул голову и решительно шагнул в зеркальный проем.

Глава 21. Лебовский в зазеркалье

Ощущение реальности происходящего не появилось. Просто реалистичный сон, не более того. Когда можешь потрогать, понюхать и попробовать на язык вроде бы все, что угодно, но все равно понимаешь, что спишь.

В комнате, кроме меня, никого не было. На столе стояла одинокая чадная свечка и помятая жестяная кружка. Я оглянулся на зеркало. Но оно не отражало ничего вообще. Просто темный стеклянный прямоугольник. Как будто окно в ночь.

Я пожал плечами. Мистика такая мистика. Как-то разбираться в символическом значении каждого предмета не особо своевременно.

Так, надо же что-то делать?

Я направился к двери. А может мне нужно какое-нибудь оружие? Вроде бы, мне надо убить своего доппельгангера, не голыми же руками мне это делать...

Я огляделся. Две скамьи, печь, закопченная заслонка, свечка и кружка. Мда. Скамейку от пола оторвать? Ну да, из меня тот еще Портос.

Ладно, будем действовать по обстоятельствам.

Все-таки это не совсем реальность, а какое-то зазеркалье во сне.

Я открыл дверь. Вместо двора Забавы Ильиничны я оказался в каком-то другом дворе. Гораздо больше и куда более ухоженном. Колода для колки дров, между столбов — веревка, с развешанными вещами. Длинный жилой барак, фонари над каждой дверью. Это же задний двор поместья Матонина в Новониколаевске! Что я тут делаю?

Движение справа. Я Плавным шагом я переместился в густую тень куста возле калитки. Мимо прошагал какой-то из Беков. На меня не обратил внимания. Или не заметил, потому что занят своими мыслями. Или просто он меня не видит.

Раздался гулкой удар гонга, а за ним — многоголосый восторженный крик. Значит там сегодня опять его кошмарное шоу. Интересно, это я правда в реальности за всем этим подсматриваю или все-таки просто сон?

Я проскользнул за калитку, повернул к вольерам. Прислушался. Осторожно сделал несколько шагов, заглянул в одну из клеток. Пусто. Во вторую. Никого.

Наверное, все-таки сон.

Ворота к арене распахнулись, по бокам открывшегося прохода вспыхнули два факела.

Эй! Я же не был так близко к входу! Почему, черт возьми...

Непреодолимая сила вытолкнула меня на засыпанный песком и опилками круг. Трибуны снова взорвались азартными воплями, ударил гонг.

Только вот трибуны были пусты.

Все, кроме одной ложи. Там сидели Юрий Матонин, Талтуга и еще один парень, чье лицо было скрыто широкими полями шляпы. Талтуга встала и вскинула руки. Ее темные волосы взвились облаком вокруг головы. Снова ударил гонг.

Я понял, что на арене я не один. Что с другого ее края стоит зеркало. Ростовое, в облупленной деревянной раме, с волнистым стеклом. Поверхность изъедена черными пятнами.

Талтуга хлопнула в ладоши, и зеркало засветилось. Мое отражение двинулось вперед, перешагнуло через раму и тоже ступило на арену. Зеркало за спиной моего доппельгангера тут же рассыпалось на миллиард крохотных осколков. Как будто взорвалось...

У другого я было самоуверенное лицо и глумливая улыбка. Он тоже был одет в черный костюм, только вот в руках у него был длинный кинжал. Я посмотрел на свои пустые руки. Ну что ж, на этой арене только один вид оружия, значит нужно будет воспользоваться им.

Осталось всего ничего — придумать, как отобрать его у моего двойника.

Рукопашный бой может пригодиться солдату только в том случае, если этот раззява продолбал свое табельное оружие и оказался настолько бестолковым, что выпал на противника лицом к лицу. То есть, вот как я сейчас. На самом деле в рукопашке я был неплох, по крайней мере для моего не особо внушительного веса. Моими главными преимуществами всегда были скорость и быстрая реакция. Но в этот раз против меня был я сам. Причем еще и с ножом. Значит никаких преимуществ у меня нет.

Первый удар я пропустил. Мой двойник показал заход справа, но уже в движении поменял направление и полоснул меня по левой руке. Я отскочил, но опоздал на долю секунды. Лезвие скользнуло по предплечью, и я почувствовал, как рукав стал мокрым.

Боли не было. Это хреново. То есть, в чем-то хорошо, но если так и дальше пойдет, то нужно быть внимательнее.

Потом мой двойник провел серию быстрых ударов, от которых я благополучно увернулся.

Так мы танцевали друг вокруг друга, как отражения в зеркале.

Собственно, почему как?

Надо как-то выбить у него нож. Но как? Такое ощущение, что он читает мои мысли и знает каждое мое движение еще до того, как я его сделаю.

«Ты слишком много думаешь, Лебовский! — вспомнил я слова тренера. — Твое тело знает, как победить, просто не мешай ему!»

Я вдруг понял, что допельгангер избегает моего взгляда. Отводит глаза быстрым неуловимым движением каждый раз, когда я пытаюсь его поймать.

— Эй ты, двойник! — выкрикнул я, чувствуя как где-то внутри зарождается огонь ярости. — Ты же мое отражение, почему ты на меня не смотришь?

— Почему ты уверен, что не ты — моё? — спросил он и громко захохотал.

— Философские споры, фу! — я отступил на шаг назад, не оставляя попыток поймать его взгляд. Очень странное ощущение. Он был похож на меня и не похож в то же время. — Ты же знаешь, что умрешь, если убьешь меня?

— И ты поверил в эту трескотню? — допельгангер сделал длинный шаг, обходя меня слева. — Я просто займу твое место придурок. Никто и не заметит подмены.

— И кто же тебя просветил, зазеркальный? — спросил я.

— Ты лучше спроси, почему он тебе об этом забыл сказать, — двойник подмигнул и попытался провести удар. Я уклонился и отступил.

— И что же ты собираешься делать, заняв мое место? — спросил я. Честно говоря, я не столько пытался вытянуть из него ответы, сколько поддерживал разговор и концентрировался на нем. Чтобы не обдумывать свои действия и движения. Чтобы тренированное тело само решало, что лучше.

— Посмотришь сам, как всегда, — он снова захохотал и выбросил вперед руку с ножом. Уклоняться я не стал, потому что этот удар меня бы точно не достал. — Ты же уже смотрел, помнишь? Вот и дальше так будет, только все время. Признайся, в глубине души тебе понравилось то, что ты увидел!

— А как ты объяснишь, что все предыдущие допельгангеры погибли, когда убили

оригиналы? — спросил я. Ну же, давай, двойник! Покажи мне свои глаза!

— Как ты меня назвал? — брови двойника удивленно взлетели вверх, и взгляд его на какую-то долю секунды задержался на моем лице. Но этого хватило, чтобы я «вцепился» в его зрачки. Там, в глубине его... не знаю, можно ли назвать внутренний мир доппельгангера «душа», но пусть будет в глубине души, что уж... Там я увидел страх. Он не понимал, что я делаю. Не мог предугадать мои движения и это сбивало его с толку. — Я вовсе не доппельгангер, это глупость какая-то. Какие-то фантазеры придумали, а ты повторяешь. Ты знаешь, что ты слишком доверчивый?

— Знаю, — сказал я и снова поймал его удивленный взгляд. Хоп! В тот момент, когда его глаза смотрели в мои, он в точности дернул левой рукой как и я. Показалось? Или он не случайно все время прячет глаза?

— Тебя не должно здесь быть, — сказал он. — Если я отправлю тебя обратно, то куплю билет.

— Не знаю, кто там тебе нассал в уши, двойник, — я снова сделал шаг назад. Уже почти к краю арены. — Но раз я здесь, значит так и надо. Интересно, а воспоминания мои у тебя тоже есть? Или только то, что тебе этот некто рассказал?

Хоп. Я зацепил его взгляд и провел удар в правую руку. Кисть вывернулась, кинжал выпал на смесь песка и опилок. Он бросился вперед, чтобы его поднять, но я пнул его в подбородок, когда он наклонился.

Кажется, сломал ему челюсть. Из уголка его рта потекла кровь. Он прошипел что-то невнятное и сжал руки в кулаки.

— Зачем тебе нож, двойник? — спросил я. — Порежешься еще.

Он сделал вид, что хочет броситься на меня, но сменил траекторию и опять рванулся к ножу. Я быстрым движением прыгнул к нему на спину, и он растянулся на арене. Сжав правой рукой рукоятку этого злополучного кинжала. Я навалился всем телом, не давая ему пошевелиться. Прижал правый локоть, а левой рукой схватил его за лицо. Он зарычал и попытался меня стряхнуть. Но с его, то есть моим, весом это сделать не так-то просто. Я с размаху ударил его локтем в предплечье. Хрустнула кость, пальцы разжались.

Не думай, Лебовский. Просто делай.

Я схватил нож и быстро всадил его своему двойнику под правую лопатку.

Он дернулся. Замер. И обмяк.

Раздался удар гонга.

Ну а теперь что?

Я встал и перевернул его тело лицом вверх. Лица у него больше не было. На арене передо мной лежала тряпичная кукла, одетая в костюм, как две капли воды похожий на мой.

Интересно, как это выглядело для зрителей этого боя?

Лебовский дрался с Лебовским.

Победил Лебовский.

Круто.

Пустые трибуны взорвались возмущенными криками. Кажется, моей победе не сильно радуются.

Талтуга вновь хлопнула в ладоши, волосы ее снова окружили голову черным нимбом. Человек в шляпе склонился к уху Матонина и что-то ему прошептал. Пламя факела на миг осветило его лицо. Что это? Еще один доппельгангер?!

Нет, все-таки показалось... Совсем не похож, просто сложение и тип лица близкие. Но

кто это? Я его не видел раньше...

Мир замерцал, как зеркало, когда Забава Ильинична осыпала его порошком. Над человеком в шляпе на миг появилась тень старика и зыркнула на меня злобным синим глазом.

Я сделал шаг вперед и...

Проснулся.

Не удержав равновесие и обрушился со скамейки на пол. Чадная свеча почти догорела, и Забава Ильинична как раз поджигала от ее пламени новую. Коряво слепленную, сероватую. Фитиль потрескивал, чадил и разбрасывал искры.

— Ну вот видишь, справился, — сказала старуха. — А ты боялся!

— Я бы боялся больше, если бы точно знал, что меня ждет, — пробурчал я, поднимаясь на ноги.

— Шрам теперь только останется навсегда, но тут уж ничего не поделаешь, такова цена... — узловатые пальцы старухи коснулись моей левой руки. Рукав пиджака был промокшим от крови, но целым.

— Забава Ильинична, а вот тот человек, которого я там видел... — начал я.

— Ничего не скажу, как хочешь, так и понимай, — старуха скрестила руки на груди и поджала губы.

— Но это вообще что-то реальное? Или просто какой-то образ внутри моего подсознания? Типа, антураж, который мне кажется наиболее логичным для единоборства, плюс парочка ярких воспоминаний... — Я почесал затылок.

— Как хочешь, так и понимай, — снова повторила бабка. — И ступай уже, поздно, мне спать давно пора.

— А сколько я вам должен, Забава Ильинична? — спросил я, потянувшись к карману, куда предусмотрительно сунул пару сотен соболей.

— Пятьдесят соболе сеанс, — сказала она. — Положи на стол и проваливай.

Ну что ж, проваливать так проваливать. Я положил купюры на стол и вышел в густой мрак Уржатки. Ни одна из бочек уже не горела, из уличного освещения — только отблески луны над стеной. Так даже лучше. По темноте мне не впервой пробираться, да и меньше людей увидит мое лицо.

К особняку Егорова я подошел уже не особо таясь. Я точно был уверен, что сегодня не пятница, так что просто постучал в дверь. Незнакомый бледный слуга открыл мне и исчез в глубине коридора. Я прислушался. Похоже, у хозяина были гости. Из гостиной доносились голоса, негромкий смех и звон бокалов.

Я тихонько повернул в сторону своих комнат. В общей гостиной было темно, двери спален прикрыты. Не знаю, сколько именно я отсутствовал, но до утра еще явно было далеко. Я включил лампу, снял пиджак и рубашку. Надо было осмотреть, что там у меня за рана.

Она выглядела как и должна — длинный косой порез на предплечье. Кровь уже свернулась, и в тусклом свете лампы шрам смотрелся черным. Странно как-то, такие раны обычно надо зашивать...

С другой стороны — меня вообще ранили во сне, так что какие уж там общие правила?

Я умылся остывшей водой. Открыл сундук, достал оттуда подушку и одеяло. И понял, что спать совершенно не хочу.

Что какая-то важная мысль не дает мне покоя.

Что-то насчет того, что я тоже приехал на поезде. Тоже — это в каком смысле?

Я схватил папку Мирослава Бедного и развязал шнурок. Внимательно перечитал первую страницу.

Да, все верно. Прибыл на поезде в Новониколаевск, куплен на торге господином Крюгером. Вольноотпущенный. Как я пропустил эти строчки?

Наверное просто не сюда смотрел. Меня гораздо больше интересовал период после появления доппельгангера.

Скрипнула дверь, и в гостиную вышла заспанная Натаха. Она накинула на ночную рубашку легкий халатик в цветочек. И смотрелось это так уютно, что я расплылся в улыбке.

— Ну как, у тебя получилось? — спросила она задержав взгляд на черном шраме у меня на руке.

— Да, — я кивнул, перебирая бумаги давно умершего студента в поисках еще каких-нибудь важных вещей, которые я пропустил, когда просматривал папку в первый раз. — Во всяком случае, Забава Ильинична сказала, что я справился.

— Значит и правда все хорошо! — она сделала быстрый шаг ко мне и обняла меня. — Только сейчас поняла, что могла тебя никогда больше не увидеть! Почему мне это раньше в голову не пришло?

— Хорошо, что не пришло, — пробормотал я, вдыхая запах ее восхитительных рыжих волос. — Я и сам старался об этом не думать. А сейчас даже закурить от облегчения хочется...

— У Гиены где-то есть махорка, может принести? — прошептала Натаха, даже не пытаясь отстраниться. Я помотал головой, сжимая объятие крепче. Она не сопротивлялась. Да уж, если бы она захотела прервать объятие, то ей одного движения пальцем хватило бы, чтобы меня отшвырнуть!

Почему-то это действовало очень возбуждающе. Ее неженские стальные мускулы и легкомысленный халатик. Поставленный удар и фантастические волосы! Как же так, она ведь боец, каких мало, но все равно продолжает ухаживать за своей невероятной косой, хотя это, должно быть очень мешает.

Я чуть отстранился и посмотрел на ее лицо. Она прикрыла глаза, ее розовый губы изогнулись в нежной полуулыбке. Я коснулся ее губ своими губами...

— О, Боня, здорово! — громко сказал Гиена, появляясь на пороге своей спальни. — А я думаю, что тут за шебуршение такое. Все чики-пуки?

— Ага, — разочарованно сказал я. Натаха тут же отстранилась. Хорошо хоть не стремительно оттолкнула меня и не сделала вид, что ее застукали за чем-то постыдным. А нежно так, с сожалением. Я задержал взгляд на ее лице. Щеки слегка порозовели. И она была такой красивой в этот момент, просто ах! Несмотря на некоторую сонную помятость.

— А что уже утро? — Гиена зевнул. — Эти шторы жуткие просто сбивают меня с толку! Три часа ночи! Эй, ну и что не спим?

— Только пришел, хотел кое-что проверить, — я кивнул на разложенные по столу бумаги. — Идите спать, я сейчас все равно вряд ли усну. Утром все расскажу.

Натаха встала, поймала пальцами мою ладонь. Сжала. Наградила долгим многообещающим взглядом, от которого я просто воспарил в небеса. И скрылась за своей дверью. Гиена набулькал себе из стеклянного графина стакан воды, жадно выпил, почесал живот. Подмигнул похабненько так. И тоже ушел.

Очень хотелось последовать за Натахой. Но сама мысль, о том, что за стенкой

ворочается Гиена и подслушивает, как-то отбила все желание.

Я еще раз просмотрел бумаги Мирослава Бедного и сложил из обратно в папку.

Ну что ж, одна проблема решена, теперь можно браться за вторую? Синклер, Йован и Борис меня, должно быть, уже потеряли. Надо будет еще изобрести способ вернуться в универ так, чтобы меня на подходе не пристрелили...

Я отложил папку парня и потянулся за папкой девушки. Развязал завязки и разложил на столе заскорузлые высохшие листы со слегка расплывшимися чернилами.

Ну что, Катрина Крюгер-Куцевич, настало время узнать и твои тайны.

Глава 22. Шерше ля фам

А милейшая Катенька, меж тем, оказалась личностью куда более занимательной, чем Мирослав Бедный! И даже чудовищное многословие и пафосность ее «комментатора» эту историю не испортили. В этом секретаре явно умер автор эпического фэнтези, ну или не крайний случай — бесконечных саг о бледнолицых, но благородных вампирах.

Продираясь через описания погоды, стихи и чуть ли не гекзаметр, я уяснил, что Катерина поступила в университет вовсе не потому, что была талантливой, ну или хотя бы переспала с кем-то из руководства. Ее взяли по договору с семьей Крюгеров. Дело в том, что земля, на которой построили университет, когда-то принадлежала этим прусским пивоварам, обосновавшимся в Томске. И взамен за то, что Крюгеры ее уступили, они пожелали, в частности, чтобы любой отпрыск семьи Крюгеров мог обучаться в университете бесплатно, без экзаменов и вообще без каких бы то ни было условий. Договор был скреплен магической печатью, так что послать Катеньку лесом не смогли. Пришлось принимать.

Кстати, поступать она явилась в ночь глухую, под дождем и с одним небольшим чемоданом. И наотрез отказывалась куда-либо уходить. Вообще в 1937 году, когда все это происходило, женщин в университете было не то, чтобы много. Вроде и не запрещалось, но как-то не приветствовалось. А Катенька, помимо всего прочего, оказалась девочкой вздорной, капризной и... очень глупой. Медицинский факультет, который обычно выбирали девушки, которые вообще приходили в университет, оказался ей сразу не по зубам. Она падала в обморок от вида крови, при виде любого нездоровья, типа сыпи, или, там, нарыва, бледнела и начинала блевать. Для инженерно-технического требовались хотя бы базовые познания в математике, как, впрочем и для бухгалтерско-юридического. Ее определили на историю, спихнув шефство над девочкой тогдашнему декану. Который сначала вроде образовался, но потом много раз пытался упрямить семью Крюгеров или Куцевичей забрать свое бесталанное дитя домой. Письма с отказами были подшиты к делу. Дед девочки был лаконичен и ограничился простым «нет», Гаврила же Куцевич сообщил, что «ему это отродье дома даром не нужно. Можете хоть убить и сбросить в канализацию, плакать не стану».

Да уж, девочка прямо-таки умеет заводить себе друзей! В общем, дальше — больше. Годы шли, она толком никак не училась, но никуда не уходила. Табелки, иллюстрирующие ее «успехи» тоже были подшиты к делу. Ее даже ректор пытался убедить уйти, но ему тоже не удалось — Катенька осталась. И вроде даже ей подобрали какое-то дело по душе и способностям — переключивать какие-то бесполезные бумажки в библиотеке.

И вот в библиотеке она как раз что-то интересное и нашла. Катенька не была магом. Очень хотела, буквально таки каждый год требовала, чтобы ее проверили на заубердетекторе, не зародился ли в ее белокурой головке особенный дар. Объяснения, что результат не меняется в течение всей жизни ее не устраивали. В общем, проще было посадить ее в кресло и протестировать, чем выслушивать ее нытье, угрозы и вопли. Результат все равно получался одним и тем же — бесталанна в этой области тоже.

Честно говоря, я к этому моменту уже больше сочувствовал этой девушке. Комментатор с таким очевидным удовольствием описывал любое ее поражение, что я начал думать, что это писал здорово пристрастный человек.

Зато он наконец-то написал, как она вообще оказалась в мызе. Книжка, которую она

откопала, была про нечисть и способы поставить оную себе на службу. И обрести таким образом некое могущество. Назывался сей образец оккультного творчества «Кодекс тварей потусторонних и злокозненных, коих мы по недомыслию и недоумию называем нечистью». Автор — некто Кузьма Кузьмич Козимов. Незакрытый билет из библиотеки был подшит к делу тоже. Старец Мыккла, к которому она обратилась за помощью, помогать согласился только в обмен на то, что она поселится в той самой мызе и наведет там женский уют.

Что конкретно произошло в мызе в ночь на второе февраля 1979 года, никто не видел. Застали только результат — Мыккла мертвый, сердце вырвано прямо сквозь грудную клетку. Катенька сидит рядом с ним, качается, мычит, лицо и руки в крови. Ну чисто вырвала сердце и сожрала его!

Отправить ее в психушку удалось не сразу. Сначала она почти пришла в себя, снова заговорила, чему никто не обрадовался. Только вот потом за ней начали по следам порхать призраки и еще какая-то более экзотическая нечисть.

И этот факт в конце концов позволил упечь ее в психушку.

Пометки о смерти не было. То есть, она вполне могла быть жива. А что? Судя по тому, с каким надрывом ее описывал сначала один комментатор личного дела, а потом второй, прожить такая особа должна как минимум лет сто. А ей, как подсказывает несложный подсчет, сейчас должно быть девяносто девять.

А вот что осталось реально непонятным, так это достала она те злополучные семнадцать соболей или нет. По косвенным признакам, богатой она не была. Но было реально неясно, что ей помешало дойти до дома своего настоящего отца и под любым предлогом пошарить с тайнике. Понятно, откуда коробка взялась в мызе — Катенька там бывала, и даже более того — оказалась причастной к ее долгому заключенному состоянию. Но вот клад...

И еще кое-что. Автор упоминал, что девушка вели дневник и скрупулезно записывала чуть ли не каждый свой шаг. И была книга, которую она так и не вернула в библиотеку. В тайнике этих предметов не оказалось. Имело ли смысл сейчас их искать, или на самом деле пофиг? Ну, мало ли, чем развлекалась на досуге вредная девица Крюгер?

Интересно, а где здесь психушка? Может быть, просто сходить и спросить о ней? Ну, несложно, в прицнипе, за спрос денег не берут...

Натаха проснулась первой. Из-за штор мне казалось, что все еще ночь, но история Катеньки Крюгер оказалась настолько занимательной, что на часы я не смотрел, а рассвет просто не заметил.

— Натаха, — говорю. — А ты не знаешь, случайно, где в Томске психиатрическая больница?

— И тебе доброе утро, Богдан, — буркнула Натаха. — За стеной она. Туда со всей Сибири раньше психов свозили. Да и сейчас, наверное, свозят...

— А почему за стеной? — спросил я.

— Так кто же психушки в центре города-то строит? — Натаха пожала плечами. — Разбегутся еще придурки эти...

Натаха ушла умываться. Проснулся Бюрократ. Торопливо умылся, вслед за Натахой, оделся по-быстрому, нахлобучил шляпу, схватил портфель с какими-то бумагами и ушел.

— Я на рынок за свежим молоком к завтраку, — Натаха снова появилась на пороге своей спальни, уже одетая в уличное платье. Я никак не мог привыкнуть к тому, что девушка, проламывающая черепа ударом кулака, занимается домашним хозяйством.

— Давай я составлю тебе компанию, — я поднялся. — Кстати, на Толкучем рынке есть заведения, в которых кормят завтраком? Кофе, там, подают, булочки всякие...

— Наверное, — Натаха пожала плечами. — Я не интересовалась.

— Так давай же поинтересуемся! — сказал я с энтузиазмом. — Заодно расскажешь мне, чем вы тут без меня занимались. Ну и сумку с продуктами потом помогу до дома донести.

— Ну... ладно, — Натаха посмотрела на меня с сомнением. — Только кофий я не люблю.

— Значит будем пить компот, — сказал я. — Или кисель. Или квас. Да пофиг, что! Давай прогуляемся, в общем! Отпразднуем, так сказать, мое второе рождение. Я же вроде как только что смерти избежал.

Утренние заведения на Толкучем рынке были. Целых два. При магазине от пекарни Крюгера была чайная, а второе работающее с утра — «Пышечная мадам Зизи». Мы устроились за уличным столиком под полосатым навесом-маркизой, заказали себе тарелку пышек, Натаха взяла стакан киселя, а я — кофе. Правда, очень быстро пожалел о своем выборе. Это оказалась невозможная какая-то гадость.

— Лучше всех у нас Бюрократ устроился, — рассказывала Натаха. — Он оказался тут настолько нужным человеком, что его, кажется, каждый день разные конторы к себе заманивают. И деньгами обещают платить, и всякой натурой. Вчера вот оленины вяленой приволок шмат здоровенный. Гиена выбирает пока. Ему предлагают вышибалой работать, а он носом крутит. Мол, он слишком умный для вышибалы.

— А ты? — спросил я, хватая очередную пышку. Жирные колечки, посыпанные сахарной пудрой. Практически такие же, как в прошлой жизни.

— А я пока никуда не устраивалась, — сказала Натаха. — Вроде как, присматриваю за домом.

Я хотел еще о чем-то спросить, но замолчал. Нахмурился и напрягся. К нашему столику приближалась безмятежно улыбающаяся Феодора. Опять в своем монашеском одеянии, на плече — холщовая сумка. Совсем такая же, как и у Натахи. Ей-то зачем на рынок за покупками? В университет же всех кормят в столовой...

— Привет, Лебовский, — сказала она, бесцеремонно усаживаясь на стул, напротив меня. — Надо же, а ты живее всех живых, оказывается. Ходили слухи, что тебя убили.

— А может это вовсе не я? — я подался вперед. — Может это мой злой двойник меня убил и занял мое место?

— Фи, глупости какие! — Феодора презрительно скривила губы. — Доппельгангеры не живут без оригиналов. Может представишь меня своей спутнице?

Феодора оценивающим взглядом посмотрел на Натаху.

— Какой я невоспитанный болван, право слово, — я усмехнулся. — Натаха, это Феодора. Медицинский факультет, верно же? Я пока не до конца разобрался в иерархии карателей.

— Не очень люблю это название, но да, медицинский, — Феодора продолжала сверлить Натаху взглядом.

— А это Натаха, — сказал я и понял, что понятия не имею, как продолжить.

— Разве монашки могут учиться в университете? — спросила Натаха. — Я думала, что у них какие-то свои учебные заведения.

— Я не совсем обычная монашка, — Феодора перевела взгляд на меня. — Ярослав Львович приказал к тебе не приближаться, если я вдруг тебя увижу.

— И как только ты меня увидела, то приказ ты нарушила, конечно, — я хмыкнул.

— А я вообще странная, — Феодора смотрела на меня. Я почувствовал, как ее босая ступня коснулась моего бедра под столом. Мне потребовалась вся сила воли, чтобы никак не отреагировать на этот ее жест. Ее губы приоткрылись, дыхание стало прерывистым и взволнованным. На щеках заиграл румянец. А ее уверенно продвигалась по моему бедру вверх. Какого черта она делает?!

Повисла неловкая пауза.

Так, соберись, Лебовский! У меня мелькнула в голове какая-то мысль, как только я ее увидел. Но это было еще до того, как она решила поиграть своей ступней. Я даже вроде бы обрадовался, когда ее увидел. Ах да. Она же могла передать Йовану, что я жив и честно занимаюсь своей частью работы. Только вот как ее об этом попросить?

— Сегодня будет очень жарко, — медленно сказала Феодора и провела ладонями по груди. Ткань натянулась, обрисовывая ее роскошный бюст в мельчайших подробностях. По своему всегдашнему обыкновению, она под монашеским одеянием носила только свое голое тело.

— Слушай, Феодора, — я на пару секунд замолчал, закрыв глаза. Мне уже реально нужно было как-то начать разговор, а то неловкость ситуации крепла с каждым феодориным глубоким вдохом. — У меня больше нет доппельгангера. Я его убил сегодня ночью.

— О!?! — Феодора настолько удивилась, что даже убрала от моего паха свою ступню. — А ты не выдумываешь? Ни у кого не получалось же...

— Но тут есть другая проблема, — я подавил вздох облегчения. — Если я вернусь в университет, то в меня ведь снова будут стрелять?

— Ой... — Феодора очень театрально подтолкнула ложечку к краю стола, и та со звоном упала на деревянный настил уличного кафе. — Я такая неловкая... Не поднимешь, Лебовский?

Продолжает игры? Я склонился под стол. Ну да, конечно...левой рукой, той самой, которой сбросила ложку со стола, Феодора быстро дернула подол вверх, продемонстрировав еще раз полное отсутствие под рясой белья. А в правой... А в правой руке у нее был пистолет. Крошечный, практически как игрушка. Но в упор такой вот бэби-браунинг убивает с таким же успехом, как и его полноразмерные собратья. Феодора показательно убрала палец со спускового крючка и демонстративно убрала оружие в крошечную кобуру на бедре.

Я поднялся обратно.

— И что это значит? — спросил я.

— Это значит, что я попробую тебе поверить, Лебовский, — сказала Феодора почти нормальным тоном. Человеческим. Без кривляний, ужимок и игр. — Ты хочешь что-то через меня передать, верно? Кому?

Я мысленно перебрал в голове варианты тех, к кому я мог бы отправить Феодору с известием. Первым напрашивался Кащеев. Это же он начал на меня охоту, значит и закончить может. Только вот говорить мне с ним не очень хотелось. Еще надо было маякнуть Йовану. Но это терпит, сначала я хотел добраться до психушки и убедиться, что Катенька умерла. Ну или в том, что она жива. Но отправлять Феодору к Йовану, это как-то... Гм.

Был еще и третий, кто был в курсе.

— Ларошеву, — решил я. — Передай Ларошеву, что со мной все в порядке.

— Бабке-Ёжке? — с сомнением нахмурилась Феодора. — Ну, как знаешь, конечно...

— Думаю, Кашееву ты и без моих просьб все расскажешь, — я пожал плечами.

— Так пока нечего рассказывать, — Феодора поднялась со своего стула, подошла ко мне и наклонилась так, что ее грудь коснулась моего плеча. — Надеюсь услышать всю историю, — прошептала она. — Как ты там любишь говорить? Жажду подробностей... —

Феодора выпрямилась и посмотрела на Натаху. — Мне уже пора. Приятно вам провести время. Я поговорю с Ларошевым. Если он трезвый, разумеется.

Она повернулась и неспешно скрылась в утренней рыночной толпе. Я некоторое время молча провожал ее взглядом.

— У меня от нее мурашки... — проговорила Натаха. — Она же не монашка, верно?

— Ага, — я кивнул и решил, наконец, посмотреть на Натаху. По ее лицу понять что-то было сложно. Но от безмятежной утренней неги не осталось никакого следа. Что ж, надо признать, что до появления Феодоры наше свидание было очень милым, но сейчас точно нечего и думать о том, чтобы эту атмосферу вернуть назад.

Значит можно было заняться другими делами.

— Слушай, Натаха, тут такое дело... — начал я. Она сначала нахмурилась, ожидая, что я продолжу разговор про Феодору, но я по-быстрому изложил ей историю про ворованов, тайник и семнадцать Золотых Соболей. А потом про личное дело Катеньки Крюгер, которое я читал до утра. Вместо хмурого недоверия на лице Натахи снова появился азарт, глаза заблестели.

— Ты хочешь, чтобы мы сходили в психушку и проверили, не живет ли там эта Катенька до сих пор? — деловито спросила она.

— Все так, Натаха, — я кивнул. — Может получится выяснить, почему она не стала баснословно богатой, раз отец оставил ей такое наследство.

— Тогда пойдем, — Натаха быстро вскочила, сцапала с тарелки последнюю пышку и сунула ее в рот.

— Только нам от этой добычи достанется не так много, — сказал я, тоже поднимаясь. — Остальные мародеры, все такое...

— Немного добычи и нисколько добычи это в любом случае разные вещи, — философски заметила Натаха. — Идти дотуда вроде не очень далеко должно быть, часа два наверное. Но может попутку поймает, я эти места знаю только по чужим описаниями. За Гиеной будем заходить?

— Да ну, зачем? Мы же не драться с кем-то идем, — я легкомысленно махнул рукой. — Да и места цивилизованные. По-быстрому сбегает туда-обратно, не будем отвлекать Гиену от поиска работы.

— Я бы оружие взяла, конечно, но кажется почти в любой лечебнице его приходится все равно на входе оставлять, — сказала Натаха.

— Значит обойдемся без дробовиков, — я подмигнул, и мы свернули с Толкучего рынка на улицу, ведущую к внешним воротам.

Глава 23. Чертово колесо

Огромное медленно вращающееся колесо было видно издалека. Оно возвышалось над вершинами сосен, как будто впереди была не психиатрическая клиника, а парк развлечений. Только никаких кабинок на этом колесе не было, было что-то вроде лопастей, как будто впереди была гигантская водяная мельница. Не то, чтобы я был большим специалистом в устройстве психиатрических клиник, но для чего там может быть вот такая вот конструкция, я не имел никакого представления. Натаха тоже недоуменно пожалала плечами, так что нам ничего не оставалось, как разобраться, что это такое, на месте.

Честно говоря, даже не знаю, чего именно я ожидал там увидеть. Высокий забор, вроде того, которым окружил свое поместье Матонин? Мрачные постройки из красного кирпича? Унылых психов в смиренных рубашках, медленно гуляющих по кругу?

Но хорошо накатанная дорога привела нас в место, похожее скорее на загородный санаторий в этническом стиле. Никакого забора или чего-то подобного. В основном лесу на изрядном расстоянии друг от друга стояли большие бревенчатые избы. Вместо ворот — два высоких деревянных идола. Которые, может, и выглядели бы мрачными, если бы не яркие краски, которыми они были расписаны. Стиль этой росписи не вызывал вообще никаких ассоциаций. На идолы каких-нибудь индейцев больше всего были похожи. А вот привлекшее наше внимание колесо оказалось в стороне от дороги, и его основание было от нас скрыто густыми кустами.

— Это точно лечебница? — спросил я.

— Парни на воротах сказали, что сюда надо идти, — Натаха остановилась и огляделась. — Вроде бы, никаких других поворотов не было...

— Я как-то иначе, наверное, это все представлял, — сказал я и решительно направился к ближайшему дому, рядом с которым стояли примерно такие же столбы, как и на опушке, только значительно меньше.

Вежливо постучал в добротную деревянную дверь, на которой не было даже следа замочной скважины, петель или еще чего-то подобного. Странно как-то. Какая-то удивительная самоуверенность и вера в людей. В Томске даже внутри стен все дома закрывали, хотя по слухам он был чуть ли не самым безопасным городом во всей Сибири.

— Подожди, — тревожно прошептала Натаха и схватила меня за рукав. — Кажется, я знаю, что это!

— И что, нам уже пора убегать, сверкая пятками? — спросил я.

— Это Грустина, — сказала Натаха. — Точнее, вход в нее. Сам город под землей.

— Ничего не понял, но название невеселое, — сказал я. — Это какая-то тюрьма?

— Входите, не заперто! — раздался из-за двери мужской голос. Я вопросительно посмотрел на Натаху. Та развела руками. Лицо ее было удивленным и слегка встревоженным, но все-таки не испуганным. Так что что бы такое ни было эта загадочная Грустина, ничего конкретно жуткого в нем вроде бы не было.

Изба внутри оказалась не разделена ни на какие комнаты — просто пустая бревенчатая коробка. Никакой мебели тоже не было, будто построена эта изба была только как декорация, чтобы снаружи создавать впечатление привычного вида дома. Даже пол был земляным. И в центре этого... гм... павильона стоял невысокий мужчина, который сначала мне показался древним старцем — у него были длинные белые волосы и такого же цвета

борода практически до пояса. Он просто стоял в центре. Сидеть здесь было не на чем.

— Вы хотите поместить кого-то к нам, не так ли? — спросил он.

— Эээ... Нет, скорее наоборот, — сказал я. — Узнать об одной пациентке.

— Ну что ж, тогда спрашивайте! — белобородый развел руками. Говорил он чисто, но с каким-то акцентом. Я бы сказал, что с финским, растягивая буквы. Ну и еще стало понятно, что никакой он не старик. Белизна волос и бороды — это была не седина, а естественный цвет волос. Глаза тоже были удивительные — очень светлые. Настолько, что почти светились. Радужка отливала лишь едва заметной голубизной.

— Катерина Крюгер-Куцевич, — сказал я. — Я не знаю, жива ли она...

— Да, она жива, — серебряная голова величественно качнулась.

— А можно с ней поговорить? — спросил я.

— Боюсь, вы не сможете, — на лице белобородого появилось озабоченное выражение. — Последние три года она практически не разговаривает.

— А при ней случайно не было золотых монет, когда она сюда поступила? — неожиданно для себя брякнул я. И чуть было не заткнул себе рот. Какого черта я вообще это спросил?! Но хозяин декоративной избы ничуть вопросу не удивился.

— Наш народ золота не приемлет, — ответил он. — Это плохой металл, проклятый. Но при ней не было золотых предметов в любом случае. Только книга и тетрадь для записей.

— Вы не смотрели ни в какую картотеку, — сказал я. — Неужели вы держите информацию о пациентах в голове?

— Да, — просто ответил белобородый. — Вы хотите еще что-нибудь спросить?

— Для чего это огромное колесо? — вдруг спросила Натаха.

— Оно производит энергию для подземных коммуникаций, — ответил белобородый. — Если желаете, можете посмотреть.

Я почувствовал досаду. И еще было какое-то странное ощущение, ни на что конкретно не похожее. Мне все еще не давало покоя то, что я спросил про золотые монеты напрямик, хотя совершенно не собирался. В этом доме что, в воздухе распылена сыворотка правды?

— Почему я задаю совсем не те вопросы, которые собирался? — снова вопреки своей воле вслух спросил я.

— Мы знаем привычку людей говорить иносказаниями и затягивать диалоги бессмысленными фразами, поэтому мы приняли меры, — сказал белобородый. Все тем же пугающим ровным тоном, не меняя ни на секунду дружелюбного выражения лица. — Теперь каждый пришедший ведет только те речи, которые представляют для него наибольший интерес.

— А вы разве не люди? — спросил я.

— Не вполне, — ответил белобородый. — Кровное потомство между нашими расами возможно, но мы появились много раньше. Среди вас даже принято называть нас «старые люди».

— А что произошло с личными вещами Катерины? — спросил я.

— Они лежат в хранилище, она ими давно не пользуется, — ответил белобородый. — Хотите забрать?

— А мы можем? — я удивленно вскинул брови.

— Эти вещи не имеют для нее никакой ценности, — ответил он. — Покинуть приют она не захочет. Так что да, вы можете их забрать.

Через пару минут ожидания дверь скрипнула, и в избу вошел человек. В этот раз точно

совершенно обычный человек — темные волосы, тускло-сероватая кожа, одет в рубаху и штаны из некрашенного полотна. Только взгляд у этого человека был совершенно неживой. Он прошел мимо нас с Натахой как мимо пустого места и положил на пол перед белобородым небольшой квадратный сверток. И точно так же молча вышел.

— Можете забрать, — сказал белобородый и кивнул на сверток. — Есть еще вопросы или просьбы?

— Нет, — ответил я. Появление бессловесного слуги меня как-то... не то, чтобы напугало, но вызвало желание поскорее оказаться от этого места подальше. Я попятился к двери и выскочил наружу до того, как мне снова не захотелось задать какой-нибудь вопрос вопреки собственной воле.

— Стой, — увидев, что я направился в сторону двух идолов выхода, Натаха меня остановила. Глаза ее азартно заблестели. — Колесо! Он разрешил нам посмотреть, что это такое, неужели мы просто так сбежим и даже одним глазком не глянем?

— Да, точно, — я остановился. — Что-то мне не по себе от этого белоглазого типа. Как, ты говоришь, называется это место?

— Грустина, — ответила Натаха. — Их корабли по весне идут на торг по Оби до Китайского озера. Большущие такие корабли, как будто деревни плавающие. Продают подземный жемчуг, мази целебные и разные странные штуки. Но в Новониколаевске они совсем ненадолго останавливаются, торгуют дальше на юге. С козлоголовыми и черными карликами.

— А что еще за Китайское озеро? — спросил я. Мы в этот момент как раз приблизились к кустам, скрывающим основание колеса.

— Ну, говорят, такое большое холодное озеро в горах на юге, — Натаха пожалала плечами. — Обь из него вытекает. Я там сама не была, слышала только.

— Телецкое, значит, — сказал я.

— Ни разу не слышала, чтобы его так называли, — Натаха нахмурилась.

— Это оно в моем мире так называется, — сказал я. Тут мы остановились и оба замолчали. Вокруг основания циклопического колеса было построено что-то вроде дощатого амбара. С одной стороны в ворота медленно втягивался строй людей по четыре человека в ряд, а с другой — выходил. Строй этот был тоже замкнут в кольцо, люди ходили по кругу, образуя на земле как будто человеческую тень от колеса деревянного. Люди шагали — колесо вращалось.

Люди были разные — мужчины, женщины, старики и дети. Все они, вне зависимости от пола и возраста, были одеты в одинаковые полотняные штаны и рубахи. Они выглядели чистыми, ухоженными, но глаза их были пусты. Как у того парня, который принес белобородому сверток.

— Что это за хренотень? — я чуть не подавился, увидев такое странное зрелище.

— Для здоровой и долгой жизни людям требуется двигаться, — ответил незнакомый звучный голос, растягивающий гласные примерно таким же образом, как и тот белобородый, с которым мы общались в избе. Как и когда он оказался рядом с нами, я не заметил.

У него тоже были длинные белоснежные волосы и такая же борода. Одет он был в длинную белую хламиду, а на голове — головной убор, похожий на шляпку гигантского гриба.

— Они ходят и вращают колесо, которое дает нам энергию, — сказал он. — Все остаются в выигрыше.

— Но кто это такие? — спросил я. — И почему они так странно выглядят?

— Все они были душевно больны, — ответил грибоголовый. — Их доставили к нам в лечебницу, где мы провели каждому несложную операцию. Теперь они не представляют угрозы для себя и окружающих, кроме того, приносят пользу.

— Но к нормальной жизни они больше не вернуться, ведь так? — спросил я.

— Что именно вы называете нормальной жизнью? — спросил грибоголовый, кажется, не ожидая ответа на свой вопрос. — Они живут в тепле и чистоте, обеспечены одеждой по сезону и достаточным количеством питательной пищи. Им не грозит голод, нищета и нападение диких животных.

— А если человек не сумасшедший, вы тоже можете превратить его вот в такого болвана и отправить крутить колесо? — спросил я.

— Если человек здоров, то нет необходимости в операции, — сказал грибоголовый. — Послушание и соблюдение распорядка обеспечат его теми же благами.

— И что, находятся люди, которые к вам приходят сами? — спросил я. В животе резко возникла пустота. Здесь ведь не случайно нет никакой охраны и никаких замков. Наверняка у этих белоглазых типов есть какие-то основания чувствовать себя в безопасности. Помимо воли я представил себе, как шагаю в этом вот строю, третьим в ряду, между тощей девочкой-подростком с жиденькими мышиноного цвета волосами и поджарым пожилым дядькой с все еще сохранившимся на лице следами бывшего алкоголизма. И смысл моей жизни будет исключительно в том, чтобы двигать своими шагами здоровенное колесо-генератор. Хрен знает, какой энергии.

— Жесть какая... — пробормотал я. И осторожно вежливо кивнул. — Спасибо за разъяснения.

Грибная шляпа качнулась. Я посмотрел на Натаху, которая заворуженно смотрела на слаженно шагающий строй людей. Потом огляделся. Грибоголового рядом не было.

— Натаха, — говорю. — В твоих рассказах про Грустину не было ничего о путниках, которые туда случайно забрели, а потом их больше никто не видел?

— Неа, — она мотнула головой. — Были те, кого не пускали.

— А зачем они приходили? — спросил я и с надеждой посмотрел в сторону выхода с этой странной территории.

— За всяким разным, — сказала Натаха. — Кто-то учиться хотел, кто-то сокровища искал. Говорят, что они и под землю-то ушли, потому что обороняться не хотели. Насилие им вроде как чуждо.

— Похоже, они правда не люди, — теперь уже я дернул Натаху за рукав. — Давай уже пойдем отсюда. Не поговорили с нашей Катенькой, да и хрен с ней. Наверняка она в дневнике про эти Золотые Соболя писала.

— Не понимаю, что тебя здесь так напрягает, — Натаха была расслаблена, не похоже, чтобы зрелище стада людей, с бессмысленными глазами шагающих строем, доставляло ей хоть какое-то неудобство. — Можно подумать, бесноватыми или юродивыми они жили бы лучше. Повезло бы, если бы кто-то их кормил и одевал. Если бы хватало мозгов, просили бы милостыню. А если нет — с голода бы сдохли.

— А если сюда под видом сумасшедшего привезли здорового? — спросил я. — Опоили какой-нибудь сонной дрянью, притащили к этим белоглазым колдунам. Уверена, что они разбираются, прежде чем свою лоботомию устраивать?

— Так вроде с некоторыми особо несговорчивыми преступниками так и поступают, —

Натаха пожалала плечами. Потом рассмеялась, глядя на мое недоумевающее лицо. — Я правда не понимаю, чего ты так переживаешь.

— А если они нас вот так решат поставить в строй, мы сможем им помешать? — спросил я.

— Наверное, не сможем, — лицо Натахи стало задумчивым. — Только я в толк не возьму, для чего им это может понадобиться.

Наверное, на кого-то другого и разозлился бы, но Натаха была настолько гремучим коктейлем из боевой машины, прилежной хозяйки и наивной девицы, что я просто не смог. Обнять и плакать. Правда, если она еще позволит себя обнять и не сломает что-нибудь легким движением руки.

— Пойдем уже в город в любом случае, — сказал я. — Еще массу всяких дел надо сделать.

После обеда на Толкучем рынке народу меньше всего — часть торговцев уже распродали свои товары и разошлись, а кабаки еще не начали свою вечернюю программу. Так что Ларошева я заметил издали. Он нетерпеливо ходил из стороны в сторону. Иногда поглядывал на часы. Садился на лавку. Потом вскакивал и снова ходил.

Сегодня он совершенно не был похож на Бабку-Ёжку. Лицо немного сохранило следы неумеренных возлияний, но волосы были в полном порядке — кудрявая шевелюра Ларошева была вымыта, расчесана и даже уложена в весьма элегантную прическу. Одет он был в яркий щегольской костюм болотного цвета с золотой нитью. На шее — шелковый платок.

— Лебовский! — он бросился ко мне. — Где тебя носит?! Я жду тебя уже третий час! Вот, я тут принес кое-что... — Он раскрыл объемную сумку. На свет показался бесформенный серый плащ и мятая широкополая шляпа. — Нам нужно провести тебя незаметно до кабинета Гезехуса!

— Стоп-стоп, Владимир Гаевич! — я оглянулся на Натаху, на которую бывший декан исторического факультета вообще не обратил никакого внимания. — В смысле, ждете третий час?

— Лебовский, ты же сам передал мне сообщение через эту развратную монахиню! — Ларошев всплеснул руками. — Кстати, я надеюсь, что у тебя все действительно получилось. Я же правильно понял, что ты избавился от... — он помахал в воздухе руками, изобразив очертания человеческой фигуры.

— Забава Ильинична сказала, что да, — ответил я.

— Тогда надевайте это все, и пойдем сразу к Гезехусу! — Ларошев бросил мне в руки серый плащ. — Надо немедленно остановить открытую на тебя охоту, кроме того, я надеюсь, ты изложишь ему нашу идею о возрождении исторического факультета?

— Ладно, Богдан, — сказала Натаха и махнула рукой. — У тебя важные дела, так что пойду-ка я за продуктами и готовить ужин.

Она повернулась и зашагала в сторону еще открытых лавок. Ларошев нетерпеливо приплясывал, ожидая, когда я натяну бесформенный плащ и дурацкую шляпу. Маскировка, конечно, так себе, но все-таки лучше, чем ничего. Как-то не хотелось получить внезапную пулю в голову.

«Интересно, — подумал я. — У ректора есть способ определить, действительно ли у меня нет больше допдельгангера, или ему придется поверить мне на слово?»

Глава 24. Снова в школу

Гезехус смотрел на меня и едва заметно хмурился. Его длинные усы покачивались, а пальцы то и дело двигались так, будто скручивают «козью ножку».

— Открыта охота, вы сказали? — спросил он. — Вы точно в этом уверены, Лебовский?

— Яков Антонович, я хочу кое-что прояснить... — тихо проговорил Кащеев. Вообще не понял, когда он появился. В шкафу сидел и ждал.

— Да уж, проясните, будьте так любезны, Ярослав Львович! — Гезехус склонил голову на бок, и его длинные «китайские» усы снова качнулись.

— Тут имеет место быть явное недоразумение, — начал Кащеев и бросил на меня непонятный взгляд. — Так называемая «охота», о которой сказал студент Лебовский, не имеет отношения к зафиксированному явлению доппельгангера. Это исполнение условий договора университета и Мирзоева Камиля Валентиновича.

— Ах да, начинаю припоминать... — Гезехус покивал. — А ежели кто из студентов означенной группы пересечет границы Уржатки, неважно, добровольно или по недомыслию...«

— Подождите, но ведь вы же сами меня туда... — начал я, но Кащеев незаметно ткнул меня в бок, и я заткнулся, но продолжал сверлить его взглядом. Какого хрена опять тут происходит?!

— Формально все условия договора выполнены, — продолжал тем временем Кащеев. — Обязательное лишение жизни нарушившего границы района студента в наши обязанности не входит. Так что теперь Лебовский в безопасности. По крайней мере с этой стороны.

— А что там с доппельгангером? — спросил Гезехус, снова сворачивая пальцами воображаемую козью ножку.

— Так Лебовский вроде бы начал с того, что он избавился от этого досадного... — заговорил Кащеев.

— Значит вам нет больше необходимости занимать мое время? — перебил его Гезехус.

— Насколько я знаю, нет, — Кащеев снова бросил взгляд на меня. Опять какой-то непонятный. Не то испытывающий, не то любопытный.

— Подождите! — воскликнул молчавший до этого момента Ларошев. — Как это нет?! А как же возрождение исторического факультета?!

— Кажется, мы с вами уже говорили об этом, Владимир Гаевич, — равнодушно сказал ректор, выдвигая верхний ящик стола.

— Но, видите ли, Яков Антонович... — Ларошев поднялся со стула и встал рядом со мной. — Лебовский подал идею, которая может решить так называемую неразрешимую проблему. Лебовский, ну?

— Ах да, простите, Владимир Гаевич, — я виновато улыбнулся. — Как я понял, исторический факультет был расформирован из-за непрактичности знаний, верно? Нет прибыли — нет смысла?

— Вы повторяете очевидные вещи, Лебовский, — сказал Гезехус, сворачивая теперь настоящую, а не воображаемую «козью ножку».

— Я бы хотел доказать, что это в корне неверная позиция, — сказал я. — И где-то даже недальновидная.

— Ближе к делу, Лебовский! — Гезехус недобро сверкнул глазами.

— Клады, Яков Антонович, — сказал я. — Монеты, украшения, антиквариат. Во время баниции, до и сразу после самые разные люди прятали в разных местах свои сокровища. Многие из которых не имеют музейной ценности, зато их можно неплохо продать. Кроме того, — я заметил интерес в глазах ректора и заговорил увереннее. — Кроме того, я уверен, что практически у каждого клана промышленников есть утраченные семейные реликвии. Которые могут не иметь объективной финансовой ценности, зато для некоторых семей...

— Хм, интересно звучит, Лебовский, — сказал ректор, чиркая спичкой. — Вот как мы поступим, Лебовский. Допустим, мне ваша идея сейчас кажется приемлемой. Но я уверен, что как только я начну задавать конкретные вопросы, она сразу же начнет рассыпаться как карточный домик. Так?

Я неопределенно кивнул и посмотрел на Ларошева.

— Яков Антонович, если вы вернете историческому факультету хотя бы часть ресурсов, мы беремся доказать реальность этой идеи, — сказал Ларошев. — Нам нужны две аудитории — лекционная и для практических занятий, свой раздел библиотеки, доступ к автопарку и найму разнорабочих...

— Да-да, я услышал вас, Владимир Гаевич, — Гезехус выдохнул струю дыма в потолок. — Отдам распоряжения в секретариат, и вас оповестят. Но я хочу сразу кое-что уточнить. Формально я восстанавливать исторический факультет сейчас не буду. Это всего лишь аванс. Предметно мы с вами будем разговаривать только в том случае, если ваши действия принесут хоть сколько-то ощутимый результат. Это понятно?

— Да-да, Яков Антонович, — Ларошев закивал и быстро попятился к двери. Меня за пиджак дернул тоже.

В коридоре Ларошев облегченно выдохнул, прислонился к стене и прикрыл глаза. Почти сразу же дверь снова скрипнула — вслед за нами вышел Кащеев. Я демонстративно отвернулся. Вообще-то, мне хотелось задать ему несколько вопросов, но конкретно сейчас вообще не было никакого желания с ним общаться.

— Я бы хотел кое-что прояснить, Лебовский, — нейтральным тоном сказал Кащеев. — Понимаю, сейчас вам кажется, что с вами сыграли в темную...

— Опять, — сказал я.

— Что? — переспросил Кащеев.

— Опять сыграли в темную, — с как можно большей язвительностью проговорил я.

— Лебовский, вы же умный парень, — Кащеев едва заметно улыбнулся. — Давайте-ка посмотрим, что с вами случилось. Вы полезли, куда вас никто не просил, и стали серьезной проблемой. Изнасиловали одну из моих девочек, и бог знает что там еще натворили. Все верно излагаю?

Я открыл рот, чтобы возразить, что делал все это не я, а мой... Но потом подумал, что вообще-то он абсолютно прав. Палата старика была заперта, я самовольно взял ключи, ну и дальше все получилось, просто потому что я сунул нос не в свое дело. Так что я промолчал.

— Я проводил вас до человека, способного вам помочь, но навязывать помощь не стал, верно? — Кащеев снова посмотрел на меня. Я кивнул.

— Вы заметили, откуда в вас стреляли, Лебовский? — спросил Кащеев.

— С галереи второго этажа, насколько я понял, — ответил я. — Ну либо там чуть выше есть вентиляционные отверстия или что-то подобное.

— Какое расстояние от стрелка до вас приблизительно было? — спросил Кащеев.

— Метров десять максимум, — ответил я, уже понимая, к чему он клонит.

— Вы бы промахнулись? — Кашеев иронично улыбнулся и приподнял бровь.

— Нет, — я покачал головой. — Ну, разве что был бы пьян, оружие сломанное или...

— Я надеюсь, вы не отказываете мне в наличии мозгов? — Кашеев засмеялся. — Вы же не думаете, что я отдал указания криворукому слепому стрелку, которого предварительно еще и напоил?

Я молча опустил глаза в пол. Вообще-то он был абсолютно прав во всем. И я, если бы хоть немного подумал, то тоже обратил внимание на эту вот несообразность. В городе меня, будем честны, никто не преследовал, я накрутил себя полностью сам.

— Но зачем? — спросил я.

— Ты избавился от доппельгангера? — Кашеев пристально посмотрел мне в глаза.

— Да, — честно ответил я.

— Вот и ответ, — Кашеев пожал плечами и повернулся, чтобы уйти.

— Подождите, — я придержал его за плечо. — Но логика-то где?

— Жизненный опыт, дорогой друг, жизненный опыт, — Кашеев похлопал меня по плечу, вежливо кивнул и удалился.

— Понятно, аудиенция окончена, — буркнул я. — Что он имел в виду, Владимир Гаевич?

— Хотел бы я точно это знать, — Ларошев хмыкнул. — Хотя, мне кажется, я понял. Он добился того, чтобы ты считал, что тебя все бросили, и ты остался со своей проблемой один на один. В прошлые разы собралась комиссия, студента всячески поддерживали и показывали, что он не один, что лучшие умы университета на его стороне. И в результате все они кончили одинаково. С пулей в голове, потому что другого выбора не осталось. А господин Кашеев у нас известный адепт индивидуализма. Он считает, что наилучшие результаты человек показывает только когда подсознательно рассчитывает только на себя.

Ларошев оглянулся в ту сторону, куда ушел Кашеев.

— Однако даже с учетом того, что я сейчас сказал, — Ларошев несколько раз качнулся с пяток на носки, — я бы не рассчитывал, что этот человек однозначно на вашей стороне, Лебовский. Если бы вы не справились, он бы с легкостью нашел для ректора объяснение, почему вас необходимо было списать в расход.

— Я уже понял, — усмехнулся я, вспомнив крохотный пистолет в руках у Феодоры.

— Теперь давайте вернемся к делу, — оживился вдруг Ларошев. — Значит так, я набросал для нас первоначальный план действий. Кое-какие пункты требуют дожидаться распоряжений господина ректора, но кое-что мы с вами можем сделать самостоятельно. Например, я взял на себя смелость записать вас как одного из участников завтрашнего собрания попечителей и меценатов...

— О, точно! — сказал я. — Совсем забыл про него! Но к этому же надо готовиться? Выступление, там...

— Вообще-то мне все равно, как вы там выступаете, — Ларошев поморщился. — Просто это прием, на котором соберутся самые богатые и влиятельные люди. Ну или их представители. Мне туда хода нет, по крайней мере до тех пор, пока факультет не восстановят, а вот вы имеете возможность находиться там вполне легально. Разговаривать, общаться... Понимаете меня?

— Подыскать первых клиентов? — спросил я.

— Ну... — Ларошев подмигнул. — Я бы не сказал, что нам с вами нужны именно клиенты. Нужна информация. Быть может, у кого-то дед сгреб драгоценности супруги в

шапку и где-то закопал... А у кого-то дядя промышлял на большой дороге, а куда дел награбленное, до исх пор непонятно. Эти все семейные байки о потерянных драгоценностях могут оказаться отличной отправной точкой для нашей с вами работы. Чтобы не искать в архивах наугад.

Ларошев посмотрел на меня оценивающе. Интересная в нем произошла перемена. Когда я его встретил, он бы потерянным и каким-то бестолковым. И прозвище «Бабка-Ёжка» подходило ему даже больше, чем какой-нибудь старой карге. У него были потухшие глаза, и вообще он выглядел много старше, чем сегодня. Сейчас он был элегантно одет и тщательно причесан, в свежеччищенные ботинки можно было смотреться как в зеркало, а глаза светились яростным энтузиазмом.

— Цель понятна, мон генераль, — сказал я и кивнул. — Уф... Что-то до меня только сейчас дошло, что допельгангера у меня больше нет, и что теперь я могу спокойно заниматься своими делами... Кстати, об этом. Мне надо бы еще составить расписание своих занятий по магии, иначе...

— Да-да, я знаю, — Ларошев закивал. — Не буду вас сейчас задерживать, Лебовский. Тем более, что нам все равно сначала нужно дождаться, когда господин ректор спустить в секретариат распоряжение... В общем, вы знаете, где меня найти, если что!

Я хотел сказать ему вслед, что вообще-то точно не знаю, но передумал. Найду, не маленький.

Дотопал до ближайшего окна на парк и уперся в холодное стекло лбом. «Все получилось?» — спросил я сам у себя, бездумно рассматривая геометрический узор дорожек и стриженных кустов. Теперь надо уже реально заняться магией. А то с момента пробоя прошло уже немало времени, а я так и не освоил ни одного мало-мальски применимого в жизни заклинания. А значит — я все еще топчусь на месте и как будто надеюсь, что магическое могущество нарастет как бы само по себе.

Плохая стратегия.

Значит так, для начала надо сходить пообедать, а то уже практически вечер, а я завтракал пышками и мерзким кофе. Потом вернуться в общагу и закончить конспекты. Потом вернуть книги в библиотеку. Потом записаться на лекции и забить себе стендовое время, чтобы потренироваться. Затем...

— Здорово, Лебовский! — дружеский тычок в плечо чуть не сбил меня с ног. — А я уж думал, что ты сбежал.

— И тебе привет, Йован, — отозвался я. — Я, кстати, думал как раз пойти тебя поискать. В столовую сходить не хочешь?

— Ты бы не заговаривал зубы, Лебовский, — Йован ухватил меня за лацкан пиджака. — Синклер считает, что ты крыса, например. Вякни что-нибудь, чтобы меня разубедить, а?

— Знаешь, что вот это? — спросил я, помахав перед его носом свертком из психушки, который я пока еще даже не развернул. — Это дневник Катеньки Крюгер. За которым мне пришлось топать аж до психушки. Все еще думаешь, что я крыса?

— О, так нам надо в мызе собраться тогда! — Йован прибавил шаг.

— Мыза подождет, вот что! — заявил я. — Я жрать хочу, как крокодил. И вообще не вижу, в чем спешность. Монеты пролежали там лет сто, могут и потерпеть пару часиков.

— Но Синклер... — нахмурился Йован.

— Да плевать я хотел на твоего Синклера, — сказал я. — Надо ему, пусть тоже в столовую подгребает.

— Какой-то ты слишком борзый... — Йован прищурился. — Думаешь, без тебя не обойдемся? Я как-то слишком часто тебя вижу в обществе Кашеева. Что за дела у тебя с карателями?

— Что-то чем чаще я слышу, что я «борзый», тем больше думаю, что недостаточно, — я машинально уклонился от руки Йована, которую он протянул ко мне. — Мы договаривались? Договаривались! Я свою часть работы делаю? Делаю. Какого хрена ты шуришь zenки и строишь из себя собаку-подозреваку? Сказал же — устал, хочу жрать. Приду в мызу через пару часов, когда дела закончу. И руки свои ко мне не тяни, сломаю в следующий раз!

Я вдруг понял, что вообще не шучу. И что если Йован продолжит гундеть, то я отмудохаю его прямо здесь. И выброшу в окно прямо на колючие кусты. Без штанов, сука. Второй этаж, не разобьется. Максимум, сломает себе что-нибудь, если неудачник. В том, что у меня это получится, я ни капли не сомневался. Видел Йована в деле, что уж.

Я с вызовом смотрел на него. Видимо, он заметил что-то такое в моих глазах. Отступил.

— Да ладно, что ты завелся-то? — буркнул он почти примирительным тоном. — Сказал бы сразу, что жрать хочешь. Тогда ты топай пока в свою столовку, и подгребай в мызу потом. А я найду Синклера и Бориса тогда. Договорились?

— Заметано, — я похлопал Йована по плечу и обратил внимание, что он опять в этом своем шерстяном камзоле, и дырка, оставленная ворованским когтем, тщательно заштопана. — Кстати, хотел спросить. А что это за одежда на тебе? Форма университета вроде другая...

— Это же форма Соловецкой Артели! — Йован гордо выпрямил спину. — Ты же из Питера, мог бы и сам опознать!

— Наверное, это старая, — не моргнув глазом сказал я, вспомнив, что это вроде как одно из имперских магических учебных заведений. — Сейчас они в черно-красное одеваются. И куртки короткие.

— Эта мне досталась от деда, — сказал Йован, погладив шершавую шерстяную ткань. — Он служил там до пятидесяти лет, а потом его сюда в экспедицию отправили. Он этот китель моей бабке оставил, когда она моим отцом была беременная. А сам в Империю вернулся, клятва, дело такое.

— Круто, — я покивал. — А я думал, что в Соловецкую обитель болгар не принимают...

— Я серб! — Йован набычился.

— Ой, сорян, я пошутил! — я еще раз хлопнул его по плечу и быстро сбежал по лестнице вниз. Жрать уже действительно хотелось ужасно.

В столовой я разжился тем, что осталось там от обеда — пара холодных котлет, миска пшенки, три зачерствевших пирожка с ливером и стакан компота. Суп уже сожрали, тушеную капусту с уткой тоже. Впрочем, я особо не привередничал. Мне уже было правда все равно, я бы даже от жареных кузнечиков уже не отказался. Если бы их здесь подавали, конечно.

Я забрал поднос и устроился за столиком рядом с квадратной колонной. Отхватил одним укусом половину пирожка и разорвал сверток. Движение получилось неловким, книга и несколько тетрадок грохнулись на пол. «Да блин! — подумал я и наклонился, чтобы собрать все это добро. — Вот же я рукожоп!»

— Незаметно, чтобы ты торопился, Лебовский, — сказал Синклер. Ну да, Йован его нашел, сказал, что я ему сказал, что поем и приду в мызу, а Синклер тоже включил собаку-

подозреваку, и они все трое притопали за мной в столовую.

— А знаешь, почему, Синклер? — сказала я не очень внятно, потому что все еще жевал. — Потому что я не торопился, — я спокойно дособирал с пола тетрадки и выпрямился.

Глава 25. Игра в царя горы на минималках

Синклер сверлил меня глазами так, что, наверное, если бы мог поджечь бы, то обязательно бы поджег. Впрочем, он же из мародеров? С чего я решил, что не может? Просто здесь столовая, общественное место, все дела. А за использование магии вне стендов и полигона, да еще и на другом студенте, все-таки наказывают.

Но в любом случае я стоял и смотрел на Синклера. И кривенько так ухмылялся. Недальновидно ссориться с влиятельными людьми, но поделаться с собой я ничего не мог — этот мудака мне не нравился. Какой-то он весь липкий, скользкий, на лице написано здорово завышенное чувство собственной важности.

— Слушай сюда, Лебовский, — он одним движением сократил дистанцию и оказался так близко, что практически касался лбом моего лба. Но я не отпрянул, да и вообще не пошевелился. — Ты здесь без году неделя, мелкий говнюк, и если ты думаешь, что можешь разговаривать на равных, то ты здорово ошибаешься. Ты пока еще здесь никто. И у тебя есть два варианта. Либо ты начинаешь вести себя по-человечески, либо... — он замолчал, видимо, выдерживая драматичную паузу.

— Ну? — я откусил еще кусок пирога и начал его жевать. — Что там дальше-то?

— Либо ты сбежишь отсюда через неделю, мамой клянусь! — прошипел Синклер.

— Нехорошо маму приплетать в такие дела, — вздохнул я и подцепил на вилку котлету. — Слушай, Синклер, тут вроде для взрослых заведение, а ты ведешь себя как шпана уличная. Я так-то не против соблюдать правила, — я откусил кусок котлеты. Продолжил не очень внятно. — Так вы же их не излагали ни разу. Вот, например, ты ведешь себя как главный, так? — я сделал глоток компота. — А тебя выбрали, или это как-то на другом уровне решается? Или ты главный, потому что остальные младше? Да не, подожди, не отвечай, — я снова откусил котлету. — Синклер, я уважаю субординацию. Вот только понять не могу, каким боком то, что я заскочил поесть, мешает нашему делу?

— Ты... это... повежливее будь, — сказал Йован, не особенно, правда, угрожающе. Такое впечатление, что такое статус кво — Синклер главный, остальные его слушают, — сложилось чисто по традиции. Точно не знаю, как именно, но, скорее всего, он просто здесь дольше всех. Он каждого встречал, вводил в курс дела, верховодил на тусовках, вроде той, с которой я сбежал, а мой допельгангер остался. Правда, я пока ничего не знаю о могуществе их всех как магов, но...

— А где я был невежлив? — я снова сделал глоток компота и торопливо сунул в рот ложку гарнира. — Йован, ну вот что за нахрен? Я сегодня устал, как собака, потому что носился до этой вашей дурацкой психушки с чертовым колесом, приволок оттуда записки нашей Катеньки, а вы мне тут вместо: «Как круто, Лебовский, какой ты молодец» козьи морды корчите. Жрать хочу, понятно вам? А если мы в мызу пойдем, то хрен я пожру до утра. Что тебя так нозит, Синклер? Что я не прибежал по твоему щелчку пальцев?

— Тебе знакомо слово «субординация», Лебовский? — Синклер сузил глаза и стал похож на крысу-подозреваю. Блин, какой он мерзкий все-таки! Как они вообще его терпят? Это же явно чмошник, которого случайным попутным ветром на вершину занесло!

— Куда мне, убогому, — сказал я и заржал. И подцепил на вилку вторую котлету. — Блин, Синклер, если бы вы у меня над душой не стояли со своими разговорами, я бы уже пожрал давно!

В принципе, я накалил ситуацию уже достаточно, как для того, чтобы перевести ее в драку, так и для того, чтобы она кончилась пшиком. Синклер от бешенства аж побелел, но, похоже, реально не знал, как поставить на место охамевшего новичка, в смысле, меня. Йован, в целом, был тоже не против двинуть мне в челюсть, но... Кстати, до сих пор не знаю, что ему мешает. Лично я бы уже в драку бросился, если бы мне вот так хамили. Наверное. Вообще и правда зависит от субординации. Кащеев, например, несколько раз меня выбесил, но на чем держится его власть, я понимаю. Кроме того, он и правда меня сделал. В том смысле, что я не прочекал его далеко не самые сложные интриги. И повелся. Так что если уж на кого и злиться, то только на себя.

А Синклер этот... Блин, ну да. Стоит и сверлит меня ненавидящим взглядом. Умеешь ты, Лебовский, заводить себе друзей, ага...

Ситуацию неожиданно разрядил второй приятель Йована, длинный и тощий. Я его вроде видел уже, но не запомнил, как зовут, что, впрочем, было неудивительно. Я мысленно окрестил его «Саранча» и продолжил есть, пока разборка не перешла из холодной фазы в горячую.

— Йован, ты сказал, что вы в мызе, но я там никого не нашел, — скороговоркой протараторил Саранча, для убедительности размахивая руками. Глаза Синклера, которые и так уже были похожи на сливы от бешенства, теперь, казалось, что вот-вот взорвутся.

— Йован, — он угрожающе повернулся в сторону серба. — У нас был уговор...

Она начали препираться, Йован оправдывался тем, что они всегда-де ходят втроем, и если бы он не рассказал, то подозрения были бы куда вреднее. Кроме того, мы же все равно потом поделим добычу, разве нет?

Я быстро дожевал остатки пшенки с котлетой, сбегал за добавочным компотом и еще одним пирожком. Откинулся на спинку стула, переводя взгляд с одного спорщика на другого. Синклер давил и нападал, серб — отбрехивался и оправдывался, остальные помалкивали.

— Ну что, я поел, можно топать в мызу теперь, — я встал и похлопал себя по животу.

— Да кто ты такой, чтобы указывать? — снова повернулся ко мне Синклер.

— А что, не надо в мызу? — я плюхнулся обратно на стул. — Ну давайте еще посидим. Я так-то думал, что ты топишь за то, чтобы быстрее к делу приступить, а, Синклер?

Шея Синклера покрылась пятнами. Он резко повернулся на пятках и, чеканя шаг, направился к выходу из столовой. За ним тенью поспешил Витек. Я снова встал.

— Зачем ты его дергаешь? — вполголоса спросил Йован. — Он же может конкретно так тебе жизнь испортить.

— Испортить и я могу, — я пожал плечами. — Тут два момента, болгарин, — я подмигнул. Йован напрягся, но промолчал, ожидая, что я скажу дальше. — Хороший командир меня бы давно поставил на место. Это первое. А второе, главного уважают вовсе не за то, что он может насрать тебе в сапоги.

— Ты же ничего о нем не знаешь, — влез в разговор Саранча.

— И не очень теперь стремлюсь узнать, — я подмигнул Саранче. — Не парьтесь насчет Синклера. Стерпит и проглотит, вот увидите.

— Я бы не был так уверен... — с сомнением проговорил Йован, глядя на дверь, которой Синклер грохнул, выходя из столовой.

— Йован, мы с тобой на фигню сейчас время тратим, — сказал я. — Ты мне лучше вот что расскажи по дороге. Что там в этой Уржатке? В чем проблема туда проникнуть вообще?

— Ну, там была одна такая история... — начал Йован.

— Да не, про историю не надо, — я махнул рукой. — Примерно себе представляю. Про другое давай. Как там все вообще устроено? Что за Батька, кто его люди, патрулирование, охрана и всякое такое прочее.

— Во ты загнул, — Йован хохотнул. — Откуда же я все это могу знать, нам в Уржатку особо и хода-то нет!

— Слухи, сплетни, — я пощелкал пальцами. — Ты же вроде говорил, что знаешь, который дом раньше принадлежал этому Укушуйнику или как там его?

— Ушкуйник, — поправил меня Йован. — Мишка-Ушкуйник. Там есть мостки такие старые на Ушайке. Раньше бабы туда стирать белье ходили, а теперь для них новые построили, а на эти дети купаться бегают.

— Романтичная история, — сказал я. — А дом-то тут при чем?

— Так дом рядом с мостками же! Заброшенный, — Йован всплеснул руками. Не рассчитал и случайно задел за ухо Саранчу. — Ну вот что ты опять под руки лезешь, Захар?

«Захар, надо же! — подумал я. — Имя еще смешнее, чем прозвище!»

— А в чем затык туда залезть? — спросил я.

— Так там теперь батькины нищие собираются, — сказал Йован. — Спят, те, кто не на смене. В карты играют. Бухают. Все время полный дом народу, и днем, и ночью.

— А Батька сам где обитает? — спросил я.

В общем, пока мы дошли до мызы, я узнал, что Батька, то бишь, Мирзоев Камиль Валентинович, в Уржатке родился и вырос, и у него случился бзик на том, что район этот может и должен быть уважаемым. Он призвал к порядку всякий городской сброд и фактически поставил его себе на службу. Практически всех — начиная от тех самых убогих нищих, кланчащих милостыню, до серьезных ребят, промышляющих взломом серьезных помещений. Иерархию, какой вор выше в воровской табели о рангах, я запоминать не стал.

По факту, Батька был с одной стороны — главой организованной преступности всего Томска, с другой — выполнял функции полиции. Следил, чтобы его лихие ребята не беспредельничали, не трогали бедных и слабых и не наведывались раз за разом в один и тот же дом. И если случайно в городе появлялся кто-то, не входящий в батькину систему, он моментально об этом узнавал. Ну а дальше все просто — либо этот залетный каялся, приносил присягу и становился одним из бумажных солдатиков Батьки, либо его труп очень скоро находили в одной из сточных канав. Есть версия, что кто-то еще ухитрился бежать из города, но длинные руки Батьки и его обширные связи помогали найти нарушителя традиций и потрясателя основ и прикончить его там, куда он сбежал. Скорее всего, последнее — просто байка, которую люди Батьки старательно культивируют, конечно... Но проверять пока что эту систему на прочность я не собирался.

Я задумался про Натаху, которая сломала руку рыжему губошлепу. И не находится ли она в опасности по такому случаю. Потом решил, что нет. Не то, чтобы я был спецом в подобного рода общественных отношениях, но в них всегда присутствовала некоторая доля романтического благородства. Замахнулся на кусок больше рта и получил по щам? Значит, так тебе и надо. Не на что жаловаться.

Хотя с уверенностью делать на это ставки я бы не стал. Именно так это преподносится на публику. На практике же ущемленная гордость будет требовать мести и реванша. Так что, скорее всего, Губошлепу придется еще раз получить по щам.

Разумеется, я не стал рассказывать своим поделельникам, что мне уже случилось

побывать в Уржатке. И даже дважды. И во второй раз даже с боевым столкновением.

Меньше знают — крепче спят.

Когда мы добрались до мызы, я уже имел, в целом, представления о границах района, об основных принципах его патрулирования, о парочке проходных дворов и темных щелей, куда можно, в случае чего, забиться и переждать погоню.

Синклер, как я и предсказывал, сделал вид, что никакой ссоры в столовой не было. Даже отпустил пару дельных замечаний.

Я потратил некоторое время на рисование плана района. Отметил крестом тот самый дом, куда нам нужно. Стрелочкой указал на дом Батки. Разметил, где, по мнению моих подельников, обитают самые отчаянные головорезы, и от каких мест лучше держаться подальше.

Передал лист по рукам, ожидая комментариев. Все по очереди покачали головами. Ну что ж, можно считать, что вся доступная информация собрана. Негусто, но в целом — ничего такого особенного в этой миссии нет. Всего-то, проникнуть в чересчур обитаемый дом посреди враждебного криминального квартала и забрать один предмет. Раз плюнуть.

Я подавил саркастическую ухмылку и потянулся за тетрадками.

— Никто же не против, если я зачитаю, что именно думала о письме своей беспутной матери Катенька Крюгер? — спросил я.

— Если ты сейчас скажешь, что клад там давно нет, я тебя придушу, — сказал Йован, устраиваясь на полу поудобнее.

— По косвенным свидетельствам, вроде сама Катерина их не брала, — сказал я, листая тетради. На наше счастье, Катенька Крюгер была очень педантично девочкой. Наверху каждой страницы стояла дата, почерк разборчивый, хотя и не очень аккуратный.

Вообще-то, мне было жутко интересно прочитать этот дневник весь, от корки до корки. Но сейчас, когда не меня в ожидании уставилось несколько пар глаз, хозяева которых уже мысленно подсчитывали, куда они потратят свою часть добычи, отвлекаться на несущественные детали не стоило.

Я листал страницы, выхватывая иногда слова без всякого контекста. «Тварь перекрестка не может...», «...если под порог закопать красный камень с позолоченной стороной...», «...обыкновенно ворованы...», «универсальная формула проклятия жуков...» Охренеть, конечно, что там в голове у этой странной барышни. Даже хорошо, что пообщаться мне с ней сегодня не дали. Ага. Вот это место!

— «...что до пресловутых этих Золотых Соболей... — начал я читать вслух, — то это даже хорошо, что у меня в тот раз не получилось проникнуть в дом моего так называемого папеньки. Тогда я не знала того, что знаю сейчас, и по восторженности юной мечтала завладеть золотом и стать баснословно богатой. Но даже если бы там были обычные украшения, то вряд ли я дожила бы до скупщика. Стукнули по голове бы и за милую душу в сточную канаву выкинули. С Соболями же мне было бы и сейчас не совладать».

Я закрыл тетрадь и еще раз оглядел всех пятерых. Они как будто ждали продолжения, но к Золотым Соболям Катерина более не возвращалась. По крайней мере, если просто быстро пролистывать, а не вчитываться в каждую строчку.

— В общем, по этому поводу у меня два вопроса, — сказал я. — Первый. Слышал ли кто-нибудь что-то плохое про эти самые Золотые Соболя. И второе — как мы собираемся сбыть нашу добычу?

— Это бы у Бабки-Ёжки надо спросить... — Йован задумчиво почесал в затылке.

— Не знаю, насколько это вообще относится конкретно к Золотым Соболям, конечно... — задумчиво протянул Борис. — Вроде бы как, это вообще про золото. Сказка была, про телеутского шамана, который, когда пришли русские, на смертном одре проклял половину всего золота. Чтобы человеку, который получит хотя бы частичку, всегда хотелось вдвое больше. И что в недрах осталось как нормальное золото, так и вот такое... А вдвое больше — это не только про золото, а вообще про все.

— Древние проклятия — такое дело... — сказал Синклер, ни на кого не глядя.

— Но золото, кстати, у нас не сильно в ходу, его в основном в Империю или Китай продают, — сказал Саранча.

— Да ладно тебе! — хмыкнул Йован. — А цацки всякие золотые?

— Ну может я и не прав, — стушевался Саранча. — Только в ювелирных лавках только сплошь серебро и бронза. А золота почти и нет совсем. Или вообще нет. Я ни разу не видел, чтобы в ювелирной лавке что-то золотое продавалось.

— Ага, — я поднял вверх палец. — Из этой информации плавно вытекает второй вопрос — как мы будем эти самые Золотые Соболя реализовывать? Мы можем, конечно, сложить их здесь и любоваться на досуге загадочным блеском монет, но изначально цель была другая.

— Может, Крюгеру и предложим? — нерешительно проговорил Борис. — Это уже, конечно, другой Крюгер, не тот, которого Пепеляев отшил за прусское подданство. Но вдруг он хотел бы эти монеты тоже?

— Это нужен кто-то очень богатый и влиятельный, — я поднялся и прошелся по комнате из угла в угол. — Примерно как те люди, которые соберутся завтра на собрание... Хм. Кажется, знаю, как нам надо поступить, когда я вернусь из Уржатки и принесу эти сакральные монеты.

— Ты вернешься? — Синклер тоже поднялся. — Почему ты вдруг решил, что ты отправишься туда один? С чего бы нам тебе верить? А вдруг ты просто растворишься где-то хрен знает где вместе с добычей, и ищи тебя потом?

— Если пробираться в Уржатку толпой, мы точно спалимся, — возразил я. Уже без всяких кривляний. Реально же, если придется еще тащить на прицепе какого-нибудь неопытного пентюха, это в разы усложняет все дело.

— Давай, свисти, Лебовский, — Синклер усмехнулся. — Смотрите, как он хитро нас развел? Вытянул всю информацию, а теперь явно собирается захватить все себе! Если не хочешь просто подчиняться моему авторитету, то давайте проведем голосование. Кто за то, чтобы отпустить Лебовского в Уржатку одного?

Глава 28. В разведку с чудаками

Логично, черт.

Синклера мародеры знают уже давно, а вот со мной только недавно познакомились. На лицах отражались самые разные эмоции. Йован хмурился и смотрел на Синклера исподлобья. Борис и Саранча смотрели на Йована, явно готовые в случае чего поддержать его решение. Витек смотрел в пол. А Синклер смотрел на меня. И улыбался почти победно.

— Да как скажете, ребят, — я примирительно развел руками. — Я просто думал, что если я пойду один, то меньше шансов, что нас отловят, а потом еще и охоту объявят.

— Кстати, я слышал, что в тебя стреляли в холле, — нейтральным тоном, глядя куда-то в сторону, сказал Синклер. — Не подсказешь, за что?

— Не подскажу, — хмыкнул я. История с допельгангером вся была какая-то мутная и дурацкая, как и почти все, к чему прикладывал руку Кашеев. — Личные дела, вас не касаются.

— А мне птичка на хвосте принесла, что это было исполнение договора с Батькой... — продолжая смотреть в сторону проговорил Синклер.

— Так ты значит уже был в Уржатке? — Йован подозрительно прищурился.

— Интересно, зачем это, а, Лебовский? — Синклер поднялся во весь рост и гордо выпрямил плечи. — Что, не получилось с кондачка заполучить добычу, так ты поджал хвост и к нам прибежал?

— Синклер, ты совсем-то не перегибай... — пробурчал Борис. — Ты с чего вообще попер-то так?

— А с того! — Синклер упер руки в бока. И стал похож на подготовившуюся к сваре базарную бабку. — Кто он такой вообще? Почему мы в принципе ему доверяем?

— Ты повторяешься, Синклер, — сказал я и поморщился. В принципе, этот Синклера можно понять. Просто он из тех, кто спокойно даст рассыпаться всему делу, лишь бы не терять какие-то невнятные крохи власти. Ну или что там дает на самом деле это его положение неформального лидера мародеров?

— Так ведь ты нам так ничего и не объяснил! — Синклер навис надо мной. — Так что ты делал в Уржатке?

— Был по своим делам, — сказал я, уверенно глядя ему в глаза. — И получил за это пощам, как и полагается. Так мы уже займемся нашими Соболями, или будем продолжать этот бессмысленный спор?

— Не доверяю я этому мудаку... — пробурчал Синклер, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Да пожалуйста, — хмыкнул я и закатил глаза. — Так что, пойдем тогда вдвоем? Или есть еще желающие усилить наш разведотряд?

— Я думал, что мы все вместе пойдем, — сказал Йован.

Я мысленно представил себе, как наша компания, крадучись, пробирается в Уржатку, которая по своей сути обычный такой район обычного провинциального города. Невежливо заржал.

— Короче, обрисовываю ситуацию, — сказал я. — Этот самый дом примерно в центре Уржатки, но на берегу Ушайки. Если идти улицами, то привлечем к себе внимания в любом случае. Вот тут у нас записано, что открыто для относительно свободного прохода три

улицы, на остальных блокпосты, завалы и прочие сомнительные аттракционы. Значит, пробираемся Ушайкой. Благо, лето, И тепло. Я хотел пробраться один, тогда скорее всего меня никто бы просто не заметил, но раз уж Синклер настаивает, пойдем вдвоем. А вас, ребята, мы оставим снаружи, вот здесь, — я отчеркнул пальцем причал, неподалеку от устья Ушайки. — Если все пойдет гладко, то мы проберемся в дом, возьмем монеты и по-тихому свалим. Если с этим планом будут сложности, то мы на рожон не лезем, смотрим-слушаем-запоминаем. Чтобы потом скорректировать план. Предложения?

— Что значит, на рожон не лезем? — спросил Синклер.

— Не вступаем в драки, дискуссии и не совершаем активных действий, которые могут засветить наши примечательные физиономии, — ответил я. — Кстати, у меня вот какой вопрос был... Я так понял, что применять магию вне Хог... В смысле, университета, нам вроде как строго запрещено. И как? Это прямо обязательный запрет?

— Ну как... — пробормотал Йован, виновато ухмыляясь. Выражение лиц остальных было примерно таким же. — Всякое... бывало.

— Но если мы применим магию в Уржатке, то считай поставим свои подписи, так что забудь, — резко сказал Синклер.

— Понял-отстал, — я кивнул. — Ну что, двинулись?

— Что, прямо сейчас? — дернулся Синклер.

— А что откладывать-то? — я пожал плечами. — Если у нас сегодня все получится, то завтра уже сможем на собрании попечителей эти самые Соболя толкнуть. А если нет, то будем их завлекать глиняной копией монеты и всячески делать вид, что оригиналы у нас тоже есть, но мы их из соображений безопасности не показываем.

— Но я думал, что надо как-то готовиться... — медленно проговорил Синклер.

— Так мы и подготовились, — я постучал согнутым пальцем по исчерканному плану листочку. — Да не ссы ты, Синклер. Там делов-то на полчаса максимум. Зайдем и выйдем. Это же не военная база и даже не укрепрайон. Обычный городской дом. Ну или можешь не ходить, я все еще могу по-быстрому сгонять один.

— Нет уж, Лебовский! — Синклер расправил плечи. — Не разведешь, не надейся!

— Да как скажешь, — я подмигнул Йовану, который выглядел из всех как-то наиболее растерянно.

Ползти по дну Ушайки — то еще удовольствие, прямо скажем. В некоторых местах речка была даже вмняемо глубокой, и можно было даже плыть под водой. Но большую часть пути нужно было ползти в не очень чистой жиже, то и дело цепляясь за всякий неопознаваемый мусор. Фу!

Раздался негромкий всплеск, потом сдавленное шипение и ругательство сквозь зубы. Синклер был где-то рядом.

Я сделал глубокий вдох, погрузился по самые глаза и пополз по дну дальше, стараясь ставить ладони на песчаное дно, не касаясь осклизлых поверхностей. Под водой очень легко не заметить, как пропорол руку об какой-нибудь ржавый гвоздь. Сомнительное счастье, прямо скажем.

Дно начало опускаться, и я переместился поближе к берегу. Наша цель — просторный дом, забор которого возвышался над рекой — была уже рядом.

Раздались чьи-то шаги и тихий шепот. Потом сдавленное девичье хихиканье. Похоже, парочка спускалась к мосткам. Я замер, поднырнув под деревянный помост. Ухватил за руку подплывшего Синклера и утащил к себе.

— Да никто нас тут не будет искать, Машут! — вполголоса проговорил мужской голос.

— Нехорошо это, Сеня... — прошептал женский голос, потом послышалась какая-то возня. Затоптались прямо над головой. — Тут глашкин малой недавно утоп...

— Да тут все время кто-то тонет, — парень вполголоса рассмеялся. — Трусиха ты у меня! Утопленника боятся, значит и не придет никто. Иди ко мне...

Послышался звук долгого поцелуя. Вот засада. Это ведь может быть надолго... Синклер пошевелился и задел головой об доски мостков.

— Ой! — взвизгнула девушка. — Ты слышал?

— Ничего я не слышал... — пробурчал мужской голос.

— Да нет же... Вот это, сейчас! Будто кто-то об мостки бьется!

— Да это же ты сама топнула ногой!

— Замолчи! Послушай!

Молчание. Тихий плеск воды. Я тихо про себя ухмыльнулся и тихонечко постучал снизу по доскам и похлопал другой ладонью по воде.

Девушка снова взвизгнула.

— Вот же! Слышал теперь?!

— Да мало ли, что это может быть, — раздались шаги парня у самого края мостков. — Бутылку может какую занесло под мостки или что. Ерунда какая-нибудь, а ты шумишь. Прибежит еще кто...

Судя по звукам он опустил на край мостков и сунул руку под воду, чтобы нащарить предмет, который там стучал. Рисковый парень, как я посмотрю!

— Не надо, Сеня! — истерично зашептала девушка. — А вдруг там утопленник? Он тебя в воду стащит... Пойдем отсюда лучше.

— Да погоди ты... — Сеня сосредоточенно шарил рукой под мостками. Мне пришлось сделать над собой немаленькое усилие, чтобы и правда не сбросить его в воду. Но тогда поднимется шум, сюда сбежится половина окрестных жителей, и выбраться незаметно станет еще сложнее.

— Сеня... — прошептала девушка. — Пойдем лучше в амбар. Мне здесь страшно!

— Жена может проснуться, — Сеня вытащил руку из воды.

— А мы тихонечко... — шепот девушки стал игривым.

— Мммм, тихонечко у нас может не получиться, — парень встал и сделал быстрый шаг к девушке. Опять послышались звуки возни и долгий поцелуй. «Да валите уже отсюда! — подумал я и снова пару раз стукнул в мостки. — Ноги уже сводит ночью в воде сидеть!»

— Нет-нет-нет, сначала уйдем! — девушка вырвалась, и ее легкие шаги застучали об деревянный настил тропинки. Фух! Как же хорошо, что в этом мире есть пугливые девицы, которые утопленников боятся больше чужих жен!

— А если бы он кого-то позвал? — прошептал мне прямо в ухо Синклер.

— Ну так не позвал же, — прошептал я в ответ. — Давай выбираться.

Вместо купальных костюмов мы выбрали зимнее исподнее. Гольшом были бы заметны ночью, кроме того, прохладно, так что какая-то одежда все-таки лучше, чем вообще никакой. А мокрые следы... Ну, до утра высохнут.

Забор был внушительный. Строили его, похоже, еще лет сто назад из толстых досок. Высотой это оборонительное сооружение было метра три. Никаких калиток со стороны реки или чего-то подобного. Так что, перелезть, без вариантов. Собаки внутри было не слышно. Логично, впрочем. Там же всякие вонючие нищие собираются, держать собаку в таком доме

— себе дороже.

Я подпрыгнул, схватился за верхний край забора, подтянулся. Заглянул внутрь. Огород был запущен и зарос сорняками и кустами. Окна дома тускло светились. Похоже, жгли или свечи, или керосинку, или еще какой светильник с чадающим пламенем. Я запоздало подумал про магическую сигналку. Но вроде ничего не завывало, на порог никто не выскочил. Значит пока все было в норме. Я отпустил руки и спрыгнул обратно к Синклеру.

— Может, тут подождешь? — прошептал я.

— Ты опять начинаешь, Лебовский? — глаза Синклера зло сверкнули в темноте.

— Да ладно, я же просто предложил... — я пожал плечами. Да и хрен с ним. Если засыплется, у меня будет больше шансов остаться незамеченным. — Тогда давай, вперед. Сразу за забором кусты. Могут быть колючими, так что внутрь не лезь.

— Иди ты вперед! — Синклер толкнул меня в плечо.

— Ладно, — покладисто прошептал я. Снова уцепился за верх забора, подтянулся, бросил тело вверх, перевалился, медленно опустился на руках внутри и быстро рухнул на четвереньки между забором и кустами. Сосчитал до десяти. Вроде никто не заметил. Отлично. Я легонько стукнул по забору, давай Синклеру сигнал, что можно, мол. И отполз на пару метров в сторону дома.

Ноги Синклера стукнули об доски. Звук казался таким громким, что, кажется, даже пальнуть из дробовика было бы менее привлекающим внимание. «Да мляяя!» — подумал я и отполз еще на метр.

В принципе, не так уж и громко он лез, конечно. Но если бы в этом доме был хоть один часовой, то он бы обязательно услышал. Но часовых не было. Кажется, там внутри была вечеринка или что-то вроде. Одним ухом я слушал, как Синклер сражается с трехметровым забором. А другим — прислушивался к тому, что происходит в доме.

И за то время, пока он лез, я успел сделать несколько выводов. Во-первых, там внутри много народу. Во-вторых, иногда они ритмично по чему-то стучали. Вроде, не в барабаны, было бы громче. Как будто притопывали босыми пятками по полу в такт или что-то подобное. И еще пару раз раздались хоровые выкрики. Кто-то выступает, и ему подпевают?

— Лебовский! — громко прошептал Синклер, уже с этой стороны забора. Я метнулся к нему. Больше всего мне хотелось сейчас его придушить. Но я всего-то схватил его за руку и сжал. Кажется, он понял, на что я намекал, так что больше ничего не сказал.

Хорошо, что за этим огородом никто не следил — вся земля покрыта густым ковром травы. Если бы хозяева озаботились прополкой, то ползти пришлось бы по земле. В мокрой одежде. Хочешь — не хочешь, а нацепляешь еще пару килограмм грязи. Так что можно считать, что повезло.

Только вот комары доставали неимоверно. Навязчивое зудение стояло в ушах вязким облаком, и из-за этого казалось, что ни черта не слышно, что там происходит в доме.

Я подобрался с противоположной от входа стороны, туда, где окна были ярче всего освещены.

Осторожно приподнялся и заглянул в мутное стекло. Вдоль стен сидели нищие. Такого разнообразия убогих, калечных и мерзких людишек в одном месте я, наверное, никогда в жизни не видел. Прямо-таки, парад бомжевой моды, не хватает только подиума для дефиле в центре.

Впрочем, в центре тоже было на что посмотреть. На полу был намалеван корявый треугольник, в каждом углу которого стояло по чашке с чадно горящим маслом. И еще один

нищий, одетый в драное коричневое пальто, перепоясанное пеньковой веревкой, и шапку-треух, стоял рядом с этим оккультным художеством. В одной руке он держал свечку в подсвечнике из вырезанной консервной банке, а в другой — книгу. На вид старую и потрепанную. Подсвечивал себе свечкой, шевелил губами. Нищие вдоль стен перешептывались. Судя по всему, то действие, когда они топали и подкрикивали, только что закончилось. В сейчас был какой-то перерыв.

— Так чо там, Кузмич? — не выдержал один. Точнее, одна. Если бы она рот не открыла, то я решил бы, что эта куча тряпья с замотанным наполовину лицом — это мужик. — Получилось у нас чо?

— Да подожди ты, Кара! — отмахнулся книжкой центральной бомж. — Не кипиши. Тут написано, что надо ждать. Пока, дескать, это мурло себе корм не выберет.

— Корм? Чо еще за корм? — подал голос другой нищий. Сиплый, будто простыл в прошлом веке еще. — Это чо за новости ишшо такие?

— А я знаю? — опять огрызнулся центральный.

В этот момент дом как будто задрожал. Не как при землетрясении, а вроде как завибрировал, как сабвуфер на низких частотах. В центре треугольника появилось пятно черного тумана.

— Давайте, топайте все быстро! — заорал центральный. Нищие дисциплинированно застучали вразнобой пятками об пол. Туман сгустился в человекоподобную черную кляксу. На том месте, где обозначилась голова, загорелись два красных пятна.

Эти убогие демона что ли какого-то вызывали?

Фигура тем временем метнулась к одной чаше с огнем, снова превратилась в бесформенную кляксу, потом собралось в фигуру человека на четвереньках, пьющего огонь из этой чаши. Огонь, ожидаемо, потух. Глаза твари засветились ярче.

Настала очередь второй чаши. Потом третьей.

Потом черный человек выпрямился и начал медленно кружиться, плотоядно приглядываясь к сидящим вдоль стен нищим.

Я не стал дожидаться, когда глаза уставятся в мою сторону, и спрятался.

— Что там такое? — зашептал Синклер.

— Ритуал какой-то, похоже, — ответил я. В другое время бы промолчал, но тут все были явно заняты. Внутри заверещала женщина. И сразу же заорали все остальные.

— Да заткнитесь вы! — рявкнул центральной. — Сказано, надо так!

— Он ее сожрет же! — полубоморочным голосом проговорил кто-то.

— Так приятного аппетита ему, значит! — отрезал центральной. — Лишь бы вкусно было, ясно?

Раздался мерзкий хруст, от которого по спине побежал холодок. Никто больше не орал и не стучал. Внутри царило гробовое молчание. И этот самый хруст. Будто чьи-то могучие челюсти перемалывали хрупкие человеческие кости.

— А сколько надо-то ему? Досыта чтобы? — спросил изнутри старушачий явно голос.

— Пока не наестся, вестимо, — сказал сиплый.

— Так я не поняла, хватит ему Кары или нет? А то может я пойду...

— На месте сидеть всем! — снова рявкнул центральной. — Кто двинется, того я лично на куски покрюсаю!

Ага. Значит это шоу еще на какое-то время... Что бы там ни было, но участвуют все. А значит, можно воспользоваться моментом. По описанию, мне нужно попасть в сени, а

оттуда в подвал. Наверняка там заперто изнутри, но с этим я как-нибудь справлюсь.

Я повернулся к Синклеру, чтобы сказать ему, что я собираюсь сделать.

Как в замедленном кино я увидел, как тот поднимается, чтобы заглянуть в окно.

Глава 27. В черном-черном доме...

Сказать или сделать что-то я не успел. Черные призрачные пальцы схватили Синклера за горло и приподняли над землей. Он хрипел и дергался, как сломанная марионетка в пальцах пьяного кукловода.

Со звоном разлетелось на осколки стекло. Тело Синклера, все еще живого, начало рывками втягиваться внутрь.

Так, если я и дальше останусь тут наблюдать за сверхъестественным зрелищем, то я пропущу прямо-таки идеальный момент. Я поднялся на ноги и быстрым шагом направился к входной двери. Скрываться и маскироваться сейчас не было никакой необходимости. Внутри дома стоял такой гвалт, то вряд ли кто-то услышит мои шаги. Даже если я буду топтать как бегемот.

Кроме хруста костей и сдавленных воплей, в которых опознать голос Синклера уже было невозможно, внутри теперь шумели и удивлялись самим фактом наличия этого самого Синклера.

— Это кто такой вообще? Он что, следил? — это сиплый.

— Батяка подослал! Нейметса ему... — это старуха.

— Не наш это... Всех батякиных я знаю, — это бубнил кто-то незнакомый.

Я поднырнул под ветки кустов, замер, прислушиваясь, нет ли кого в сенях. Вроде никого. И забраться туда надо до того, как эта их тварь, кто бы она ни была, закончит трапезу. Пока нищие слегка обескуражены. Не сказать, чтобы прямо напуганы, очень уж это специфическая публика, вызвать у них серьезный страх очень мало что может.

Особенно судя по реакции на то, как эта тварь сжирала кого-то из них.

Я бы, наверное...

Так, ну-ка отставить всякие размышления, Лебовский!

Дверь. Закрыта на засов изнутри. Логично.

Но засов деревянный. И щель чуть ли не в палец толщиной.

Что тоже логично — дом старый, дверь разохшаяся. Кажется, за последние лет сто никому из убогих обитателей этого жилища не пришло в голову, что тут хоть что-то можно починить.

Я выдернул из ножен на бедре нож, сунул его в щель и попытался приподнять доску.

Твою ж мать! Засов оказался даже не на петлях, а на крючках! Так что эта дурацкая доска чуть было не рухнула на пол буквально от небольшого усилия.

Так. Аккуратенько сдвигаем в сторону... Теперь приподнять дверь и приоткрыть небольшую щель, чтобы протиснуться в темные сени.

Нужный мне угол, где, собственно, должен был быть замаскированный вход в подпол, конечно же, завален всяким хламом.

Какие-то ржавые ведра, обломки огородного инструмента, сапоги...

Я перекидывал все это на ощупь, прислушиваясь к тому, что происходит буквально за стенкой. Синклер больше не выл, похоже тварь добралась до жизненно важных органов.

Но все остальные звуки пока еще намекали, что к обыску территории на предмет чужаков обитатели дома приступить пока не готовы.

Опять раздался какой-то топот, будто пятки ребенка по полу простучали. Кто-то сдавленно вскрикнул. Кто-то забубнил что-то похожее на молитву. Кажется, голос

центрового.

Я поддел ножом одну из досок на освобожденном участке пола.

Не та.

Следующая.

Ага, эта поддалась. Приподнять над полом, подцепить пальцами, вынуть и поставить рядом.

Я убрал нож в ножны, вынул соседнюю доску. Отверстие было достаточным, чтобы пролезть внутрь. Я скользнул в пахнувший мышами и кошками еще более черный мрак.

В гостиной что-то поменялось. Раздались шаги сразу нескольких пар ног, кто-то явно шел к двери. Я пригнулся и натянул на дыру в полу специально оставленное для такого случая драное пальто.

Скрипнула дверь. В сени вышли два человека.

— Слушай, Большак, ты... это... а оно потом точно сделает? А если проснется и снова захочет сожрать кого-то из нас? — спросил знакомый уже сиплый голос.

— Да не ссы ты, Зубака, все пучком, — ответил голос центрального. Потом загрохотало ведро, об которое кто-то из них споткнулся. — Мля... Хлама этого натащили... Меня больше тот мужик волнует. Что он делал у нас под окном?

— Знамо что, — ответил сиплый. — Вынюхивал, сучок.

— Одежа на нем мокрая, по Ушайке приплыл, значит, — продолжил центральный. — Сытый такой на вид. Морда незнакомая...

— Большак, ты мне вот что скажи лучше, — сиплый тяжело закашлялся. — С трупами-то чего делать будем? Тварюга-то эта кишки от них сожрала, теперь и пол весь в кровище, и трупы эти... Просто так не выкинешь, Батька заподозрит еще что...

— Что заподозрит? — заволновался центральный. — Мало ли в Уржатке народудохнет...

— Ну вот чтобы три трупа с сожранными кишками за раз — это как-то... того-этого... — сиплый снова закашлялся.

— Дело говоришь, Батька въедливый, — центральный шумно почесался. — Да и пес с ним. Все равно ему жить осталось до полнолуния только. Ну начнет он копать, и что?

— А то... Будет выспрашивать, вытащит кого из наших, а они и разболтают, что тварюгу сумеречную мы прикормили, — сиплый потоптался на месте, потом пнул ведро. — А ежели он у Забавы, как тварь обратно в сумерки загнать?

— И с чего бы это Забаве ему рассказывать? — процедил центральный.

— Да с этого же... того самого... соболей отсыпет, а она и расскажет... — сиплый сплюнул.

— Трупы, говоришь, надо спрятать... — задумчиво проговорил центральный. — Здесь оставить, вонять будут...

«Можно подумать, здесь и так не воняет», — подумал я, прикрывая нос рукавом. Пальто это дурацкое, которым я дырку в полу прикрыл, благоухало так, что мое небольшое убежище превратилось в настоящий газенаген. Даже глаза слезиться уже начали.

— Мож поближе к Толкучему рынку их оттащить и бросить? — сказал сиплый.

— Точно... — центральный притопнул ногой. — По Ушайке их сплавим, пусть у них там голова болит.

— А ежели этот, пришлый, не один был? — тревожно прошептал сиплый.

— Ну... ежели не один, то второй убег уже, — равнодушно бросил центральный и сделал шаг обратно к двери. — Где мы тут по темноте его ловить будем?

— А ежели... — начал сиплый.

— Все, хватит! — оборвал его центровой. — До рассвета и так дел за гланды, а ты тут еще воду мутишь. Скажем всем, чтобы забились в норы и на глаза Батьке и его людям не попадались. И чтобы не болтали чего. И это...

— Чего еще? — недовольно спросил сиплый.

— К Забаве все-таки сходи, она тебя привечает, — медленно проговорил центровой.

— И чего? — сиплый тяжело вздохнул.

— И ничего, — сказал центровой. — Потолкись там у нее рядом. Понюхай воздух. Разговоры всякие поразговаривай. Взамуж позови.

— Чтобы знать, ежели что, что Батька к ней сунулся? — спросил сиплый.

— Ну...

Дверь заскрипела. Потом хлопнула. Снова стало тихо.

Понятно.

В гнезде местного криминала назревает переворот с привлечением потусторонних сил. Ну, такое... Синклера жалко, конечно, попал в чужой замес. Вообще-то это мог бы и я так высунуться. Повезло, ничего не скажешь.

Надо было уже открывать тайник и выбираться отсюда.

Так.

Мне нужна выемка, заложённая сверху камнем. Сто лет уже прошло, этот камень тысячу раз мог или вывалиться или намертво врасти. Я обежал пальцами всю стену. Холодную, заросшую мхом и какой-то слизью. Пошевелил один из выпирающих камней, потом другой.

Достал нож и взялся аккуратно вычищать бороздки.

Прислушался.

Судя по бубнежу за дверью, центровой расписывал всем диспозицию. Скоро они начнут выволакивать трупы, могут еще и светильники вынести, заметят беспорядок...

Твою мать, надо поторапливаться, правда.

Каждый раз, когда решаешь, что надо спешить, все начинает идти наперекосяк.

Мне на руки посыпались какие-то мелкие шевелящиеся твари. Брр. Даже хорошо, что я не вижу, что за насекомые обитают в этом подвале.

Интересно, кстати, этот тайный подпол с остальным подвалом сообщается? Вряд ли. Ушкуйник явно его использовал, чтобы всякое там награбленное прятать от заинтересованных глаз. А если сюда можно обычным путем попасть, то какой это, к черту, тайник?

Камень, наконец-то, зашевелился. Я стал раскачивать его, как гнилой зуб. Посыпалась труха.

Наконец у меня получилось вынуть его из стены. Я аккуратно положил его себе под ноги и сунул руку в дыру. Глубокая, зараза. Рука влезла примерно по плечо, прежде чем пальцы коснулись чего-то, похожего на кожаный мешочек. Я ухватил находку и потащил наружу.

Мешочек был тяжелый.

Неужели все-таки тот самый? Знаменитые Золотые Соболя, которые так и не достались Крюгеру?

Сердце активно забилося. Даже пальцы начали подрагивать.

Так, Лебовский, ну-ка не кипиши!

Ты все еще на вражеской территории. За стеной — толпа вонючих бомжей, отягощенная

неведомой черной тварью, которая выжирает внутренности.

Я прислушался.

Ага.

Бубнеж закончился, началось какое-то движение. Вроде бы начали двигать что-то тяжелое.

Что-то, ага.

Вполне известно, что тяжелое они там двигают.

Значит скоро вытащат в сени. Я быстро откинул вонючее пальто, прикрывавшее вход в тайник и выскочил наружу. Одним длинным шагом достиг входной двери, снова ее приподнял, чтобы она не взвыла всеми своими несмазанными петлями. Выскочил наружу. Облегченно вдохнул не особенно чистый, но после подвальной дыры показавшийся мне чуть ли не сладким, воздух Уржатки.

Вовремя! Заскрипела вторая дверь, раздались возгласы и топот ног.

Я метнулся вдоль кустов к забору, сжимая в руке свою добычу. Со стороны дома раздались крики. Вот теперь, кажется, они заметили, что в доме кто-то был.

Но поздно, чумазая компания, поздно!

Я взобрался на забор и быстро спрыгнул с противоположной стороны. В сторону метнулась и забрехала какая-то уличная шавка. Фиг знает, когда ее сюда принесло.

Да пофиг уже.

Я бесшумно нырнул с мостков в вонючую Ушайку.

Ушел.

В таких вещах, как бегство по воде, главное не спешить. Чтобы не напороться случайно на какую-нибудь ржавую железяку или корягу. Выиграл пару секунд, проиграл жизнь. Так что я старательно урезонивал адреналин в своей крови, который настойчивым набатом бил мне в уши: «Быстрее! Давай быстрее, Лебовский!»

Течение Ушайки не особенно сильное. Оно не мешало по дороге туда, и не особенно ускоряло по дороге обратно. Так, слегка подталкивало в спину.

Очень хотелось на мелких участках подняться в полный рост и пробежать.

Еле сдерживался, натурально.

Ага.

Последний поворот, река расширяется ближе к устью. И мостки. На которых сидят, громко болтая и явственно звякая стеклянной тарой, мои подельники.

Выполняют все, как и договаривались.

— Ох ты ж... — Йован чуть не уронил бутылку, когда я вынырнул рядом с мостками. — Ну как? Все получилось?

— Ну как... — я выбрался на мостки и принялся сдирать с себя мокрую одежду.

— А где Синклер? — спросил Витек. — Следом идет?

— Нет, — я мотнул головой. — Убили Синклера.

— Что? — Йован поднялся. — Ты чего молчишь? Кто убил? Как?

— Давайте в мызу, там расскажу, — я запрыгал на одной ноге, натягивая штаны. Фу, блин. Ужасно хотелось теперь в горячую ванну. Или баню. Кажется, этот запах теперь у меня в кожу вьелся. — Да взял я монеты, взял. Там просто хрень случилась одна, Синклер высунулся не вовремя.

— Точно не ты его вальнул? — спросил Борис.

— Ну и нафига мне это? — хмыкнул я. Брр. Прохладно все-таки. И комарье это еще.

Любой открытый участок кожи моментально покрывается зудящим невесомым покрывалом гнуса.

Я пресек дальнейшие обсуждения наших приключений, запихал мокрые шмотки в мешок и мы молча зашагали прочь от Ушайки. Не дожидаясь, пока бомжи из Уржатки притащат сюда же трупы.

— ...такие дела, — закончил я свой рассказ и высыпал на стол мызы тяжелые золотые монеты. Вообще, конечно, они скорее были похожи на медали, чем на монеты. Слишком уж большие. Даже просто золото, которое ушло на их изготовление, уже стоит дохренища. А учитывая раритетность этих штук, так вообще страшно представить.

Но найти такой предмет — это еще даже не половина дела. Ну вот, например, знаю я, что эти монеты стоят очень много денег. Но ведь надо еще найти человека, способного эту цену заплатить. Да еще и такого, который захочет отдать мне деньги, а не стукнуть чем-нибудь тяжелым по голове и отобрать за просто так.

По сути, ни у кого из нас вообще не должно было быть этих самых Золотых Соболей. Символов несостоявшейся сибирской государственности.

— Круто... — Борис взял одну монету, попробовал ее на зуб. — Честно говоря, я до конца не верил, что у нас получится их добыть...

— Получается, что труп Синклера они выкинут где-то у Толкучего рынка завтра? — жалобно проговорил Витек.

— Не знаю, — я вздохнул. — Слушай, честное слово, это дикая случайность какая-то... Мне было жалко на него смотреть. Похоже, этот Витек был очень искренне предан Синклеру. И совершенно не готов к тому, что он может вот так внезапно умереть.

«А ведь если бы я пошел один, то запросто мог бы оказаться на его месте...» — запоздало испугался я. Захотелось закурить.

— Так эти нищелюды что, Батьку собрались угандошить? — сказал вдруг Йован.

— Похоже на то, — я кивнул и тоже взял монету со стола. До этого как-то не было возможности рассмотреть эти раритеты.

— А если Батьке рассказать, то может договор с университетом о мародерах... того? — Йован щелкнул пальцами. — Ну, вроде как, услугу оказать. Жизнь спасти, все такое.

— Ну да, ты придешь ему услугу оказывать, а он тебе перо под ребро, — хмыкнул Борис. — Пусть уж они там лучше сами разбираются.

— Тем более, что если по душу Батьки эта черная тварь придет, то он от нее точно не отмахается, — заржал Саранча.

— Да много ты понимаешь в возможностях Батьки, — саркастически проговорил Борис. — Он даже Гезехуса прогнул под договор. Мало ли, что там у него.

— А кто-нибудь вообще знает, что это за тварь? — спросил Витек. — Как ты там ее назвал, Лебовский? Сумрачная?

— Маловато данных, — пожал плечами Борис. — Кто угодно из нечисти может быть.

— А если она Лебовского почувяла и сюда за ним придет? — Саранча как бы невзначай встал между мной и дверью.

— Ну тогда сожрет нас тут всех, и дело с концом, — я пожал плечами. — Тут вообще-то ворованы под полом водятся, тебе болгарин твой не рассказывал?

— Ну-ка ша! — рявкнул Йован. — Ладно, хрен с ними, с этими разборками в Уржатке. Какая разница, кто там на их мусорном троне — Батька-татарин или вонючий Большак... Не ходили в Уржатку и дальше не будем. Давайте думать, кому Соболя будем продавать.

— Так вроде же договорились уже, что завтра я иду на собрание... — начал я и почувствовал, как у меня будто все зубы разом заныли. Собрание, блин. Надо какое-то выступление подготовить, чтобы совсем уж лохом не казаться. А еще отмыться бы, а то воняю теперь как бомж.

— А ты никому больше не проболтался про Соболя? — подозрительно прищурился Йован.

— Ага, по всему Толкучему рынку уже весть разнес, — огрызнулся я. — Кстати, Катенька в своем дневнике намекала на какое-то проклятье. Да и тот тип из психушки тоже как-то невежливо про золото высказывался. Кто-нибудь в курсе, о чем речь?

— Так мы же их не собираемся себе оставлять, — Йован пожал плечами. — Продадим, и пусть уже новые хозяева с этим проклятием пурхаются. А с обычными деньгами мы как-нибудь управимся.

— Вообще-то, я бы проверил насчет проклятия, — задумчиво проговорил Борис. — А тс может мы и продать-то их не сможем...

— А кто может проверить? — я положил золотой кругляш, который, оказывается, до этого момента все еще крутил в руках.

— Можно просто в библиотеку сходить, — сказал Борис. — Там должны быть документы по тому земскому собору и его участникам. Если проклятье было, значит как-то это должно было отразиться на судьбах тех магнатов, кто тогда участвовал в разделе.

— Резонно, — я кивнул. И только собрался сказать что-то еще, как в дверь мызы постучали.

Вежливо. Осторожно. Тук-тук-тук.

— Мы кого-то ждем? — шепотом спросил я у Йована. Судя по его ошарашенному лицу, он точно никого не ждал. Как, впрочем, и все остальные. Я быстро сгреб монеты обратно в мешочек, сунул их в карман и направился к двери.

Глава 28. Немного нервно

Перед дверью топтался тревожно приплясывающий Ларошев. Он открыл рот, чтобы задать какой-то вопрос, но когда увидел меня, выдохнул от облегчения.

— О, как хорошо, что вы здесь, Лебовский! — лицо его просияло. — Я искал вас в общежитии, но не нашел! Мне удалось заполучить список участников завтрашнего собрания попечителей и меценатов!

— Подождите, Владимир Гаевич! — я оглянулся на Йована и остальных. Те нервно смотрели в нашу сторону. — Это правда не может подождать до утра?

— Ох, я наверное не вовремя? — лицо Ларошева снова стало встревоженным, потом быстро поменялось на подозрительное. — Но я не вижу здесь девушек и не слышу звона бутылок. Так что, отвечаю на ваш вопрос — это очень важно. Гораздо важнее, чем что угодно, чем вы тут занимаетесь. Или вы хотите все-таки стать инженером или медиком?

— Ладно, сейчас я только ребятам скажу... — я прикрыл дверь, несмотря на недовольство на лице Ларошева, которому явно хотелось зайти и осмотреться. Нет уж, Владимир Гаевич. Мыза — убежище мародеров, а моего авторитета пока что недостаточно, чтобы водить за собой преподавателей. Пусть даже и с самой странной репутацией. Впрочем, у кого она тут не странная?

Я подошел к столу и прошептал:

— Ладно, я пойду готовиться к завтрашнему собранию. Давайте я захвачу глиняную копию Золотого Соболя. Вряд ли хорошая идея — показывать настоящие монеты.

Йован, у которого на лице было написано, что он собирается возразить, ничего не сказал и просто кивнул. Борис извлек из кармана глиняный кругляш и незаметно сунул мне в руку. Соображает. Кстати, Ларошев... Он же может знать про эти монеты какие-нибудь подробности... Надо его расспросить осторожно.

Я по очереди пожал руки всем четверым и направился к двери.

Услышал, что Йован что-то вполголоса сказал Борису, но что именно — не разобрал. Вообще-то, не исключено, что эти ребята решал меня исключить из добычи. Я как-то очень уж ловко пролез в эту их тусовочку. Никакого посвящения, страшных клятв или чего-то подобного. Вполне возможно, что они уже задались в своих кругах вопросом, а кто я все-таки такой? И точно ли мне надо доверять? Не исключено, что если я завтра спрошу, куда дели добытые мной Золотые Соболя, то услышу в ответ что-то вроде: «В особом тайном месте, которое тебе, абитура, знать не полагается!»

— ...а еще будет представитель завода Дюфлона. Или Шарль Дюфлон, или его ассистент. Или оба, — говорил Ларошев, активно жестикулируя. Вообще он говорил все время, пока я топал, погруженный в свои мысли. Но прислушался я только с этого момента. — Он не появлялся на собраниях последний год. Мне кажется, он приехал по твою душу, будь с ним осторожнее!

— Почему это? — спросил я.

— Ты невнимательно меня слушал? — почти закричал Ларошев и всплеснул руками. — Завод Дюфлона! Из Омска!

Кажется, он говорит о чем-то таком простом и общеизвестном, что не может поверить, что я этого не знаю. Я покачал головой и пожал плечами.

— Но это же был очень громкий процесс, он был всего-то лет семь назад, вы должны

были слышать о нем в Петербурге, Лебовский! — Ларошев остановился, даже в темноте было видно, что его лицо выглядит удивленным.

— Я тот еще шалопай, Владимир Гаевич, — сказал я и развел руками. — Семь лет назад мне было пятнадцать. Заводы интересовали меня чуть меньше, чем утренние газеты.

— Ах да, — Ларошев кивнул, но недовольно поджал губы. — Шарль Дюфлон был совладельцем одного крупного техномагического производства, но однажды он сбежал в Сибирь вместе с крупной суммой денег и разработками. Был очень громкий скандал, на него объявили охоту, но ему это не помешало развернуть свое производство в Омске. Но ему нужны техномаги. Так что мне кажется, что ему кто-то сообщил о вашем появлении.

— А сам он тоже техномаг? — спросил я.

— Нет, — Ларошев помолчал. — Не знаю. Он скрытный и всегда ходит с охраной. Что именно он собой представляет, я понятия не имею.

— Хорошо, буду начеку, — сказал я.

— Еще из особых гостей будет Стас Демидов из Барнаула, — продолжил Ларошев. — Он молодой совсем, его только начали вводить в курс дела, так что с ним имеет смысл познакомиться поближе.

— Владимир Гаевич, — я остановился и посмотрел на Ларошева. — Это все действительно так важно? Или вы вытащили меня из мызы для чего-то другого? Куда мы, кстати, идем?

— В общежитие, Лебовский, — выражение лица бывшего декана исторического факультета стало серьезным до смешного. — На самом деле все эти имена и фамилии не имеют почти никакого значения, конечно.

— А что имеет? — спросил я. — Что-то случилось?

— Чем от тебя воняет? — Ларошев потянул носом и сморщился. — Имеет значение то, Лебовский, что ты вместо того, чтобы выспаться и привести себя в порядок перед важным днем, проводишь время в мызе с этими лоботрясами. Они, если хочешь знать, уже получили свои деньги от попечителей. В отличие от тебя.

— Владимир Гаевич, так мы на вы или на ты? — я ухмыльнулся. На душе сразу стало полегче. Похоже, Ларошеву так надоело прозябать в виде беспросветно пьющей Бабки-Ёжки, что он вцепился в меня мертвой хваткой. Безо всякого двойного дна. Хотя хрен его знает, конечно...

— Мы на вы, Лебовский, — прохладно произнес Ларошев. — Просто иногда ты ведешь себя как дурак, и на вы тебя называть не получается.

— Понятно, да, — я кивнул и изобразил виноватый вид. Хотя больше хотелось улыбнуться. Не знаю даже, почему. Просто было приятно, что в этой реальности появился еще один человек, которому я нужен. Который обо мне заботится. Хоть даже и с какими-то неожиданными родительскими нотками.

— Вот список всех участников завтрашнего собрания, — Ларошев вынул из внутреннего кармана пиджака сложенный вчетверо лист бумаги. — Вам в любом случае будет полезно с ним ознакомиться. Сразу после того, как ты сходишь в душ...

— Владимир Гаевич... — я остановился на крыльце общаги. — Вы что-нибудь слышали про Золотые Соболя? Ну, такие монеты, которые когда-то...

— Лебовский, вы в своем уме? — Ларошев упер руки в бока. Я подавил смешок. — Я все-таки целый декан историко-филологического факультета. А почему вы спрашиваете?

— Просто у нас с ребятами сегодня зашел разговор про эту историю, — начал

импровизировать я. — И мы поспорили, нет ли на этих монетах проклятия или чего-то подобного. Насколько я понял, Пепеляев их отчеканил как некий символ сибирской государственности, но вышло у него...

— Проклятия? — Ларошев нахмурился и задумчиво потер лоб. — Вообще это многое бы объяснило, конечно...

— Что именно? — спросил я, когда понял, что Ларошев не собирается продолжать.

— Многие события, Лебовский, — отчеканил декан. — Только сейчас неподходящее время об этом разговаривать, вот что. Это беседа на несколько часов, а тебе уже похорошему через часа четыре надо проснуться, привести себя в порядок и готовиться к выступлению и новым знакомствам. Я готов об этом поговорить, но завтра. После собрания.

Я кивнул и взялся за ручку двери. На самом деле, спать мне не хотелось, но Ларошев был в чем-то прав. Завтра ответственный день, и если я буду выглядеть как похмельный опоссум, то вряд ли кто-то из толстосумов отнесется ко мне серьезно.

— Владимир Гаевич, вы меня собираетесь до кровати провожать? — спросил я, обнаружив, что декан тоже собирается войти.

— Разумеется! — ответил он. — За такими, как ты, нужен глаз да глаз!

«Да, мамочка!» — подумал я и послушно поплелся в комнату.

Я лежал под одеялом и пялился в темный потолок. Сна, как обычно в ситуациях «обязательно выспаться перед важным событием!» — ни в одном глазу. Когда тихонько скрипнула дверь, я сначала даже не напрягся. Подумал, что наверное это вернулся Витек. Укутался одеялом поплотнее, потому что как-то прохладнее стало, от сквозняка, видимо.

Интересно, что это за тихое позвякивание? Витек надел на ноги колокольчики? Я открыл глаза и понял, что это был не Витек. В центре комнаты кружилась Талтуга. С развевающимися волосами, окутанная бледным свечением. А по стенам уже начали метаться знакомые семь теней.

— Я просто сплю, — прошептал я. Не сводя глаз с завораживающего танца девушки. Страшно или тревожно мне не было. Честно говоря, после твари, сожравшей Синклера, танец шаманки с тенями — это совершенно невинное зрелище.

— Он приходит, — сказала Талтуга и опустила руки. Тени на стенах замерли. Волосы продолжали развеваться, будто снизу на них дул поток холодного ветра. — Он искать тебя. Но он еще не знает, кто ты.

— Все понятно объяснила, да, — я усмехнулся.

— Ты трогать золото, он тебя почувствовать, — сказала Талтуга, не обращая на мои слова никакого внимания. — Они лететь сюда. Я не сказать, что это ты.

— Матонин летит сюда на цеппелине? — спросил я.

— И тот, другой, черный, — сказала она. — Но они не знают, кого ищут.

— А что не так с золотом? — я попытался приподняться на локте, но не смог пошевелиться. Наверное, все-таки сон.

— Кровавый металл, — сказала Талтуга. — Нельзя трогать. Только в короне можно.

— Безумный Юрий нашел сына императрицы, и теперь они вместе что-то затеяли? — спросил я.

— Безумный Юрий... — задумчиво повторила Талтуга.

— Так что мне делать? — спросил я. — Убить их обоих?

— Ты пока не смочь, — сказала Талтуга. — Я набросить на тебя тень, они не видят. Пока ты не трогать золото.

— Юрий меня не узнает? — черт бы побрал эту манеру выражаться! Кажется, она отлично знает русский язык, а коверкает только намеренно. И вообще непонятно, что ей за дело до всей этой истории.

— Мне есть дело, — сказада Талтуга. — Не трогать золото. Как только ты трогать, они видеть. Тень умрет.

Свечение начало угасать. Тени поблекли. Волосы Талтуги улеглись обратно на плечи. Она притопнула ногой, снова раздалось мелодичное позвякивание колокольчиков. Я провалился в темноту.

— Лебовский, просыпайся! — Ларошев бесцеремонно тряс меня за плечо. — Пора вставать! В душ, на завтрак и на собрание! Что у тебя есть из одежды? Только этот костюм?

Я с трудом разлепил глаза и посмотрел как мой суматошный декан критично разглядывает мою одежду, развешанную на стуле.

— Это ужасно! — сказал он. — Надо заняться твоим гардеробом!

— Но меня вполне устраивает этот костюм, — пробурчал я, выбираясь из-под одеяла. — Мне его Ярослав Львович подобрал.

— Впрочем, сегодня он как раз подойдет, — продолжал Ларошев спор с самим собой. — Произвести впечатление умного, но бедного мальчика. Если они сочтут тебя слишком обеспеченным...

— В душ вы тоже со мной пойдете? — спросил я, натягивая халат, который мне в числе прочего белья выдала кастелянша.

— Подожду здесь, — Ларошев критично осмотрел стул, поддернул брючины идеально отглаженного кремового костюма и сел. — Поторапливайся, Лебовский!

Витек и третий сосед в комнату так и не возвращались. Либо ушли до того, как Ларошев меня разбудил. Я кинул на плечо полотенце и пошел к лестнице. Душ на три десятка леек был в подвале. Горячую воду здесь подавали с семи до девяти утра и с семи до девяти же вечера. Все остальное время помыться было тоже можно, но только холодной. Я оттирался жесткой мочалкой и грубым почти хозяйственным мылом до скрипа кожи. Ощущение было такое, что этот дурацкий запах бомжового пальто и мусорной Ушайки, въелся в ноздри и все равно не торопится меня покидать. Ночью я ополоснулся по-быстрому, особенно под ледяными струями не понежишься, зато сейчас я остервенело намяливал каждый кусочек своей кожи. А запах как будто становился острее. И всколыхнул ночные воспоминания. Того как черные пальцы утаскивают Синклера за шею. Хруст костей. Вопли. Сиплый голос бомжа.

Надеюсь, все это того стоило. И монеты эти будут стоить баснословных денег...

Поняв, что я скоро начну сдирать мочалкой кожу, я выключил воду, вытерся насухо, натянул халат и поднялся наверх.

Нда, картина маслом... Ларошев вовсе не сидел на том же стуле, где я его оставил. Он стоял перед столом и задумчиво разглядывал лежащую на нем глиняную копию Золотого Соболя.

— Откуда это у тебя? — спросил он, не успев я переступить порог.

— Вы рылись по моим карманам? — зло спросил я. — Не слишком ли близко вы решили со мной познакомиться, Владимир Гаевич?

— Нет-нет, это получилось случайно, — Ларошев замахал руками. — Я всего лишь хотел немного отряхнуть ваш костюм и привести его в божеский вид, а это выпало из кармана.

— В мызе валялась, я подобрал, — я как можно более равнодушным видом взял слепок со стола и покрутил в пальцах. — Собственно, из-за этой штуки мы вчера и затеяли тот разговор про проклятие.

— Но откуда оно у вас в мызе? — Ларошев подозрительно прищурился. — Мне кажется, вы чего-то не договариваете, Лебовский!

— Вы даже не представляете, сколько всего я вам про себя не рассказал! — я развесил мокрое полотенце на натянутой вдоль стены веревке. — Например, вы понятия не имеете, что я люблю есть на завтрак, или, скажем, какие девушки мне нравятся. И вы точно не в курсе, кого я представляю, когда мне хочется подрочить. Может вы лучше все-таки расскажете мне про эти Соболя, и какие события объяснило бы проклятие?

— Обязательно расскажу, — горячо заявил Ларошев. — Но потом! А вы... Вы опять заговариваете мне зубы!

— Владимир Гаевич, клянусь, что я весь ваш! — я хмыкнул. — Вот честное слово! Тема с поисками кладов для возрождения исторического факультета мне нравится гораздо больше, чем вы можете себе представить. Сегодня я просто вывернусь наизнанку, чтобы заполучить нам первых клиентов.

— А эта штука? — Ларошев потянулся к глиняной монете.

— А эта штука будет чем-то вроде примера, — я отвел руку с монетой от декана. — Когда ведешь речь о поиске всяких древних реликвий, лучше иметь что-то такое в руках, чтобы можно было показать, о чем идет речь.

— Хм... — Ларошев наморщил лоб. — Звучит даже довольно разумно.

— А я о чем? — я пожал плечами и сунул монету обратно в карман пиджака. Кажется, моя импровизация сработала. Все-таки эта грань, за которой энтузиаст-Ларошев превращался в собаку-подозреваю была удивительно тонкой. И мне пока не всегда удавалось ее улавливать.

— Одевайся! — Ларошев тревожно посмотрел на часы. — Надо успеть еще позавтракать!

— Да, мамочка, — почти про себя пробормотал.

Всю дорогу до столовой Ларошев сыпал разными фамилиями и давал краткие характеристики их носителями. Кого-то я запомнил, кого-то нет, но не пытался сам себе устроить экзамен на знание сильных мира сего в Сибири. Некоторые фамилии были знакомые — Ворсины, Крюгеры, Демидовы. Некоторые я слышал впервые — Игнюки, Зарадаевы, Круженко. Слушал внимательно. И пока ел, слушал внимательно. Впитывал новые сведения и закусывал их ватрушкой с компотом. Не перебивал тараторящего Ларошева, который, кажется, волновался гораздо больше меня.

— И последнее, — Ларошев отступил на шаг и осмотрел меня со стороны. — Когда будешь выступать, сильно не старайся. Тебе сейчас ни к чему попечитель. И даже меценат ни к чему. Попечитель будет требовать от тебя академических успехов, а меценаты вовсе не так бескорыстны, как им хотелось бы казаться. Но выступить тебе придется. Твой выход — один из последних, так что время сориентироваться у тебя будет. Все понял?

— Ну, более или менее, — я кивнул. — Спасибо, Владимир Гаевич!

— Тогда вперед! — Ларошев толкнул передо мной дверь и отступил в сторону. — Удачи!

Я вошел в просторный актовый зал, украшенный по торжественному случаю лентами и гирляндами из белых и зеленых бумажных шаров. С правой стороны для дорогих гостей

были накрыты фуршетные столы, но студентам оттуда ничего брать не полагалось. Но ничего другого рассмотреть я не успел.

— Что-то у тебя знакомое лицо, парень, — лениво растягивая буквы проговорил опирающийся на стену Юрий Матонин. На этот раз он был одет не в шелковые шаровары, а во вполне цивилизованный костюм-тройку жемчужно-серого цвета. — Мы не встречались раньше?

Глава 29. Бал ста королей

Он меня не узнал. Матонин смотрел на меня с выражением недоумения и тягостных раздумий, но он явно меня не узнал. Хм. Я изобразил на лице какое-то подобие восторженной растерянности и помотал головой. Блин, как же мне хотелось надеяться, что Талтуга ночью мне всего лишь приснилась! Честно говоря, я совершенно не рассчитывал увидеть его вот так скоро. Хотя было бы круто, конечно, прямо сейчас всадить ему нож в печень... Такие себе мечты посреди украшенного актового зала и толпы весьма пестрого народа.

— Кстати, а почему у вас так мало девушек? — Матонин отлип от стены и направился ко мне. — Я рассчитывал весело провести время, но тут сплошные протокольные рожи, а на столах ничего крепче пива.

— В университете до полудня ничего крепче пива не пьют... — философски заметил я и сделал шаг в сторону сцены, рядом с которой как раз толпились студенты. Явно из тех, что собираются выступать. Надо бы подойти отметить... Но у Матонина насчет меня были, похоже, другие планы. Он быстрым шагом сократил дистанцию и приобнял меня за плечи.

— Я в Томске впервые, — заговорческим тоном сообщил он. — И мне нужен надежный проводник по местным значным местам. Ты выглядишь как неплохая компания. Предлагаю, когда вся эта бодяга закончится, сбежать отсюда на оторваться. Что скажешь?

— Звучит как отличный план... — осторожно сказал я, пытаюсь придумать какой-нибудь безопасный путь к отступлению. Но пока ничего подобного не было. Ни знакомых лиц, ни внятного повода отделаться от неожиданной назойливости Матонина. Голову неожиданно обожгла мысль, о том, что он просто со мной играет. Талтуга по его наводке проникла в мой сон и напела какой-то мистической чуши про золото и тень, а он сейчас старательно делает вид, что не опознал того парня, который от него сбежал со спецэффектами и медведем. «Блин, надо бы предупредить Натаху и Гиену, что Матонин в Томске!» — подумал я. А безумный Юрий, который вел себя как заядлый завсегдатай светских приемов, тем временем тащил меня в сторону столов с закусками. Рядом с которыми кроме меня ни одного студента не было. С другой стороны — а зачем я вообще хочу от него сбежать? Просто потому что не могу прямо сейчас всадить ему нож в печень? Да это же отлично, что он меня не узнает! Значит я могу с ним поболтать по душам, выведать, что у него за планы, в каком он настроении и все остальное. Откуда вообще у меня возникло дурацкое желание прятаться по углам? Я тряхнул головой и выпрямил спину.

— Кстати, а какая программа у этого шоу? — Матонин взял со стола пластик яблока и презрительно поморщился в ответ разливающему пива.

— Сначала выступают студенты, желающие найти себе попечителей или меценатов, а после обеда будет презентация проектов от разных кланов, — сказал я. — Я в первый раз на таком, мне тоже любопытно.

— Скука! — буркнул Матонин. — А, так ты тоже намерен кому-то продаться?

— Вроде того, — я подмигну Матонину. — Обучение в университете стоит недешево.

— Хм... — Матонин отстранился и посмотрел на меня внимательно. — У меня никогда не было своего студента. Ты медик? Или инженер?

— Ни то, ни другое, — я широко улыбнулся. — Я историк.

— Вот как? — Матонин скривился и оттопырил губу.

— Например, вы знаете, что это такое? — не дожидаясь его комментариев насчет бесполезности моей специальности или еще чего-нибудь в таком духе, я вытащил из кармана глиняную копию Золотого Соболя.

— Не имею ни малейшего представления, — Матонин потянулся к тарелке с тарталетками.

— Лет сто назад, практически сразу после баниции, — начал вещать я. — Один энтузиаст захотел объединить Сибирь в единое государство. Он собрал всех заинтересованных лиц и в качестве символа отчеканил тысячу вот таких монет. Из золота.

— Слишком большие для золотых монет, — заметил Матонин, уровень интереса Матонина поднялся чуть выше абсолютного нуля.

— Как мы видим, из затеи Пепеляева ничего не вышло, — сказал я. Нда, успех моего выступления перед безумным Юрием пока довольно сомнительный... Впрочем, чего я ожидал? Никаких смертоубийств и кровавых подробностей же... — Более того! Получившие эти монеты магнаты перессорились между собой и устроили настоящую резню за право обладать ими.

Ага! На резню он отреагировал лучше!

— А теперь, — с воодушевлением продолжил я, — когда интерес к этой истории уже все забыли, эти монеты пылятся в никому не нужных кладях. И чтобы получить их, нужен всего лишь историк. Вроде меня.

Я подмигнул Матонину и подбросил монету на ладони.

— Существует легенда, что тот, кто сумеет собрать их все, — вполголоса проговорил я Матонину на ухо. — Станет императором Сибири.

Эту импровизацию я только что придумал, но, похоже, попал в точку — в глазах Юрия засветился безумный огонек алчности.

— Императором? — задумчиво переспросил он. — Но это всего лишь глиняный оттиск!

— ну не понесу же я на собрание вроде этого настоящее золото, — я усмехнулся. — Кроме того, существует еще одна легенда...

— Ладно, ладно! — Матонин замахал руками. — Я понял! Ты ищешь покупателей? Сколько у тебя таких монет?

— Всему свое время, господин Матонин, — сказал я.

— Так мы все-таки знакомы? — Юрий снова нахмурился.

— Нет, — я быстро покачал головой. — Просто у меня есть список гостей, и я опознал вас по описанию.

Блин, прокололся. Надо бы все-таки от него отвязаться. Матонин непредсказуемый и эксцентричный. С него станется продержат меня рядом с собой в течение всего этого собрания, а у меня совершенно другие планы.

— Интересно... — начал Матонин, но его прервал пронзительный звук звонка. Под шумную трель на сцену вышел Кащеев, накинувший поверх строгого черного костюма фиолетовую мантию.

— Господа, прошу внимания! — громко объявил он. Но гости как-то особенно на его появление не отреагировали. Рядом со столом продолжили пить пиво под многочисленные закуски. Стайка студентов куда-то откочевала. Кажется, за кулисы. Воспользовавшись заминкой, я кивнул Матонину и с самым озабоченным видом направился в сторону сцены. Быстро. Чтобы он не успел меня остановить.

— Прошу внимания! — еще громче сказал Кащеев. — Прежде всего, я рад

приветствовать здесь старых и новых друзей университета...

Дальше его речь я не слушал. Примерно было понятно, что он там будет говорить. Бла-бла, программа собрания, важные гости и все такое. А я пока так и не решил, что именно буду вещать со сцены. А студенческий распорядитель, за которым я краем глаза следил, куда-то как назло делся.

— Прошу прощения? — сказал незнакомый парень, на которого я случайно налетел, пока крутил головой.

— Ой, извините! — сказал я.

— О, я смотрю, вы избавились от Матонина-младшего! — сказал незнакомец. — А я уж думал, не пойти ли вас выручать!

— Вы с ним знакомы? — спросил я, разглядывая нового собеседника. Совсем молодой, лет семнадцать. Или даже еще моложе, просто строгий темно-синий костюм делает его старше. На галстук — зажим из белого металла с рубином размером с горошину. На среднем пальце правой руки — перстень в пару к зажиму. Незнакомый, совершенно точно. Никогда его раньше не видел и даже никого на него похожего.

— К несчастью, да! — парень скривил недовольное лицо. — Кстати, я Стас Демидов. А вы?

— Богдан Лебовский, — представился я.

— Новенький? — Демидов оценивающе осмотрел меня с ног до головы.

— Так заметно? — я хмыкнул.

— Есть что-то такое... Растерянное, — он подмигнул. — Но держисься неплохо, не переживай. Ты случайно не инженер?

— Неа, — я помотал головой. Как они все странно переходят с вы на ты и обратно, я никак не могу привыкнуть!

— Жаль, — младший Демидов покрутил на пальце перстень. — Нам на производство нужен один. Придется ждать презентаций и слушать, какие они все замечательные.

— А вы же здесь всех знаете, да? — спросил я.

— Ноблесс оближ, как говорится, — он кивнул. — Конечно, знаю. А что? Повести экскурсию?

— А можно? — спросил я.

— Ну если ты никуда не торопишься и тебе не надо готовиться к выступлению... — Демидов многозначительно покосился в сторону сцены, с которой все еще вещал Кашцев.

— Успею, я не первый, — легкомысленно отозвался я.

— Как скажешь, Лебовский, — Демидов криво ухмыльнулся. — Вот этот толстый, который пытается ухватить рыбу с тарелки и сейчас прольет на себя соус — Шарль Дюфлон. Его легко можно опознать по двум мордovorотам, постоянно трущимся рядом.

— Это он строил цеппелины? — спросил я, разглядывая неказистого на вид дядьку. Брюки на заднице висят мешком, рукава пиджака какие-то перекошенные, галстук повязан непонятно как. Усы еще такие... дурацкие. «Это нэ усыки, это пропуск в трусыки!» или что-то вроде того. В лице совершенно ничего изысканного или французского — типичная такая простецкая мужицкая ряшка.

— О, не только цеппелины! — глаза Стаса восторженно сверкнули. — Месяц назад он показывал свою версию боевого шагохода! Ты не смотри, что он выглядит как запойный куркуль! Он настоящий техномаг, и клан сколотил за несколько лет такой, что те же Матонины уже забеспокоились!

— И из Матониных кроме Юрия кто-то есть? — спросил я.

— Нет, что странно, — Демидов вытянул шею, оглядывая собрание. Пока я общался с Юрием, народу явно прибавилось. — Но может попозже подойдут. Или решили, что раз здесь Юрий, то лучше не позориться.

— Хорошие у них отношения в семье, как я посмотрю, — я хмыкнул.

— Не без урода, да, — в тон мне отозвался Демидов. — А вот тот длинный, похожий на воблу — это на самом деле очень важная персона. Это Иван Михайлович Писаревский. Когда-то его дед начал с маленькой аптеки в Иркутске, а сейчас их семья владеет почти всем производством пилюль и микстур. И каждый врач и аптекарь вынужден ему в ножки кланяться.

Я мельком окинул взглядом фармацевтического магната. Тот реально походил на рыбу. Особенно выражением лица.

— Вон тот невысокий мужичок с пузиком — на самом деле женщина, — Демидов ткнул пальцем в человека в черном костюме и котелке. Женщина? Интересно, усы свои или наклеенные? — Это Инесса Граббе, она из Щегловска. Унаследовала угольные шахты от отца, ее трижды пытались сместить, даже убийц подсылали. Но без толку. Не обманывайся на ее счет. Она только выглядит как неуверенный в себе недоносок, на самом деле железная леди, сожрет с потрохами, а ты и не заметишь!

Вообще-то она смотрелась как какой-то грустный клоун на скамейке запасных. Брови что ли такой эффект давали? Она разговаривала с каким-то вертлявым мужиком в полосатом костюме и широкополой шляпе, губы ее кривились, будто она сейчас заплачет. И выглядело все так, будто она просит милостыню. Хм... Понятно, буду иметь в виду. Я служил с одним похожим типом, который все время делал вид, что вот-вот сдохнет, что он такой бедненький и больной, но потом на деле оказывалось, что он по нормативам всех обошел.

— А разговаривает она с кем? — спросил я.

— Это Кубичек, — Демидов презрительно скривил губы. — Не знаю, зачем его сюда пустили, наверное взятку дал. Он работал у Крюгера, тот его выпер с треском. Теперь пытается найти нового покровителя.

— Бюрократ? — спросил я.

— Что-то вроде, — Демидов неопределенно махнул рукой. — Забей, вообще бесполезный хрен.

— А Крюгер где? — спросил я, оглядывая зал.

— Вон тот, с красной лентой особого гостя, — Демидов мотнул подбородком в сторону сцены. Крюгер оказался полноватым мужиком с зарождающейся лысиной, тщательно прикрытой соседними волосами. На гладко выбритом лице — доброжелательная улыбка и очки в толстой роговой оправе. — У него такой приторный вид, наверное, уже с Ворсиным пообщался. Он тоже где-то здесь, мы вместе пришли сегодня.

— Тоже пивовар? — спросил я.

— Ага, — Демидов кивнул. — Немец никак не может смириться с тем, что Ворсины пиво варят лучше него.

— Действительно лучше? — спросил я.

— А то! — выражение лица Демидова стало высокомерным. — Барнаульское пиво всегда было лучше томского! Только здесь, его, понятное дело, не подают. Из уважения к этому парню... — Демидов снова кивнул на Крюгера.

Раздались редкие аплодисменты. Кашее закончил свою длинную скучную речь, коротко

поклонился и уступил место в центре сцены незнакомому парню. Без мантии, но с белой лентой через всю грудь. Знак того самого распорядителя, который занимался студентами. И к которому мне нужно было подойти. Интересно, что будет, если я не буду выступать? Мне объявят выговор? Или поставят двойку по поведению?

— Не буду долго отнимать ваше время! — громко произнес распорядитель. — Просто напомню процедуру! Закончив выступление, соискатель поднимает вверх правую руку. Это означает, что ему можно задавать вопросы. Торг начинается, когда вопросы заканчиваются. Начальная ставка у каждого — двадцать тысяч соболей. Первый соискатель — Илья Угрюмов!

Снова раздались хиленькие аплодисменты.

На середину вышел худощавый парень с очень тонкой шеей. Откашлялся. Осмотрелся немного испуганно. И начал рассказывать, что ему девятнадцать, он родился в деревне, бла-бла-бла... Но несмотря на непоставленный голос, его слушали гораздо внимательнее, чем того же Кашеева. Даже юный Демидов замолчал и прислушался.

Я тоже послушал, но скорее из чисто академического интереса. Мне же тоже это скоро предстоит. Надо понимать некую среднюю температуру по больнице...

В очереди я неожиданно оказался четвертым. На втором студенте Демидов меня бросил и подобрался поближе к сцене. Даже задап пухлому студенту-инженеру пару каверзных вопросов. За третьего, точнее третью, развернулось настоящее сражение ставок, она была из карателей и с медицинского факультета. Выглядела как серая мышка, краснела, мямлила, почти ничего было непонятно, что она там говорит.

— Богдан Лебовский, — объявил вдруг распорядитель. — Лебовский, вы где? Ваш выход!

— Я тут! — сказал я, подавив желание сделать вид, что Лебовский не явился, а я вообще не знаю, что это за парень. Я протолкался через столпившихся у сцены людей и взобрался на сцену. Вышел на середину. Сразу же увидел Матонина. И еще одного человека рядом с ним. На лице Матонина снова было выражение тягостного сомнения. А тот человек, кажется, именно его я видел тогда в зазеркалье, склонился к его уху и что-то прошептал.

Я набрал в грудь воздуха, собираясь с мыслями. Но выступить не успел. Раздался звон разбитого стекла, на паркетный пол посыпались сверкающие осколки. А в высоком окне возникла призрачная черная фигура.

На несколько секунд повисла мертвая тишина.

— Что это такое? — громко и недовольно спросил кто-то из толпы. А я уже видел эту штуку. Буквально, сегодня ночью, в Уржатке. Только когда я заглядывал в окно, оно было значительно меньше.

Черная тень метнулась в зал. Раздались крики, кто-то бросился к двери, завизжала женщина.

Я отступил в сторону кулис. Вроде бы, ночью в Уржатке шла речь о том, что эту тварь натравят на Батьку. Неужели он тоже здесь?

Черные призрачные руки выхватили из толпы мужчину с красной лентой особого гостя. Тварь подняла Крюгера в воздух, держа за шею. Он дергал руками и ногами, хрипел. Крики стали громче, у дверей началась давка.

Тварь издала утробный гулкий рев и вцепилась в лицо Крюгера. Ну, то есть, это выглядело, как будто она именно вцепилась — черный туман, напоминающий по форме голову, приблизился к голове Крюгера и покрыл его лицо. Брызнула кровь. Сквозь крики

народа пробился мерзкий звук ломающихся костей. Тело Крюгера перестало дергаться и обмякло.

Призрачные пальцы разжались, и труп пивного магната рухнул на паркет. Вместо лица — кровавая каша.

Тварь взлетела под самый потолок, а потом стремительно ринулась вниз, как будто выбирая новую жертву.

Глава 30. По рукам?

Слишком быстро двигается. Слишком быстро. Слишком... Я почти успел отскочить за кулисы, но черный призрак преградил мне дорогу. Фигура из черного тумана зависла передо мной. На голове твари засветились две красных щели глаз. Руки потянулись к моей шее. «Ну вот и все...» — обреченно подумал я, решительно не представляя, что я могу поделаться. Но тут произошло сразу несколько вещей. Тварь вдруг замешкалась. Как будто принялась и кашлянула, если так вообще можно сказать про призрака. Из-за кулис на сцену метнулась невысокая фигурка в красном платье в горошек. Ростом с десятилетнюю девочку. Пальцы Соловейки бешено выплясывали какой-то дикий танец. Над ее головой кружилось десяток светящихся шариков. Она замерла на расстоянии нескольких шагов от твари и выбросила правую руку вперед.

Огоньки над ее головой стаей устремились к замершему передо мной черному туману.

Врезаясь в тело, каждый шарик рассыпался бледно-голубыми искрами. Запахло озоном, как во время грозы. Соловейка отскочила назад, продолжая плести узоры пальцами.

Черная тварь взревела и метнулась вверх. Соловейка выкрикнула несколько незнакомых слов и сделала движение, будто что-то метает. С ее пальцев сорвалось бледное сияние, которое на мгновение окутало призрака целиком. Потом погасло.

Такое впечатление, будто это сделало тварь тяжелее. Она стала медленно опускаться к полу. И как-то нервно задергалась.

Соловейка подскочила ко мне и толкнула меня в сторону. Потом снова сплела и расплела пальцы. В этот момент стало жутко холодно.

Но тут тварь, кажется, опомнилась. Глаза ее снова засветились красным. Она протянула призрачные руки к Соловейке, вокруг каждой ладони сгустилось облако черного тумана. И два темных клубка устремились в сторону Соловейки.

Она успела протараторить что-то вроде считалочки, и снаряды, запущенные тварью, размазались черными кляксами по невидимому куполу, не причинив Соловейке никакого вреда.

Тогда тварь сменила тактику и метнулась в сторону все еще не покинувшей зал толпы. Соловейка прыгнула на край сцены, и пальцы ее снова заплясали какой-то невероятный танец. Сияние соскользнуло с ее острых ногтей, но тварь уже вклинилась в толпу. Снова раздался хруст костей и мерзкое чавканье. Чья-то голова лопнула, разбрызгивая красное. Кто-то хрипел, кто-то дико орал. Кого-то сбили с ног прямо под ноги паникующим людям. Жесть...

Тонкое жемчужное сияние достигло призрака. Каждый лучик как будто зацепился за его туманную плоть. Соловейка принялась делать руками пассы, будто вытягивает из воды сеть.

Тварь завывала и принялась извиваться. Взмах призрачной руки — и чья-то грудь располосована глубокими ранами. Еще взмах — и в сторону летит оторванная кисть.

Соловейка принялась тащить интенсивнее. Взмах. Еще взмах.

Теперь тварь была на середине зала и не дотягивалась до напирвующих на выход людей.

Тварь снова завывала и затрепыхалась. И как будто опять стала меньше.

— Ну-ка стой, дрянь такая! — прошипела Соловейка. Мне ужасно хотелось ей помочь, но я совершенно не представлял, как именно. Я смотрел на кукольное личико Соловейки,

искаженное нечеловеческой яростью. Видел, как на ее лбу выступили крупные капли пота, а в глазах светились и гасли отблески синего пламени.

— Неет! — вдруг заорала она. Настолько громко, что у меня заложило уши. В этот момент тварь рванулась изо всех сил, бледносветящиеся нити лопнули и рассыпались жемчужной пылью. Тень уменьшилась в размерах, клубком метнулась к окну и черным росчерком вырвалась наружу. Тем же путем, что и пришла — через разбитое окно актового зала.

— Дерьмовое дерьмо! — выкрикнула Соловейка, и каблуки ее лакированных красных туфель загрохотали по лестнице со сцены.

— Сольвейг Павловна! — раздался из-за кулис голос Кашеева. — Оставьте, вы его не догоните!

— Сука-сука-сука! — кукольное лицо скривилось в гримаску, будто она сейчас заплачет. — Откуда здесь взялась сумеречная тварь?! Я думала, что в прошлый раз мы убили всех!

— Значит не всех, — буркнул Кашеев и тоже поспешил вниз. За ним следом безмолвной тенью шагала Лизонька. Волосы снова убраны под мужскую кепку, бесформенная одежда не позволяет понять, какого она пола, и что у нее за фигура. — Остановитесь! Без паники, пожалуйста!

— Лебовский... — Соловейка остановилась перед сценой напротив меня.

— Сп... Спасибо, — проговорил я, когда смог разлепить пересохшие губы.

— Так, шагай отсюда! — заявила она. — Только под ногами мешаешься. Чтобы завтра в восемь был в моем кабинете!

— Да, Сольвейг Павловна, — я послушно кивнул.

Мне удалось просочиться наружу довольно легко. Когда тварь сбежала, а Кашеев принялся унимать панику, толпа быстро распалась на мелкие группы, давка в дверях прекратилась. На выходе я столкнулся с Феодорой. Она была в монашеской одежде, на плече — здоровенная сумка, а на лице — сосредоточенность и тревога. Я хотел с ней поздороваться, но она проскочила мимо меня в зал. Логично. Страшно представить, сколько им там предстоит работы. Только на моих глазах тварь дотянулась своими черными лапами примерно до десятка человек. И умерли из них далеко не все. Зато раны она наносила просто чудовищные.

— Я думал, ты не выживешь, — раздался над самым ухом голос Стаса Демидова. — Перед тем, как сбежать, я видел, как призрак налетел на тебя.

— Почти налетел, — сказал я. — Мне помогли.

— Второй день рождения, считай, — Демидов кивнул головой в сторону крыльца. — Покурим?

Я заметил нервно топчущегося в холле Ларошева. Было заметно, что он собирался подойти ко мне, но заметив рядом со мной Демидова, передумал и остался на месте. И даже сделал вид, что смотрит совсем в другую сторону.

Мы со Стасом вышли на крыльцо. Он извлек из кармана массивный портсигар с гербом и тяжелую золотую зажигалку. Щелкнул крышкой, протянул мне. Я сначала засомневался. Я же бросил, может не надо начинать? Потом подумал, что пофиг. Тот самый случай, когда закурить — вполне нормально. Кроме того, здесь нет на каждом шагу ларьков, в которых продаются сигареты, так что можно не опасаться, что курение снова войдет в привычку.

Стас щелкнул зажигалкой, затянулся и выпустил струю дыма. А я еще раз присмотрелся

к нему. Он реально молодой еще. Совсем пацан, младше меня лет на пять. Но выглядит не по годам серьезным. Элегантный костюм носит ловко и уверенно, вовсе не выглядит в нем неуклюжим старшеклассником.

— Не знаю, почему я к тебе прицепился, — сказал Демидов и посмотрел на меня. — У тебя бывает так, что видишь человека и понимаешь, что просто обязан с ним пообщаться. Он точно свой. Понимаешь, о чем я?

— Да, вполне, — я кивнул и тоже закурил. В голове зашумело от первой же затяжки.

— На всякий случай уточню — я не из этих, не из содомитов, — Демидов, кажется, слегка смутился. — Просто чтобы ты не думал ничего такого. Кстати, я же так и не спросил. А ты на каком факультете?

— Исторический, — сказал я. Очень вовремя он спросил. Я как раз ломал голову над тем, как бы свернуть разговор в сторону кладов, реликвий и поисков сокровищ.

— Странно, — хмыкнул Стас. — Я думал, его распустили несколько лет назад.

— Формально да, — я кивнул. — Но сейчас мы с деканом пытаемся реабилитировать историю в глазах, так сказать, общества. Кстати... — я многозначительно посмотрел на Демидова. Тот нахмурился. — Вот какое дело. У твоей семьи же довольно богатая история, верно?

— Ну да, есть такое, — Демидов снова затянулся. Так глубоко, что даже закашлялся. Похоже, не так уж часто он и курит... Так, скорее понтуется.

— Наверняка у вас есть какие-нибудь потерянные реликвии, — сказал я. — Или легенды о спрятанных сокровищах. Или что-то, что вам хотелось бы заполучить в коллекцию, но...

— Этого добра — сколько угодно, — Стас засмеялся. — Я про последнее. Мой дядя — страстный коллекционер. Он даже в Барнауле открыл музей имени себя. Скупает всякую чушь за баснословные деньги. Кажется, что всякие ушлые ребята уже прочухали эту тему и подсовывают ему разный мусор, выдавая его то за курительную трубку телеутского вождя, то за шнурки от онучей скифской принцессы. А что до наших семейных баек... Ну да, есть история про клад Прохора. Он сразу после баниции потек крышей, сколотил банду и несколько лет терроризировал южный тракт. Потом его поймали и повесили, но вот награбленное... А почему ты об этом заговорил вообще?

— Это к вопросу об историческом факультете, — сказал я. — Я предложил перевести историю из чисто теоретической дисциплины в практическое русло. Заняться всем вот этим — находить вожделенные реликвии, искать потерянные клады, ну и все такое прочее.

— Хм, а звучит интересно, — Демидов посмотрел на меня. Интересный такой взгляд. Не азарт романтика, сделавшего стойку на очередное приключение. А как будто циферки запрыгали. — Можешь считать, что я в деле. Надо что-то подписать?

— Да нет, — я подмигнул. — Я пока просто... почву прощупываю, что ли.

— Я тебя слышал, — Стас серьезно кивнул. — Ты мне идею рассказал, и теперь в дело вступают и мои интересы тоже. Я хочу в этом участвовать. И хочу гарантий, что ты не соскочишь. С подписанными документами это превратится из просто трепа в рабочий проект. Понимаешь, о чем я?

— Ты говоришь прямо как Бюрократ, — сказал я и, оценив недоумение на его лице, поспешил объяснить. — Бюрократ — это прозвище одного парня из моей команды. Клауса Витте. О! Кстати, у меня есть идея. Раз уж речь зашла про подписи и печати, то мне имеет смысл поговорить с моим деканом, чтобы все сформулировать. А тебе — покопаться в

памяти и составить список задач, которыми мы могли бы заняться. Ну, там, коллекционные ценности, клады и вот это вот все.

— По рукам, — Демидов протянул мне узкую холеную ладошку. Я, разумеется, ее пожал. И мысленно возликовал. Кажется, все складывается как надо! — Вот моя карточка. Я остановился в «Метрополе», портье знает, в каком номере. До завтра вы управитесь с документами?

— Конечно! — самоуверенно заявил я.

— Тогда как насчет встретиться за завтраком и все подписать? — спросил Демидов.

— Отличная идея... — тут я вспомнил про Соловейку. — А, стоп! У меня с утра учебные дела. Обед?

— Договорились! — Демидов еще раз протянул мне руку, на этот раз уже прощаясь. Потом сбежал по ступенькам и уверенной походкой зашагал прочь от университета.

Я затушил все еще тлеющую сигарету. Ну да, курильщик я тот еще — разок затянулся, а все остальное время просто размахивал ей, как дирижерской палочкой.

Зашел в холл, огляделся. Выцепил взглядом Ларошева, который, активно жестикулируя, разговаривал с Синильгой Азаматовной. Радужное настроение снова сменилось на тревожное — в холле уже лежало несколько тел, прикрытых тканью. Двое парней-студентов несли кого-то на носилках в сторону лестницы.

Я шагнул в сторону Ларошева, но тут кто-то тронул меня за плечо. Я повернулся. Незнакомый парень. Темные волосы, темные глаза. Кажется, мой ровестник. Одет в обычный черный костюм, вроде моего. И темно-синюю рубашку.

— Прошу прощения, — он вежливо улыбнулся. — Я случайно услышал ваш разговор сегодня.

— Ммм? — я изобразил интерес и насторожился.

— Насчет легенды про императора Сибири, — нейтральным тоном продолжил парень. — Кстати, меня зовут Павел. А вас?

— Богдан, — сказал я. Что-то было неправильное в этом знакомце. Как будто я его видел раньше, только вот не мог вспомнить лицо.

— Ваш собеседник не проявил к истории должного интереса, — сказал Павел. — А вот я бы хотел узнать подробности...

— Я бы не сказал, что у этой легенды есть серьезные основания, — начал импровизировать я, мучительно пытаюсь вспомнить, кто же это такой, и почему его лицо кажется мне знакомым. — Вы слышали про Золотые Соболя?

— Сибирская денежная единица? — спросил он. — Я считал, что это просто соболя, без золота.

— Почти сразу после баниции Анатолий Пепеляев собрал всех крупных сибирских промышленников и торговцев, — я облокотился на колонну, — чтобы учредить сибирское государство. И на этом собрании было отчеканено тысяча золотых монет. Их разделили между магнатами в знак того, что каждый из них так или иначе причастен к управлению. Вот только он забыл пригласить, так сказать, аборигенов. И телеутский шаман тогда произнес не то пророчество, не то проклятие. Точную формулировку я не знаю, но суть была в том, что пока все эти монеты находятся в разных руках, никакого объединения не будет. Зато если найдется кто-то, кто соберет всю тысячу, то он и сможет взять над сибирской землей власть. Вот, собственно, и вся легенда.

— А что за предмет вы показывали? — Павел слушал очень внимательно. Даже

слишком, на мой взгляд. Особенно с учетом того, что эту легенду я сочинил на ходу. И шамана этого тоже просто придумал. Я сунул руку в карман и достал глиняную монетку. Протянул Павлу.

— У того, кто сделал эту копию, должен быть и оригинал... — задумчиво проговорил он. — Сколько вы хотите за них? И сколько штук у вас есть?

— А я разве сказал, что они у меня есть? — я взял из его пальцев монету и опустил обратно в карман.

— Хорошо, — он пристально уставился на мое лицо. — Сформулирую предложение иначе. Я готов купить у вас Золотые Соболя. В любом количестве. И готов предложить больше, чем любой другой покупатель.

— Хорошо, я буду иметь это в виду, — сказал я и бросил взгляд в сторону Ларошева. Тот все еще общался с Синильгой Азаматовной.

— Нет, вы меня не поняли! — Павел придержал меня за плечо. — Я дам на тысячу соболей больше, чем любой другой покупатель. За каждую монету. И не смотрите на мой наряд, внешность бывает обманчива. Вот моя карточка. Если меня не будет на месте, оставьте сообщение у метрдотеля, и я найду вас сам очень быстро.

Я взял кусочек тисненого картона.

Павел Изместьев.

Гостиница «Метрополь», номер 312.

— Я вас услышал, — сказал я.

— По рукам? — он протянул мне ладонь. — Вы обещаете, что свяжетесь со мной после любого разговора с покупателями?

— Хорошо, я обещаю, — сказал я и пожал ему руку. Показалось, или в его правом глазу сверкнуло что-то синее?

— Отлично! — он широко улыбнулся. — Тогда не смею вас больше задерживать!

Павел быстрым шагом направился к выходу. А я, уже в третий раз, попытался подойти, наконец, к Ларошеву.

И с третьего раза у меня это получилось.

— А, Лебовский, вот и ты! — Ларошев отечески приобнял меня за плечи. — У меня отличные новости. Идем! Кстати, я забыл спросить? Ты же умеешь водить машину?

— Умею, — я кивнул. Я все еще был в некотором ступоре от недавнего разговора.

— Еще лучше, значит не придется выпрашивать еще и шофера! — Ларошев стремительно свернул в правый коридор, увлекая меня за собой.

Мы вышли во внутренний двор университета и повернули в сторону стены деревьев, которая закрывала ворота университетского автопарка. Ларошев подошел к воротам и принялся нетерпеливо в них колотить.

— Гриша! Ты там опять спишь? Открывай немедленно!

— Да иду я, иду... — раздался голос с той стороны. — Не терпится им...

Ворот скрипнули и открылись. Слегка опухшее лицо Гриши как бы намекало, что вчерашний вечер он провел весело. А вот утро как-то не задалось.

— Что вам, Владимир Гаевич? — спросил он, глядя исподлобья.

— Распоряжение Гезехуса! — Ларошев жестом фокусника извлек из кармана бумагу и сунул Грише под сизый нос. Тот пошевелил губами. Потом бровями. Потом глянул на меня. Хмынул и махнул рукой следовать за ним.

Мы прошли в самую дальнюю часть стоянки, мимо нескольких грузовых машин и

парочки автобусов.

— Вот она, можете забирать, — Гриша сунул мне в руку ключ.

Я замер, не веря своим глазам. Это был обшарпанный тупоносый фургон на трех мостах. Правая фара треснула, на двери — пятно черной краски. Я полез в карман и достал бляху-брелок с силуэтом машины, очень похожей на «шишигу». Ту самую, которую мне всучил незнакомец с лицом Гезехуса на незапланированной остановке поезда где-то в уральских горах. И которую я теперь таскал с собой везде, как талисман.

А теперь та самая машина стояла передо мной в натуральную величину.